

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Афанасьева В. В.** Нелинейная диалектика 5
- Беляев Д. А.** Философское определение сверхчеловека 9
- Беляев Е. И.** Принципы концептуализации и риски философствования 14
- Горячко Е. С.** Традиция в культурном пространстве: парадигмы исследования 18
- Кожемякина Л. А.** Основные мировоззренческие и методологические принципы музейно-педагогической программы «Диалог культур “Восток-Запад”» в Центре-Музее имени Н. К. Рериха 21
- Ломако О. М.** Герменевтика социальной действительности в проблемном поле философии 25
- Пигалев С. А.** Идеологические принципы социального развития в эпоху глобализации 30
- Позднева С. П., Маслов Р. В.** Проблема человека в русской философии 34
- Попов Д. А.** Влияние психоаналитических представлений о человеке на развитие искусства XX века 38
- Сильнова Е. И.** Социальный образ: начала концептуализации 43
- Устьянцев В. Б.** Универсалии как духовные основания межкультурного диалога России и Китая 49
- Филимонова О. Ф.** Человек науки: новые контексты самоидентификации 53
- Фриауф В. А.** Язык, метафизика и этика в диалоге русской и китайской традиций 57
- Цыганков А. С.** Социальная идентичность и мифоистория: трансформационные изменения содержания мифологем 61

Психология

- Вагапова А. Р.** Представления о благополучии и их влияние на эмоционально-оценочное отношение к Другим 66
- Дорошин И. А.** Ордерная диагностика медийных аспектов организационной культуры 71
- Киселев К. А.** Восприятие ненадежности рабочего места (job insecurity) как фактор вовлечения личности в беловоротничковую преступность 76
- Кленова М. А.** Самоотношение как фактор готовности к риску 83
- Костанова Л. Ю.** Взаимосвязь личностных и психодинамических показателей адаптивности в структуре индивидуальности субъекта инфокоммуникации 88
- Романова Н. М.** Генезис вовлечения личности в криминальную деятельность 92
- Семёнова Е. М.** Специфика проявления толерантности и ее детерминант у представителей разных типов профессий 97

Педагогика

- Игошин В. И.** О подготовке бакалавров и магистров педагогического образования по профилю «математическое образование» 103
- Грецова А. П.** Педагогический дизайн в аспекте развития познавательных способностей старшеклассников 107
- Сергиенко И. Н.** Личностная составляющая профессиональной компетентности педагога музыки 111
- Тимушкин А. В.** Гипоксический стимул в повышении физической работоспособности спортсменов 115

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36014,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 15.09.2014.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,75 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 48.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

Afanasyeva V. V. Nonlinear Dialectics	5
Belyaev D. A. Philosophical Definition of the Overman	9
Beliaev E. I. The Principles of Conceptualization and the Risks of Doing of Philosophy	14
Goryachko E. S. The Tradition in the Cultural Space: the Paradigms of the Research	18
Kozhemyakina L. A. The Main Ideological and Methodological Principles of Educational Program Named «Dialog between the Cultures of “East and West”» in the International Centre-Museum Named after Nicholas Roerich	21
Lomako O. M. Hermeneutics of Social Reality in the Problem Field of Philosophy	25
Pigalev S. A. The Ideological Principles of Social Development in the Globalization Era	30
Pozdneva S. P., Maslov R. V. The Problem of Human in Russian Philosophy	34
Popov D. A. Influence of Psychoanalytic Ideas about the Person on Development of Art of the XX Century	38
Silnova E. I. Social Image: Beginnings of Conceptualization	43
Ustyantsev V. B. Universal as the Spiritual Foundations of Intercultural Dialogue Between Russia and China	49
Filimonova O. F. A Contemporary Scientist: Novel Contexts of Self-Identification	53
Friauf V. A. Language, Metaphysics and Ethics in Dialogue between the Russian and Chinese Traditions	57
Tsygankov A. S. Social Identity and Myth History: Transformational Changes in the Content of Mythologem	61

Psychology

Vagapova A. R. Notions of Well-Being and its Impact on the Emotional and Evaluative Attitude Towards Others	66
Doroshin I. A. Order Diagnostics of Media Aspects in Organizational Culture	71
Kiselev K. A. Job Insecurity as the Factor of Involvement of the Person in White-collar Crime	76
Klenova M. A. Self-relation as Factor of Readiness for Risk	83
Kostanova L. Yu. Personal Relationship and Psychodynamic Indicators Adaptability in the Structure of the Individuality of the Subject of Infocommunication	88
Romanova N. M. Genesis of the Involvement of the Person in Criminal Activity	92
Semyonova E. M. The Specificity of the Tolerance Manifestation and its Determinants in Representatives of Different Types of Professions	97

Pedagogy

Igoshin V. I. About Learning of Bachelors and Post-graduated Students of Pedagogical Education (Mathematical Education)	103
Gretsova A. P. The Instructional Design in the Aspect of Cognitive Development of Senior School Pupils	107
Sergienko I. N. Personality Factor in Professional Competence of Music Teacher	111
Timushkin A. V. The Role of Hypoxic Stimulus in the Increase of Physical Working Capacity of the Students	115

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

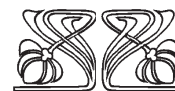
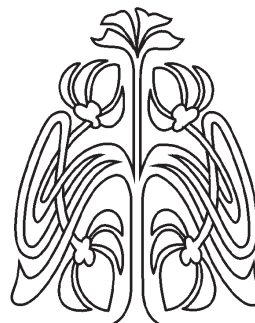
Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

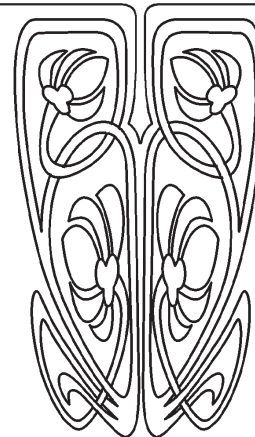
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Беляев Евгений Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

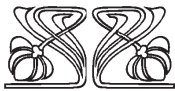
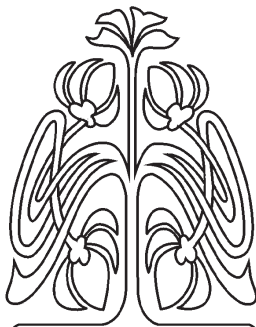
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

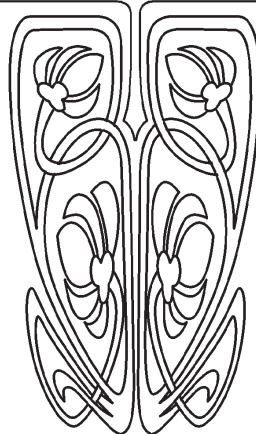
Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Belyaev E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК114; 115.4+53.02

НЕЛИНЕЙНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Афанасьева Вера Владимировна –
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: veraafanasyeva@mail.ru

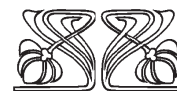
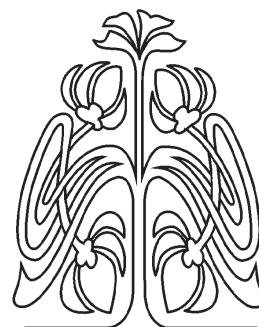
Целью статьи является анализ применимости законов классической гегелевской диалектики к сложным нелинейным системам. Показано, что в ряде случаев законы диалектики не справляются с описанием особенностей нелинейного развития: поливариантностью, обратимостью, критичностью, хаотичностью. Обсуждается необходимость и возможность интерпретации диалектики с учетом принципов постнеклассической научной парадигмы и результатов современных наук. Предлагаются постнеклассические формулировки законов диалектики, учитывающие всю сложность динамики нелинейных систем, приводятся примеры, подтверждающие их реализацию в социальных и природных системах.

Ключевые слова: нелинейный, постнеклассический, диалектика.

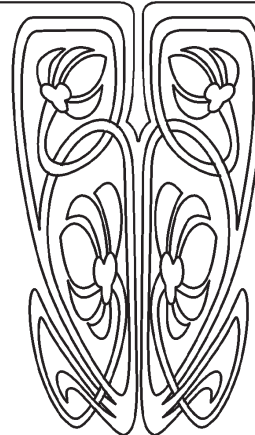
Поиск общих закономерностей развития природных и социальных систем был и остается важнейшей задачей естественных и гуманитарных наук. В последние десятилетия стало ясно, что развитие нелинейных систем (а именно такими, по современным представлениям, является большинство систем) характеризуется поливариантностью, обратимостью, кризисностью, хаотичностью, процессами самоорганизации и фрактального роста [1, 2] и существенно отличается от линейного и квазилинейного развития, для которых сформулированы законы диалектики Гегеля. В этой связи с необходимостью встает вопрос о существовании общих законов нелинейного развития.

Поскольку постнеклассические науки (синергетика, нелинейная динамика, теория организованной критичности) обнаружили универсальные «сценарии» нелинейного развития, онтологический поиск самых общих законов нелинейного развития, аналогичных законам диалектики, кажется вполне обоснованным. А тот факт, что нелинейное развитие оказывается гораздо более сложным, чем линейное, «включает» в себя последнее как частный случай, заставляет предполагать, что законы нелинейного развития будут обобщать законы диалектики или интерпретировать ее согласно современным представлениям о сложности динамики нелинейных систем. Это представляется вполне рациональным: рассматривая все существующее лишь как постоянно развивающееся, диалектика подразумевает и возможность собственного развития, это вытекает из ее собственных принципов. Мы полагаем, что новая интерпретация законов диалектики необходима и возможна именно в рамках постнеклассической научной парадигмы, и в этой статье постараемся ее дать.

Постнеклассическая интерпретация закона перехода количественных изменений в качественные фундируется целым рядом особенностей нелинейного развития.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

1. Непредсказуемость результирующего состояния, связанная с принципиальной множественностью состояний нелинейных систем. На первый взгляд, нелинейное развитие служит прекрасным примером действия этого закона в его классическом варианте, и ярким выражением этого закона кажутся бифуркации – качественные изменения состояния системы, происходящие при изменении некоторых количественных параметров, характеризующих ее состояние. В самом деле, плавно меняя параметры системы, можно добиться резкого, скачкообразного изменения ее состояния. Однако мультистабильность нелинейных систем и вытекающая из нее множественность возможных переходов из одного состояния в другое принципиально меняет ситуацию: в момент бифуркации существует не одна, а несколько возможностей изменить направление развития, так что переход в результирующее состояние зачастую становится непредсказуемым. Реализация же одной из возможностей зависит от целого ряда количественных факторов, вот почему в нелинейных системах изменение количественных характеристик часто приводит к непредсказуемому изменению качества. Именно нелинейность может приводить к тому, что одни и те же количественные изменения, выражаемые одним и тем же изменением параметров системы, могут приводить к появлению разных качеств. Ситуации, когда *одинаковые количественные изменения приводят к появлению разных качеств*, являются типичными для нелинейных систем.

2. «Накапливание качеств»: в процессах нелинейного развития появление качественно нового состояния может разделяться на этапы, подчиняющиеся строгим количественным изменениям, причем этих этапов может быть множество. Так происходит, например, когда реализуется определенная, типичная для нелинейных систем последовательность бифуркаций. В этом случае нелинейная система при изменении параметров будет демонстрировать цепочку *качественных* изменений, результатом которых будет установление качественно нового состояния. При этом количественные изменения могут быть совсем небольшими, а каждое новое качественное состояние в последовательности может отличаться от предыдущего сильно или незначительно, но это всегда качественные отличия, а результирующее качество всегда существенно отличается от исходного. Именно так происходит, например, в знаменитой последовательности бифуркаций удвоения М. Фейгенбаума, когда многократно удваивается период начального колебания в системе, а в результате возникает странный аттрактор [3]. Сказанное означает, что качественные изменения могут являться резуль-

татом целой последовательности качественных же изменений по определенной закономерности. И если в классическом случае «накапливаться» может только количество, то нелинейное развитие нередко связано именно с накапливанием качеств. Подобным же образом качества могут последовательно исчезать. Примером такой ситуации постепенного «накапливания» качеств может служить произошедшее за короткое время превращение Советского Союза в Российскую Федерацию в результате последовательного накапливания новых качеств: введения гласности, свободы предпринимательства, приватизации, суверенитета Прибалтики. Не менее характерны подобные процессы для становления личности.

3. «Скачок количества»: в нелинейных системах часто возникают «жесткие бифуркации», обуславливающие сильное отличие результирующего состояния от исходного, причем не только качественное, но и количественное. Такие ситуации соответствуют резким поворотам развития, а скачком при этом меняются не только качественные, но и количественные характеристики.

4. Слияние качеств или обмен ими: в процессах нелинейного развития нередко и ситуации, когда в результате бифуркации происходит объединение, слияние различных состояний. Развитие при этом может приобретать совершенно новое направление, принципиально иной вид. Новое качество в этом случае появляется не в результате количественного изменения собственных характеристик нелинейной системы, а приобретается в результате взаимодействия с другой системой. Примером подобного «приобретения» могут служить любые «мезальянсы»: неравные браки или объединения в политические или экономические союзы. В процессах образования альянсов нередко и ситуации обмена качествами: например, в социальных союзах это может быть обмен психологическими особенностями, привычками, профессиями, в объединениях физических систем – обмен физическими характеристиками, который нередко происходит в микромире.

5. Вырождение качеств: еще одну возможность развития нелинейных систем определяет существование в них так называемых «вырожденных» состояний. В этом случае в системе сосуществуют два или более состояния, мало различающиеся, но обладающие какой-то особенностью, «состояния-близнецы». Сказанное означает, что одни и те же количественные характеристики и даже одинаковые множества количественных характеристик могут соответствовать разным качествам. Подобная ситуация тоже не описывается классическим вариантом закона перехода количества в каче-

ство, но часто встречается в природе, особенно в квантовых системах.

Вышесказанное позволяет дать следующую постнеклассическую (нелинейную) интерпретацию закона перехода количественных изменений в качественные: количественные и качественные изменения находятся в сложной взаимозависимости; накапливаясь (плавно меняться) могут не только количества, но и качества; скачком меняться могут не только качества, но и количества; одни и те же количественные изменения могут приводить к появлению разных качеств; качества могут изменяться в результате слияния разных качеств или обмена ими; и количественные, и качественные изменения могут быть непредсказуемыми.

В такой интерпретации закон перехода количественных изменений в качественные предусматривает и многообразие возможных путей и механизмов развития, и его критичность, и множественность возможных состояний, и существование хаотических этапов. Его следовало бы назвать «законом нелинейной взаимозависимости количества и качества», а сформулировать можно было бы так: *в процессах развития качественные и количественные изменения связаны многочисленными и разнообразными нелинейными обратными связями.*

Нелинейное развитие, на первый взгляд, служит прекрасной иллюстрацией закона единства и борьбы противоположностей. В самом деле: самоорганизующееся и хаотическое, упорядоченное и беспорядочное, количественное и качественное, устойчивое и неустойчивое, симметричное и несимметричное в процессах нелинейного развития, казалось бы, находятся в неразрывном единстве и непрерывной борьбе. Однако нелинейность вносит в эту модель существенные коррективы, связанные со снятием дихотомии противоположностей. В нелинейных системах взаимодействие противоположностей может быть столь сильным, что они сливаются, образуя сложные синтетические качества, не имеющие классических категориальных аналогов [1]. Такими синтетическими качествами являются, например, «детерминированное хаотическое» (упорядоченно-неупорядоченное, определенно-неопределенное, предсказуемо-непредсказуемое), «виртуальное» (устойчиво-неустойчивое), фрактальное (прерывно-непрерывное), «хаотическое симметричное» и т.д. И если в классике «детерминированное хаотическое» представляется просто невозможным и ему ничто не соответствует в реальности, то в постнеклассической науке именно такое «непредставимое» определяет типичный характер развития огромного множества реальных систем. Нелинейность,

в принципе, связана с существованием сложных, реально существующих феноменов, онтология которых не допускает описания в системе дихотомичных классических категорий. Случайность становится необходимой, необходимость – случайной, причины и следствия начинают соотноситься не как цепь, а как сеть – и не описываются более классическими понятиями.

Остановимся на важном моменте: уже в неклассических представлениях закон единства и борьбы противоположностей не справляется с описанием некоторых процессов развития, потому что «противоположностей» не две, а больше. Так, Шеллинг, например, настолько увлеченный теорией электричества, что положил «положительное» и «отрицательное» в основу своей натурфилософии, легко бы мог объяснить электромагнитное взаимодействие борьбой и единством противоположных начал, ведь противоположных электрических зарядов всего два. Однако описать как борьбу противоположностей сильное взаимодействие у него не получилось бы, потому что оно определяется восемью (!) различными типами зарядов с разными наборами характеристик. Впрочем, и «классическое» гравитационное взаимодействие как борьбу противоположностей описать не удастся, ведь если гравитационный «заряд» и существует, то всего один. Точно так же в процессах нелинейного развития, как правило, принимают участие не два, а множество различных качеств, не борясь, а сложно взаимодействуя друг с другом, иногда поддерживая, резонируя, усиливая друг друга, иногда гася, уничтожая, а иногда – сложно преобразуя, и качества эти не дихотомичны, хотя бы потому, что их не два.

Таким образом, невозможность качественного сравнения состояний и этапов развития нелинейных систем, невозможность описать их классическими динамическими категориями приводит и к представлениям о непротивоположности соответствующих динамических понятий, раньше осмысляемых только как противоположные, к снятию дихотомии классических категорий динамики, к адихотомии. Но поскольку основные динамические категории имеют онтологические эквиваленты, то имеет место и адихотомичность соответствующих онтологических категорий, которые в классике мыслились как стороны дихотомии. Тут уместно заметить, что в нелинейных системах снимается и дихотомия самих количества и качества: нелинейные состояния имеют такие сложные наборы собственных характеристики, что определить, какие из них количественные, а какие качественные, можно только условно. Но раз это так, раз качества и количества становятся неразличимыми, то говорить о существовании

закон перехода количественных изменений в качественные просто бессмысленно. И тогда постнеклассическая интерпретация закона перехода количественных изменений в качественные, данная выше, может расцениваться всего лишь как «поклон» в сторону диалектики и в сторону все еще доминирующего в науках классического рационального стиля.

Итак, в процессах развития нелинейных систем могут участвовать как классические пары борющихся противоположностей (как частный случай), так и взаимодействующие сложные, синтетические образования из противоположностей, а также непарные сущности (в общем случае). Поэтому закон единства и борьбы противоположностей в постнеклассическом варианте мог бы называться «законом нелинейного взаимодействия множества дихотомий и адихотомий», а звучать так: *процессы развития реализуются в результате сложного взаимодействия множества противоположных и непротивоположных начал*. Простейшими модельными примерами таких ситуаций является «борьба хорошего с лучшим» и «борьба плохого и очень плохого» и становление вкуса человека. Вообще любое нелинейное изобилует таким множеством непротивоположных, хотя и очень разных состояний, что говорить об их оценке с помощью дихотомий, равно как и борьбе возникающих и исчезающих качеств не представляется возможным.

Рассмотрим теперь закон отрицания отрицания. На определенных этапах нелинейного развития закон отрицания отрицания действует в классическом виде. Примером действия этого закона могут служить некоторые известные в синергетике последовательности бифуркаций. Так, в случае бесконечной цепочки последовательных удвоений Фейгенбаума, уже ставшей хрестоматийной, все происходит по классической схеме: имеется совокупность сменяющих друг друга, отрицающих друг друга состояний, каждое из которых содержит некоторые черты предыдущего. Снятие особенно очевидно при переходе к странному аттрактору: возникшее хаотическое множество практически состоит из бесконечно большого числа ранее существовавших циклов, но принципиально отличается от них.

Однако более глубокий анализ процессов нелинейного развития позволяет обнаружить ряд феноменов, которые не описываются классическим законом отрицания отрицания.

1. *Нарушение преемственности развития*. Важнейшим для закона отрицания отрицания является представление о преемственности развития. Однако в процессах нелинейного развития она постоянно нарушается. Часто результатом бифуркации оказывается состояние,

сильно отличающееся от предыдущего или даже не имеющее с ним ничего общего. Состояние нелинейной системы при этом изменяется резко и сильно, а его характеристики полностью отличаются от характеристик исходного состояния, развитие делает резкий поворот. И если мы наблюдали за вполне нормальным развитием гегелевского бутона, то спустя некоторое время видим не цветок, а птицу, например. Разумеется, этот пример – лишь модельный и практически невозможен в случае метаморфоз телесного, но если говорить о развитии ментальных объектов, то подобное наблюдается нередко: это – любые резкие смены убеждений, взглядов, вкусов, знаний и пр. О повторяемости на определенном этапе развития некоторых свойств предыдущих этапов и преемственности развития в подобных случаях говорить не приходится.

2. *Возвраты к прежним состояниям*: в общем случае при исследовании нелинейного развития не подтверждается и классическое представление о необратимом характере развития. Для нелинейного развития типичными являются возвраты к прежним состояниям. Например, после установления хаотического состояния система при изменении параметров может поэтапно или скачком возвращаться к прежнему, упорядоченному состоянию, ничем не отличающемуся от исходного. Если и говорить о спирали в развитии в подобных случаях, то только о спирали сильно деформированной, согнутой или завязанной в узел. Но топологически это уже не спираль, и более уместно изображать такие варианты развития в виде клубка или петляющего, запутанного следа. Хорошо иллюстрирует возврат к прежним состояниям пример с развитием России: в свое время капитализм в ней сменился социализмом, а тот – снова капитализмом. Другие примеры – возвраты к прежним профессиям, супругам, привычкам, столь частые в человеческой жизни. Возвраты, повороты к ранее существовавшим состояниям, «обращения», инверсии являются типичными для нелинейного развития, нелинейное очень часто «петляет».

С учетом сказанного закон отрицания отрицания может получить следующую постнеклассическую интерпретацию: *преемственность этапов не является необходимым свойством нелинейного развития, а траекторией нелинейного развития в общем случае является сложная линия или фрактал*.

Итак, законы классической (гегелевской) диалектики не описывают всю сложность и разнообразие процессов нелинейного развития, а нелинейная (постнеклассическая) диалектика представляется настолько же сложнее класси-

ческой, насколько нелинейное развитие сложнее линейного или спирального. Онтологическим основанием нелинейной (постнеклассической) интерпретации законов диалектики являются существенные свойства нелинейного развития, а категориальным – адихотомичность противоположных в классике естественно-научных и онтологических категорий. Мы полагаем, что постнеклассическая интерпретация законов диалектики способна не только отразить все особенности нелинейного развития, но и обновить, даже реанимировать диалектику как таковую, сохраняя за ней статус мощнейшего и универсального метода исследования. По-видимому, в свете постнеклассических представлений наряду с самими законами диалектики нуждается в переосмыслении практически вся система классических категорий онтологии, при условии, что мы поддерживаем традицию рациональности. Однако заметим, что последовательное проведение в жизнь принципов нелинейного мышления на самом деле требует не интерпретаций классики, а «всего-навсего» констатации предельной сложности всякого нелинейного и невозможности его классического описания.

Список литературы

1. Афанасьева В. В. Детерминированный хаос : феноменологическо-онтологический анализ. Саратов, 2002. 213 с.
2. Анисимов Н. С., Афанасьева В. В. Нелинейное развитие социума : постнеклассический анализ // Власть. 2013. Вып. 1. С. 68–72.

УДК 008

ФИЛОСОФСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Беляев Дмитрий Анатольевич –

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Липецкий государственный педагогический университет
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Статья посвящена комплексному философскому определению концепта «сверхчеловек», актуального для многих современных философско-антропологических, аксиологических и культурфилософских исследований. Прежде всего, в работе проводится компаративный лингвосемантический анализ понятия «сверхчеловек» в его сравнении с немецким термином «Übermensch». Обосновывается мысль о непосредственной связи человека и сверхчеловека, где последний выступает горизонтом антропологической предельности в рамках определенного дискурса. Выделяются локальные константы человеческой природы и осуществляется их модельная реконструкция в измерении «сверх». Делается вывод, что в основу определения сверхчеловека могут

3. Feigenbaum M. Quantitative universality for class of non-linear transformations // J. Stat. Phys. 1978. Vol. 19, № 1. P. 117–124.

Nonlinear Dialectics

V. V. Afanasyeva

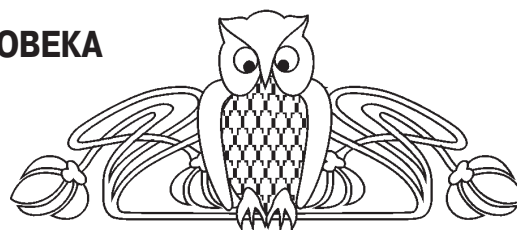
Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The paper contains analysis of classic dialectics laws application to the complicated nonlinear systems. It is shown that in some cases these laws do not manage to govern some peculiarities of nonlinear development, such as polyvariability, reversibility, criticality, chaos. The necessity and possibility of postnonclassic interpretation of dialectics in accordance with postnonclassic scientific paradigm principles is discussed. Postnonclassic formulations of the laws of dialectics are introduced, which reflect complexity of nonlinear systems dynamics. Examples are given, which demonstrate realization of the abovementioned laws in society and nature.

Key words: nonlinearity, postnonclassical, dialectics.

References

1. Afanasyeva V. V. *Determinirovanny khaos: fenomenologicheskoye-ontologicheskoye analiz* (Deterministic chaos: phenomenological and ontological analysis). Saratov, 2002. 213 p.
2. Anisimov N. S., Afanasyeva V. V. *Nelineinoe razvitiye sotciuma: postneklassicheskiy analiz* (Nonlinear development of society: postneclassical analysis). *Vlast* (Authority), 2013, iss. 1, pp. 68–72.
3. Feigenbaum M. Quantitative universality for class of non-linear transformations. *J. Stat. Phys.*, 1978, vol. 19, no. 1, pp. 117–124.

быть положены принципы «номадической трансгрессивности» и «антропологической иномерности», позволяющие говорить о сверхчеловеке как неконстантной антропной единице, ассоциированной с субъективно-консенсусным состоянием «сверх».

Ключевые слова: сверхчеловек, Übermensch, человек, антропологическая трансгрессия, атрибутика сверхчеловека, номадность человека.

Идея сверхчеловека является неотъемлемой частью социокультурного континуума и многочисленных рефлексий на тему антропологической предельности и моделей трансформации

человеческой природы. Одновременно в современной гуманитаристике отсутствует философское определение сверхчеловека, что создает ситуацию семантической неопределенности говорения о многих антропологических и социокультурных моделях, ассоциативно связанных с дискурсом сверхчеловеческого. Поэтому мы считаем актуальным и исследовательски необходимым прояснение философского смысла понятия «сверхчеловек».

Уже прояснение денотативного значения и морфологии слова «сверхчеловек» позволяет сформировать некоторый пласт первичных смыслов, задаваемых в нем лингвистически. Итак, это слово является двусоставной лингвистической конструкцией, включающей в себя базово коренное слово – «человек» и приставку – «сверх». Здесь уместно напомнить, что сама лингвоформа «сверхчеловек» изначально начинается хождение в русскоязычной семиосфере под влиянием философии Ф. Ницше. Именно термин «Übermensch», присутствующий в творческом наследии немецкого мыслителя, выступил как лингвистическая иноязычная первооснова для слова «сверхчеловек», став его русскоязычным переводным аналогом, пытающимся воспроизвести денотативное значение оригинала [1, с. 511–514].

При переводе на русский язык термина «Übermensch» практически сразу устоялась двухсоставная лингвистическая конструкция – «сверхчеловек», однако денотативное значение префикса «сверх» как смыслообразующей лексической единицы имеет некоторые особенности в сравнении с немецкой «über». Так, Ю. В. Синеокая утверждает, что в русскоязычной приставке «сверх», прежде всего, доминирует качественная оценка, «сверх» – «это высшая степень качества» [2, с. 59], т.е. отождествляется значение приставки «сверх» с качественно превосходящим значением «über». Это создает пространство семантической релевантности между префиксом «сверх» и качественным прилагательным «лучший». Между тем филологический анализ подтверждает, что через эту приставку возможна фиксация нейтральной иномерности обозначаемого, не вводящей шкалу качественной иерархичности [3, с. 149–158].

Таким образом, возможны, по крайней мере, три независимых варианта семантической транскрипции термина «сверхчеловек»: как *нечеловека*, совершившего трансгрессивное преодоление «меры человеческого» и ставшего *иным* антропным субъектом; как «лучшего человека», достигшего предела качественного совершенства, но оставшегося в рамках человеческой целостности; как качественно превосходного *нечеловека*.

Уже из приведенного лингвосемантического разбора термина «сверхчеловек», состоящего из рамочной конструкции «человек» и трансформирующей ее приставки «сверх», формируются некоторые первичные сложности, связанные с определением сверхчеловека. Очевидно, что он, с одной стороны, может пониматься как продолжение, высшая точка развития человека, в котором актуализируется некий идеал *человеческого*. С другой стороны, сверхчеловек может считываться как диалектическое отрицание человека – *нечеловек*, вышедший за пределы человеческого и, в сущности, не являющийся уже в качественном отношении человеком. Очевидно, что вне зависимости от точки зрения на отношение человек/сверхчеловек именно *человек* является исходной точкой отсчета для содержательного определения *сверхчеловека*, где человек либо представляется в своем высшем/предельном качественно идеальном состоянии, либо отрицается/преодолевается. Соответственно, говорение о сверхчеловеке неизбежно основывается на определении человека и сущностных *человеческих* оснований, которые далее вариативно актуализируются в измерении *сверх*, формируя модель сверхчеловека.

П. С. Гуревич полагает, что «человеческая природа» – это «совокупность устойчивых, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа, которые присущи человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса» [4, с. 25]. Однако, основываясь на этих принципах, весьма проблематично построить универсально-константное определение сущности человека. С учетом современного объема знаний и основных моделей философского говорения о человеке мы считаем, что человеческая природа не имеет универсальных констант, которые имели бы безусловную и категорическую определенность. В современной философской антропологии все большее распространение получает модель определения человека как «антропной номадической потенции», способной к вариативной актуализации как в модусе духа, так и телесной данности. Поэтому полагаем, что уместно выделять не универсальные качественные характеристики человека, что, на наш взгляд, невозможно, а сравнительно устойчивые «атрибутивные идентификаторы» *человеческого* – «локальные константы» человеческой природы.

Исходя из системы современных философско-антропологических воззрений, можно выделить два измерения определения природы человека: материально-физическое и идеально-духовное. Первое создает модель его внешней явленности, а второе – его психоментальной

особости и духовной потенции. В рамках материально-физического модуса человеческой природы мы фиксируем одну, но в известном смысле самую стабильную «локальную константу», сводящуюся к *телесно-физической* антропной определенности. Природно заданная материально-физическая телесность, во-первых, всегда была внешним идентификатором человеческого, имманентно присущим ему, во-вторых, формировала физическое пространство объективных возможностей и ограничений человека, влияющих на практически деятельные и экзистенциальные измерения его существования.

В рамках идеально-духовного измерения можно выделить сразу несколько «локальных констант» человеческой природы, однако каждая из них не обладает четкой определенностью внутренних характеристик. Первой «локальной константой» в этом ряду является *сознание* как особая, условно высшая форма отражения реальности, формирующая специфический модус *человеческого* восприятия мира и осознания идентичности/уникальности собственного Я в системе бытия. Второй «локальной константой» можно считать *разум* как эвристический инструмент и исключительную человеческую способность, ставшую, помимо прочего, основой именованного современного вида рода людей – «*Homo sapiens*». Вообще *сознание* и *разум*, безусловно, уместно рассматривать как части целостной психоментальности человека, формирующей пространство вариативных номадических «потенций духа».

Необходимо отдельно зафиксировать, что в отличие от материально-физиологической конституции, которая изначально дана в некоторой биологической исходности, набор психоментальных характеристик не имеет категорических калькулятивных показателей. Одновременно духовно-психологическое единство сознания-разума порождает новый пласт идеальных «локальных констант» человеческой природы социокультурного порядка: среди них можно выделить *ценностно-символическую*, которая фиксирует исключительность человека как «символического животного», создателя символических форм, задающих идеальный каркас пространству культуры. Ими являются ценности как значимые императивы-корреляторы, формирующие в модусе идеального матрицу *человеческого*, т.е. уклад духовной конституции и поведенческих стратегий человека. Следующей в этом ряду идет *социальная* константа, определяющая человека как «общественное/политическое животное», выступающее актором социального дискурса и деятельным трансформатором реальности через ее творческое освоение. Культуросозидательная

деятельная активность, ставшая механизмом освоения человеком природы и создания всего пространства материальной культуры, до некоторой степени объединяет в себе всю психоментальную атрибутику человека, объективируя ее в пространстве культуры.

Итак, человек является своеобразным, открытым, сущностно непредзаданным «биосоциальным проектом». Это порождает стихийную устремленность выйти за пределы своей, наличествующей сегодня психоментальной и материально-физической данности. В этом смысле человек является существом, стремящимся к состоянию «сверх», превосходящим установленные пределы. Само философское говорение о человеке, на что справедливо указывает Г. К. Сайкина, «нередко создает концепт “мета-существа”» [5, с. 68] или сверхчеловека.

Атрибутика сверхчеловека основывается на выделенных локальных константах человеческой природы, которые трансформируются в измерении «сверх». Однако номадическая подвижность рассмотренных констант и специфический характер понимания антропного измерения «сверх» накладывают существенный отпечаток на возможность и содержательность говорения о характеристиках сверхчеловека. Так, каждый из двух основных модусов понимания состояния «сверх» (применительно к человеку) исключает возможность его универсального определения. В случае считывания приставки «сверх» в значении указателя состояния трансгрессии возникает проблема фиксации «предельной черты», после которой и происходит переход на уровень «сверх». При качественно превосходном варианте интерпретации состояния «сверх» мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью его рассмотрения в контексте иерархической системы степеней совершенства. В обоих случаях состояние «сверх» определяется в рамках какого-то локального дискурса: консенсусным решением большинства, принятым в рамках того или иного локального социокультурного хронотопа; индивидуально-субъективным решением. Соответственно, любой вариант определения антропного уровня «сверх» будет обладать объективно ограниченной актуальностью, не претендующей на универсальность семантического считывания.

Между тем, на наш взгляд, все же возможно первичное, пусть и номадически-модельное, конструирование качественных характеристик сверхчеловека, базирующихся на «локальных константах» человеческой природы, вариативно представленных в измерении «сверх».

Итак, в рамках материально-физического измерения определения природы человека формируется первичная модель сверхчеловека

ческой атрибутики. Важно отметить, что здесь преобладает понимание состояния «сверх» как степени вполне определенного качественного совершенства. Поэтому сверхчеловек выступает, в первую очередь, как превосходная в сравнении с человеком антропологическая модель. Сам материально-физический модус конституирования человеческого задает ряд естественно-природных ограничителей, которые и преодолеваются в модели сверхчеловека.

Наиболее существенным естественно-биологическим ограничителем человека является *смерть*, задающая перспективу неизбежной конечности бытия человека в его изначальной материально-биологической конституции. Примечательно, что *смертность* часто выступает важнейшим атрибутом человека, подтверждающим его «человеческую идентичность». В. С. Соловьев справедливо отмечает, что понятие «смертный» становится тождественно понятию «человек» [6, с. 616]. Одновременно оно, как правило, контекстуально имело негативно-уничжительные семантические коннотации, так как указывало на «ущербность» человека, заключенную в его конечности. Человек как существо, осознающее свою смертность, стихийно сопротивляется ей, создавая/моделируя различные формы антропологического инобытия, способные абсорбировать смерть. Положительным антиподом смерти оказывается состояние бессмертия. Соответственно, для человека физическое бессмертие – это биологически трансгрессивное состояние, ассоциирующиеся с качественно превосходной формой бытия в измерении «сверх».

В итоге бессмертие, в котором происходит объективация перманентной тяги человека к преодолению своей природной ограниченности, становится одним из центральных атрибутов образа сверхчеловека [6]. В частности, эту установку отчетливо фиксирует В. С. Соловьев, утверждая, что «сверхчеловек должен быть, прежде всего, и в особенности победителем смерти» [7, с. 617].

Другие *сверхчеловеческие* характеристики, формирующиеся на основе материально-физической локальной константности человеческой природы, являются по преимуществу калькулятивно умноженной надстройкой имеющих исходных антропофизиологических характеристик человека. Например, сверхчеловек наделяется сверхсилой, сверхбыстротой, сверхловкостью и т.п. Между тем четкая количественно-мерная артикуляция этих параметров не представляется возможной. С одной стороны, априори предполагается, что уровень/объем физических характеристик количественно значительно превосходит мерный диапазон, характерный для субъекта,

находящегося в рамках условной «человеческой нормальности». С другой стороны, невозможно задать универсальную калькулятивную величину уровня «сверх» этих характеристик: он всегда определяется в рамках локального нарратива и носит субъективно-консенсусный характер.

Дополнительным измерением возможной актуализации вариантов *сверхчеловечности*, базирующимся на трансформации материально-физической локальной константы природы человека, является «трансгрессивная телесность». Радикальное переформатирование человеком своей телесной конституции, которое выходит за рамки исходной биологической нормы, также может квалифицироваться как проявление антропного состояния «сверх». При этом в данном случае «трансгрессивная телесность» выводится из иерархического контекста степеней совершенства и оценивается как вариант антропофизической иномерности.

Строго определенное и конкретное содержательное говорение о сверхчеловеческой атрибутике, базирующейся на идеально-духовных локальных константах человеческой природы, не представляется возможным. Это обусловлено, в первую очередь, номадичностью самих базовых идеально-духовных констант «человеческой нормы». Соответственно, определение уровня «сверх» происходит через субъективную и локально-культурную компаративную идентификацию качественной инаковости, релевантной в рамках весьма ограниченного дискурса.

Условное *сверхсознание* характеризуется способностью формировать *иную*, в сравнении с *обычной/нормальной/общепринятой*, модель отражения реальности и идентификации собственного Я, предполагающую качественно превосходную степень ментального бытия субъекта. Данное состояние практически не поддается рациональной артикуляции и актуализируется исключительно в субъективном переживании. *Сверхразум* как сверхчеловеческий атрибут также определяется через степень трансгрессивности, иномерности структур мышления, а его качественная оценка в рамках шкалы степеней превосходства возможна исключительно через локально-дискурсивное консенсусное решение.

Этот же принцип применим и к распознаванию уровня «сверх» в локальных константах человеческой природы социокультурного порядка. Так, в ценностно-символическом модусе состояние «сверх» релевантно номадическим вариантам «аксиологической трансгрессии», когда человек формирует новую ценностную матрицу, обладающую высокой степенью инаковости, в сравнении с общепринятой и предельно допустимой в локальном социокультурном дискурсе. Со-

ответственно, в аксиологическом модусе сверхчеловек определяется как актер, совершающий радикальную переоценку ценностей. В этой связи особое внимание необходимо обратить на нигилизм как «умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры» [8, с. 432]. Понятие нигилизма вбирает в себя всю совокупность бунтарских и революционных человеческих рефлексов, реализуемых в ценностном пространстве. В конечном счете, нигилизм – это стремление к первичной, «отрицательной» свободе. Условный «аксиологический сверхчеловек» через нигилизм осуществляет радикальное ценностное самоосвобождение. Однако аксиологическое отрицание вряд ли можно признать самоценным и самодостаточным сверхчеловеческим атрибутом. Нигилизм, в первую очередь, призван очистить духовное пространство для последующей созидательной ценностной деятельной активности субъекта. Соответственно, в данном случае сверхчеловек выступает как творец/создатель *новых*, номадически-трансгрессивных ценностей.

Этапом и формой непосредственно-деятельной экспликации новой ценностной матрицы часто выступает творческая активность субъекта, несущая в себе качественно обновленческие интенции, имеющие широкое социокультурное значение. И это формирует следующую модель локально-атрибутивного позиционирования сверхчеловека – он выступает в роли «творческого пассионария», создателя новых поведенческих матриц и структур культуры. Идентификация данной субъектной поведенческой модели как условно сверхчеловеческой зависит от конкретной социокультурной реальности, в которой происходит ее развертывание, однако она неизменно стремится, пусть и имплицитно, к предельной инаковости и обладает признаками уникальности. Собственно определение уровня «сверх» в пространстве социальной и культуросозидательной деятельности человека происходит через уже обозначенный принцип «номадической трансгрессии».

В итоге можно констатировать, что фокус изменчивости человеческой природы зачастую основывается на субъективно понимаемых качественно превосходных антропологических пределах, формирующихся на уровне индивидуального духа и системы ценностей культуры. Для человека становится свойственным перманентное стремление выхода «за предел», в состояние «сверх». И именно вся совокупность данной антропологической трансгрессии выражается в идее сверхчеловека. Соответственно, Сверхчеловек оказывается горизонтом развития для Человека, в котором сочетается имманентная

трансгрессивность и тоска Духа по трансцендентной метачеловечности. Образ сверхчеловека неотделимо связан с человеком, он является его перспективной/идеальной надстройкой. Идея сверхчеловеческого представляется ментальным модусом человеческого и одновременно его имманентным идеальным «атрибутом духа», номадическим горизонтом антропной эволюции.

Многие мыслители предлагали свое определение сверхчеловека, но неизбежно ограничивали его собственными философскими предпочтениями, взглядом на проблему идеального/лучшего в антропологическом измерении, а также личностным пониманием метафизики и трансгрессии Человека, опосредованным конкретной социокультурной действительностью, поэтому единой дефиниции сверхчеловека выработано не было, да и вряд ли, таковая возможна.

На наш взгляд, сверхчеловек, как, собственно, и человек, не может быть окончательно определен, его дефиниции могут носить ситуативно-локальный или предельно общий, метафорически-образный характер. Одновременно первично сверхчеловека можно определить как человека, преодолевшего в рамках конкретной культурно-исторической реальности условный предел человеческих возможностей, вышедшего за границы консенсусной «нормальности», принципиально превзошедшего порог социокультурной и/или антропологической нормы, позволившей ему оказаться в новом бытийном, ценностно-символическом и культуросозидательном дискурсивном пространстве, став «номадически-трансгрессивным человеком». Между тем следует подчеркнуть определенную условность и известную ограниченность этого определения, которое является скорее схемой, задающей общие рамки и ориентиры философского говорения о сверхчеловеке, но никак не строгой дефиницией.

Список литературы

1. Беляев Д. А. Специфика лингвосемантического бытования термина/понятия «сверхчеловек» в немецкой, русской и английской языковых традициях // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4. Ч. 2. С. 511–514.
2. Синеокая Ю. В. Рубеж веков : русская судьба Сверхчеловека Ницше // *Фридрих Ницше и философия в России* : сб. ст. СПб., 1999. С. 58–74.
3. Гофман Т. В. Концептуализация пространства в семантике предлогов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 179 с.
4. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // *Вопр. философии*. 2009. № 3. С. 19–31.
5. Сайкина Г. К. Трудно быть человеком... (Метафизические маршруты человека). Казань, 2012. 428 с.
6. Беляев Д. А. Инварианты бессмертия и феномен сверх-

человека в контексте эволюции культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. 4. С. 27–29.

7. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. II. 822 с.
8. Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 84–85.

Philosophical Definition of the Overman

D. A. Belyaev

Lipetsk State Pedagogical University
42, Lenins, Lipetsk, 398020, Russia
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

The article is devoted to complex philosophical definition of the concept of «overman» which is relevant to many contemporary philosophical-anthropological, axiological and cultural-philosophical researches. First of all, a comparative analysis of the concept of «overman» in his comparison with the German term «Übermensch» is carried out in this work. The idea of immediate connection between man and overman is substantiated where the last one is as a horizon of an anthropological ultimacy within a particular discourse. The local constants of human nature are emphasized and their model of reconstruction in the measurement of «over» is realized. In the concluding part of the article it's said that the basis for determining the term «overman» may be the principles of the «nomadic transgressive» and «anthropological inomernost» which allow us to speak of the overman as a non-constant anthropic unit which is associated with the subjective consensus state of «over».

Key words: overman, Übermensch, human, anthropological transgression, attribute of overman nomadichnost of human.

References

1. Belyaev D. A. Spetsifika lingvosemanticheskogo bytovaniya termina/ponyatiya «sverkhchelovek» v nemetskoj,

russkoj i anglijskoj yazykovykh traditsiyakh (Specificity linguistically-semantically existence of the term/concept of «overman» in German, Russian and English language traditions). *Fundamental'nie issledovaniya* (Fundamental research), 2013, no. 4, pt. 2, p. 511–514.

2. Sineokaya Yu. V. Rubezh vekov: russkaya sudba Sverkhcheloveka Nitsche (The turn of the century: the fate of the Russian Nietzsche's Overman). *Fridrikh Nitsche i filozofiya v Rossii: sbornik statej* (Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia: collection of articles). St.-Petersburg, 1999, pp. 58–74.
3. Gofman T. V. *Kontseptualizatsiya prostranstva v semantike predgov: dis. ... kand. filol. nauk* (The conceptualization of space in the semantics of prepositions: Diss. Ph.D). Moscow, 2005. 179 p.
4. Gurevich P. S. Fenomen deantropologizatsii cheloveka (The phenomenon of human anti-anthropologization). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2009, no. 3, pp. 19–31.
5. Saykina G. K. *Trudno byt' chelovekom... (Metafizicheskie marshruty cheloveka)* (It's hard to be a human... Meta-physical human's routes). Kazan, 2012. 428 p.
6. Belyaev D. A. Invarianty bessmertiya i fenomen sverkhcheloveka v kontekste evolyutsii kultury (Immortality invariants and overman phenomenon in culture evolution context). *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice), 2011, no. 8, pt. 4, pp. 27–29.
7. Solovev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* (Works: in 2 vol.), Moscow, 1988, vol. II. 822 p.
8. Vizgin V. P., Pustarnakov V. F., Solovev E. Yu. Nigilizm (Nihilism). *Novaya filozofskaya entsiklopediya: v 4 t.* (New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.), Moscow, 2010, vol. 3, pp. 84–85.

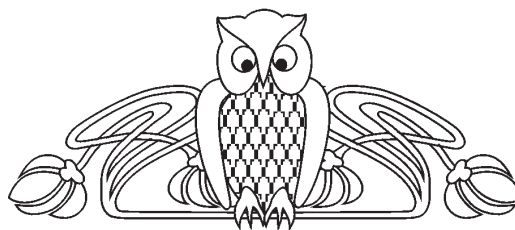
УДК 101.8

ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И РИСКИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Беляев Евгений Иванович –

доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: Belyaev214@mail.ru

Принципы концептуализация и риски философствования рассматриваются с точки зрения дисциплинарной специфики современной философии. Исследуются принципы научной концептуализации, такие как: ориентация, редукция, ясность, систематизация, экономия, эвристическая значимость. Показывается специфика концептуализация в философском контексте; раскрываются внутренние и внешние риски философствования и их начала. Другими словами, философия как философствование остается значимой своей рефлексивной и дискурсивной вовлеченностью в мир, специфическим инструментарием анализа и синтеза,

критическими и конструктивными устремлениями: в этом пункте скрываются начала рисков философствования.

Ключевые слова: принципы концептуализации, внешние и внутренние риски, начала рисков философствования.

Опыт философии риска показывает, что природа рискологии лежит не в фактах, ею открываемых, а в процессе концептуализации, посредством которого их обнаруживают. Концептуализация способствует развитию творческого

отношения, и в этом заключается ее значение для науки вообще и рискологии в частности. Процесс концептуализации, в сущности, художественный: это «внутренний спор или диалог» [1, с. 25], а понимание теории включает осознание ее социально-исторических предпосылок.

Наука представляет собой систематическую попытку доказать осмысленность человеческого опыта. Она функционирует на абстрактном и эмпирическом уровнях. Возможно, что факты и эмпирические данные – продукт неосознанной концептуализации: «они не навязываются нам ощущениями, точно так же вообще не существует самоочевидных фактов» [1, с. 26]. Понятия представляют собой абстрактные умственные конструкции, являющиеся орудиями, инструментами понимания действительности, поэтому они имеют «измерение реальности» и «измерение идеальности». Многозначность и емкость понятия определяется его местом и функциями в разных смысловых системах. С помощью одних понятий организуются идеи, с помощью других – факты и наблюдения. Одни понятия служат для описания реальности, другие – для ее объяснения. «Последовательная научная система нуждается не только в понятийном инструментарии всех видов и уровней абстракции, но также в понятиях, способных объединить ее различные уровни» [1, с. 26].

В истории науки можно обнаружить два типа процессов концептуализации: спецификацию понятий, приводящую к большей ясности в понимании действительности, и их обобщение, дающее большую систематичность. Можно выделить несколько принципов научной концептуализации, в соответствии с которыми могут быть оценены ее результаты: 1) принцип ориентации, согласно которому понятия призваны направлять внимание исследователей лишь на отдельные стороны реальности, ибо мир слишком сложен, чтобы его понимали во всеобщности; 2) принцип редукции, в соответствии с которым ученый должен ясно отдавать себе отчет в том, от изучения каких аспектов, сторон действительности он отказывается в ходе концептуализации. Ввиду этого всякая концептуализация есть редукция информации; 3) принцип ясности: она достигается за счет операционализации понятия, хотя это и не единственный способ. Указывать границы применимости понятия необходимо также для того, чтобы не принимать гипотетическое за закономерное; 4) принцип систематизации, последняя необходима при наличии противоречивых данных и интерпретаций. Систематизация многопланова: так, путем операционального определения понятие соотносится с миром наблюдений: понятия соединяют частную теорию

с общей или со смежными областями знания, наконец, с философией науки; 5) принцип экономии, который означает, что концептуализация есть способ упрощения мыслей и данных, и поэтому бессмысленно подменять сложность действительности сложностью понятий; 6) принцип эвристической значимости, в силу которого «внутренней целью научной концептуализации является стимулирование интеллектуальной деятельности и создание ощущения творческой свободы индивида» [2, с. 20]. Все вышеперечисленные принципы вторичны по отношению к этому последнему.

Принципиально важно отметить, что концептуализация есть комплексное понятие, достоинством которого является способность заменять более частные «формулирование», «обобщение», «абстрагирование» и «рефлексия» и тем самым способствовать сближению модернистской и постмодернистской методологий социального философствования. Ведь концептуализация в духе постмодерна означает «схватывание», идею, замысел, систему взглядов, понятий, тогда как контекст – завершённое в смыслеловом отношении целое, его частью является фон, на котором развивается процесс концептуализации. Понятие и контекст тесно связаны и взаимно дополняют друг друга «подобно ключу и замочной скважине»: как не всякий ключ может отворить любую дверь, так и не всякий концепт может «работать» в любом контексте. По аналогии с генотипом, средой и фенотипом можно сказать, что «генотип (концепт) развивается и раскрывается в определенных условиях среды (контекст)» [3, с. 56].

Сказанное позволяет понять специфику концептуализации в философском контексте: здесь она связана с так называемым «контекстуальным поворотом», как его именуют по аналогии с лингвистическим, онтологическим, практическим поворотами в интеллектуальной истории западной философии. В социальной философии анализ Дж. Остина «случая» и «контекста» высказываний или выражений получил благодаря Дж. Сирлю универсальное значение. В социологии и психологии работа Б. Бернштейна и Д. Брунера о «контекстуально зависимом» и «контекстуально независимом» обучении иллюстрирует эту же тенденцию. В литературной критике идея помещения поэмы «в контекст» и даже «в тотальный контекст» была обоснована критиком Ф. Бэтсоном и денонсирована Ф. Льюисом, который утверждал, что «социальный контекст» означает просто «личную жизнь индивидуума». В 1950–1960-х гг. социолингвисты Д. Хаймс и У. Уильям отметили, что одни и те же люди говорят по-разному в зависимости от контекста или ситуации. Даже в случае пра-

ва, касающегося общих правил, было отмечено возникновение «восприимчивости к контексту». В социологии Э. Гидденс описал «локальное» как существенное для того, что он называет «контекстуальностью» социального взаимодействия или интеракции, тогда как феминисты, например Д. Хеарвэй, возродили и ревизовали понятие «ситуативного знания» К. Мангейма [4. с. 379].

Именно идея «критической профессии» помогла философии выстоять перед вызовами, спровоцированными развитием науки. Становится все более очевидным, что смысл понятия «философия» непрерывно изменяется в зависимости от её положения в системе наук, поэтому ложно полагать, что любая из современных концепций философии смогла бы раз и навсегда стать вечной и неизменной точкой отсчета развития. Не только понятие философии, но и само философствование связано с контекстами. Философская деятельность детерминирована не только движением вперёд работающих философов, но также эвристикой, которой они следуют, но она, однако, может и не быть эксплицитно выражена. Она детерминирована *молчаливым знанием*, принятым в их время, или внешними факторами относительно автономного мышления, такого, как дискуссия внутри дисциплины или рецепция предшествующих либо соперничающих концепций истолкования темы. В философии, как в других науках, именно профессиональная практика коррелирует собственную работу индивидуума с состоянием научно-исследовательской деятельности.

Философские дискуссии являются обсуждением фундаментальных и вечных вопросов, которые образуют проблемное поле онтологии, эпистемологии или *метатеории*. В отличие от них любая часть эмпирического исследования привязана к конкретному месту и времени проведения, описания и обоснования. Методологи не могут подстраиваться под профессиональных философов. Напротив, их задача состоит в том, чтобы выработать *практические философии социальной науки* – методологии, которые обеспечивают конкретные руководства научно-исследовательской практики и критерии того, какое знание следует считать научным. Эти практические требования обязывают методологи быть последовательными, однако история методологических споров показывает обратное: концептуальное ядро методологии оказывается набором противоречивых дефиниций.

Факт существования разных школ философствования и разных научно-исследовательских технологий социальной науки подтверждает вероятность того, что существует семейство методологий, содержащее, как минимум, три

практические философии рисков науки, которые являются результатом стихийной практики познания ученых. Они включают философию рисков естественных наук: это в XX в. – логический позитивизм, критический рационализм К. Поппера, исследовательские программы И. Лакатоса, спор между К. Куном и К. Поппером, аналитическая философия науки. К философской рискологии социальных наук можно отнести американский прагматизм, европейскую критическую теорию, точечные эпистемологии. Философская рискология гуманитарных наук (феноменология, герменевтика, структурализм и постструктурализм) использует формальный лингвистический и нарративный анализ, дискурсивный анализ, историю понятий, контент-анализ, неформальные методы текстуальной экзегезы классических текстов в социальной теории для построения более широкой «философской истории риска», т.е. методы, присущие гуманитарным наукам.

Два из этих трех кластеров проявились в «битве за методологию» в форме критики позитивизма в социологии 1960-х гг., научных войнах науки 1990-х гг. и дебатах о «перестройке» в современной политической науке США. Третья (контекстуалистская) альтернатива была менее очевидной, и она редко обсуждалась как самостоятельная, однако опыт развития методологии рискологии показывает, что *контекстуалистская позиция является для нее самой важной*. В этом случае философия рассматривается как орудие познания, целью которого является лингвистическое прояснение смыслов и референтов дискурса, облегчающих понимание и коммуникацию говорящих.

Ядерным компонентом современной философии является лингвистический, поскольку множество проблем, споров, как больших, так и незначительных, пронизывающих повседневную коммуникацию, являются результатом недопонимания и хаотизации языковой практики. Два человека входят в ожесточенное обсуждение и упорное препирательство, потому что каждый из них использует слова или предложения, значения и смыслы которых не ясны ни тому, ни другому. Каждый использует слово или предложение, значение или смысл которого отличаются контекстом употребления: иначе говоря, непонимание и хаотизация порождаются контекстуальной неопределенностью. Слова и выражения могут иметь различные значения в различных контекстах коммуникации: контекст есть локус определения, потому что слова или выражения используются сообразно пониманию их пользователем, поэтому, чтобы определить меру философичности темы диспута, необхо-

димо предварительно выяснить, в каком смысле диспутант использует слова своего дискурса. Следовательно, главным философским вопросом в современном контексте будет: Какой конкретный смысл вы вкладываете в слова вашего высказывания? С этим связано использование аналитических и синтетических процедур критики и оценки дискуссии в главных областях философствования – метафизике (космологии и онтологии), аксиологии (этике и эстетике) и методологии (логике и эпистемологии).

Хотя философия утратила статус супернауки, она не лишилась ее релевантности при оценке этической ценности, эпистемологической значимости и онтологической целесообразности научных дискуссий. Другими словами, философия как философствование остается значимой благодаря своей рефлексивной и дискурсивной вовлеченности в мир, своему специфическому инструментарию анализа и синтеза и своим критическим и конструктивным устремлениям. В этом пункте скрываются начала рисков философствования.

Философствование сталкивается с опасностью догматизма, политического или религиозного. В условиях политического или религиозного насилия, где свобода выражения ограничена, риск утраты критического и дискурсивного философствования (проводимого и аналитически и синтетически) чрезвычайно высок, о чем свидетельствуют история палестино-израильского конфликта и идеологии тоталитаризма в СССР в период холодной войны. Важно отметить, что этот тип псевдофилософствования опасен внутренними рисками разрушения концептуального ядра самой дисциплины – Философии.

Известно, что Сократ, будучи великим патриотом, смотрел на свое философствование как на служение родине. Его жизнь была жизнью философа, образцом мужественности в столкновении с внешними рисками философствования в социальной среде засилья софистов, враждебных достижению истины, и превращал философию во внутренне рискованное состояние, таящее угрозу самоуничтожения. Смерть Сократа доказала полную гармонию его учения и действия.

Современная философия продолжает противостоять множеству внешних и внутренних рисков тогда и там, где и когда эти риски несут угрозу взвешенному критическому обсуждению конкретных спорных вопросов и проблем. Методологическая неустойчивость вызывается слишком большим количеством анализа, который почти полностью игнорирует синтез, и наоборот: таковы внешние и внутренние риски философии. Наконец, риск философствования состоит в том, что эта деятельность может быть дестабилизи-

рующей и угрожать предвзятыми понятиями о мире, а дефицит широкого распространения критического мышления – быть угрозой существованию человечества [5].

Список литературы

1. George P. *Conceptualisation – the central problem of the science*. Warszawa, 1973. № 9. P. 23–33.
2. Концептуализация и контекстуализация в наука и образованието // Стратегии на образователната и научната политика. София, 2003. С. 12–30.
3. *Meaning and context : quentin skinner and his critics* / ed. J. Tully. Cambridge, 1988. P. 46–57.
4. Mjøset L. Can grounded theory solve the problems of its critics? // *Sociologisk Tidsskrift*. 2005. Vol. 13, № 4. P. 360–380.
5. Ruel F. Pepa's the relevance of linguistic analytic philosophy in the postindustrial era. URL: <http://www.facebook.com/notes/ruel-pepa/the-relevance-of-linguistic-analytic-philosophy-in-tre-postindustrial-era/18584680-14508345%5D> (дата обращения: 25.01.2014).

The Principles of Conceptualization and the Risks of Doing of Philosophy

E. I. Beliaev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: Belyaev214@mail.ru

The practice of philosophy of risks shows that the nature of riskology lies in the process of conceptualization but not in the opened facts. The principles of scientific conceptualization are studied such as principles of orientation, reduction, clarity, systematisation, economy, heuristic significance. Specific of conceptualization in philosophy are demonstrated. Internal and external risks are revealed, and their beginnings. In other words the philosophy as philosophizing is significant by his own reflective and discursive involving in the world, his specific methods of analysis and synthesis and his critical and constructive intentions. In this point implicitly are consisted the beginnings of the risks of all philosophizing.

Key words: principles of conceptualization, external and internal risks, beginnings of risks of philosophizing.

References

1. George P. *Conceptualisation – the central problem of the science*. Warszawa, 1973, no. 9, pp. 23–33.
2. *Konceptualizaciya i kontekstualizaciya v naukata i obrazovaniето*. *Strategii na obrazovatelната i nauchната politika*. Sofiya, 2003, pp. 12–30.
3. *Meaning and context: quentin skinner and his critics*. Ed. J. Tully. Cambridge, 1988, pp. 46–57.
4. Mjøset L. Can grounded theory solve the problems of its critics? *Sociologisk Tidsskrift*, 2005, vol. 13, no. 4, pp. 360–380.
5. Ruel F. Pepa's the relevance of linguistic analytic philosophy in the postindustrial era. Available at: <http://www.facebook.com/notes/ruel-pepa/the-relevance-of-linguistic-analytic-philosophy-in-tre-postindustrial-era/1858468014508345%5D> (accessed 25 January 2014).

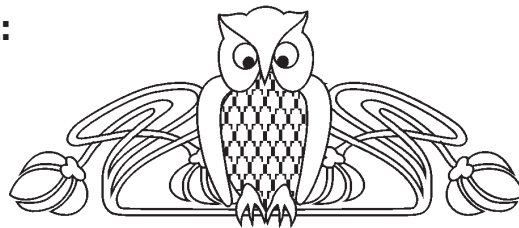

УДК 130.2

ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Горячко Елена Сергеевна –

аспирант кафедры философии культуры и культурологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: belovvn@rambler.ru

Статья посвящена культурному осмыслению традиции. Её основным положением является утверждение, что сохранение культурных норм выступает в качестве залога успешного существования человека и человечества. Представлены некоторые основные концепции понимания традиции в культурном пространстве. Отмечается, что характерной чертой исследования традиции долгое время являлся методологический синкретизм, не позволявший сформулировать ее характерные черты в качестве предмета культурологического анализа. В западноевропейской философии выделены культурологический подход просветителей (Дж. Вико), герменевтический (В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера) и социально-психологический (М. Вебера) подходы. В отечественной философии обращено внимание на онтологический подход (Э. С. Маркарян) к исследованию традиции.

Ключевые слова: традиция, культурологическое пространство, культурологический подход.

Культурное пространство оказывает воздействие на развитие и формирование личности, поскольку не только создает условия для удовлетворения досуговых потребностей, но и через ценностно-ориентационную составляющую влияет на их формирование. Культура преобразует человека и, в свою очередь, сама становится объектом трансформации в результате целенаправленной деятельности отдельных индивидов или субкультур. При этом культурное пространство обладает характеристиками сохранения и воспроизводства своих основных параметров, т.е. способов взаимодействия сегментов культурного пространства и моделей поведения человека в рамках пространственных структур культуры.

Спецификой культуры в качестве характеристики человеческого бытия является фундаментальная амбивалентность, состоящая в наличии противоположно ориентированных тенденций ее функционирования. С одной стороны, культура призвана сохранить наследие предшествующих эпох, с другой – стремится к постоянному обновлению, преодолению любых стереотипов и норм. В своей первой ипостаси культура оказывается *традицией*, а во второй – *инновацией*. Нахождение равновесия между этими двумя тенденциями – основная задача культуры, но однозначным является одно фундаментальное положение: сохранение культурных норм выступает в качестве залога успешного существования че-

ловека и человечества. В некоторых определенных культурах, подчеркивающих преемственность и наследственность как базовые характеристики ее функционирования, происходит, по сути, отождествление культуры с традицией, что означает значительное сужение её понятийного поля и неразличение методологических характеристик исследуемых понятий [1, с. 220–221].

Думается, необходимо проанализировать различные подходы, существующие в современной теоретической культурологии по отношению к традиции, выявить методологические основания исследования этого феномена. В последние годы в отечественной культурологии все отчетливее проявляется потребность в постановке вопроса о традиции не в социальном или этнографическом, а именно в культурологическом измерении.

Традиционное общество не нуждается в теоретизации и проблематизации понятия «традиция» именно в силу того, что традиция является насущным элементом повседневной жизни, «выпадающим» из мыслительного горизонта её представителей. Теоретизация традиции как элемента культуры, как ни парадоксально, оказалась связана с эпохой Просвещения, поставившей вопрос об отказе от общепринятых форм мышления и поведения, их замене более просвещенными и рационализированными. Но такая парадоксальность является лишь кажущейся, потому что именно ощущение резких культурных перемен стало детерминирующим фактором обращения к закономерностям не только трансформации культурного пространства, но и сохранения его параметров. Психологическая потребность в защищенности вызвала к жизни стремление объяснить закономерности сохранения культурного наследия, необходимые для продолжения нормальной жизнедеятельности индивидов, что стало подоплекой изучения традиции.

В этом смысле работы Дж. Вико заложили основание культурологического анализа традиции, поставив вопрос о её потенциале в качестве фундаментального способа сохранения культурного наследия. В своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» он отказывается

от наследия картезианского рационализма и формулирует новые принципы отношения к прошлому.

Культурологическая концепция Дж. Вико содержательно опережает учения многих философов-просветителей, но схожа с ними по одному существенному признаку: уже в эпоху Просвещения выявилась важная черта анализа традиции, сохранившаяся вплоть до середины XX в., а именно – неразличение собственного культурологического и сопутствующих ему дискурсов традиции (философского, социологического и т.д.). Анализ культурологического содержания этого понятия, следовательно, заключается в его вычленении из целостных концепций крупнейших мыслителей социально-гуманитарной мысли XVIII–XX вв.

Другой важной особенностью просвещенческого понимания традиции, сохранявшей свою значимость и в последующих культурологических работах, является отождествление традиции с духовным опытом человека. Желая подчеркнуть значимость процесса приобщения к традиции, Дж. Вико даже указывает, что акт усвоения духовного опыта подобен вторичному рождению человека: появление на свет означает его рождение на свет как существа биологического, а осознание своей принадлежности к определенному духовному опыту дает возможность его рождения как существа культурного [2, с. 63].

Подобная позиция оказалась близка одному из основоположников герменевтики В. Дильтею, который считал, что традиция является способом объективации духовного творчества определенной эпохи, причем сам процесс объективации позволяет создавать механизм восприятия продуктов данного творчества представителями иных эпох и культур [3, с. 76]. В таком случае задачей герменевтики становится проникновение в суть культурной традиции, реконструкция исходных оснований духовного творчества иной эпохи. По словам современного исследователя, «герменевтика как искусство интерпретации духовных феноменов культуры являлась для Дильтея ключом к пониманию прошлых и настоящих репрезентаций творческого человеческого духа» [2, с. 10]. Собственно, В. Дильтей на стыке философии, методологии истории и культурологии и создает *герменевтический подход* к исследованию традиции, придавая ему значение универсального метода для постижения духовных достижений человечества.

Дальнейшее развитие герменевтического подхода в этом аспекте демонстрирует фундаментальную закономерность культурологического изучения традиции – постепенный переход от *онтологического* понимания данного феномена

(признания реальной подоплеки исторической преемственности) к *гносеологическому* (осознанию определенной культурой своей преемственности по отношению к предшествующим культурным формам).

Гносеологизация герменевтического подхода связана с творчеством крупнейшего немецкого философа культуры – Х.-Г. Гадамера, который считал традицию фундаментальным понятием современного гуманитарного знания. По его мнению, именно она становится той точкой, в которой сходятся необходимость и свобода, история и человек, объективация и творчество [4, с. 56]. Традиция не является изначально заданной реальностью, а постоянно творится в сознании познающего субъекта, сообщая ему необходимую устойчивость по отношению к окружающему миру.

Традиция как тип социального действия отождествляется М. Вебером с психологической инерцией, разновидностью подражательных, автоматических, неосмысленных действий, что дает основание к ее пониманию как «автоматической реакции на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки» [5, с. 628]. Будучи противопоставленной целерациональному действию, традиция вообще с трудом может считаться, согласно Веберу, социальным действием, поскольку представляет собой реализацию подражательности, распространенной в большей степени на уровне биологическом. При этом впервые в теории и истории культуры немецкий ученый пытается создать четкую типологизацию как традиции, так и схожих с ней феноменов – нравов и обычаев. Под нравами понимаются «единообразные установки социального поведения, объясняемые просто привычкой» [5, с. 630]. В отличие от нравов, обычаи представляют собой привычки, которые укоренены на протяжении длительного промежутка времени [5, с. 631]. В чистом виде нравы и обычаи могут рассматриваться как традиция, которая, однако, имеет более широкое истолкование, охватывая в целом привычный, подражательный характер действий. Таким образом, Вебером осуществляется психологизация традиции, ее отождествление с привычным характером поведения, нерелексируемым самим индивидом, совершающим традиционные действия.

В отечественной гуманитарной науке проблема традиции не получила должного освещения, хотя необходимо отметить нескольких выдающихся культурологов, которые обращались к ее решению. Так, Э. С. Маркарян выдвинул определение традиции, которое активно используется как в сугубо культурологической, так и в смежных (политологической и социологической)

дисциплинах: «Традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [6, с. 86]. Это определение интересно тем, что в нем впервые понятие традиции увязывается с пространственной методологией описания культуры и делается акцент на универсальном характере традиции, которая способна транслироваться в различных сегментах культурного пространства и на протяжении различных стадий его функционирования.

Другое определение традиции принадлежит выдающемуся отечественному этнографу К. В. Чистову: «Традиция – это опыт, накапливающийся в виде системы стереотипов человеческой деятельности (активности), стереотипов представлений о них и способов их обозначения или символизации» [7, с. 109]. При этом важно понимать, что традиция не адекватна историческому наследию, т.е. не является простой суммой рудиментарных остатков прошедших стадий культурного развития, а является результатом определенной культурной селекции, призванной определить те элементы культурного опыта, которые нуждаются в закреплении и воспроизводстве.

В своей работе В. В. Аверьянов, обозначая основные тенденции исследования традиции в отечественной науке, приходит к выводу, что влияние деятельностного подхода, доминировавшего в советских гуманитарных науках, привело к онтологизации феномена традиции, его восприятию как укорененного в объективных экономических, социальных и культурных отношениях [8]. Однако накопление эмпирического материала, категориальный анализ понятия «традиция» и всего комплекса сопутствующих ему понятий делают необходимым использование работ отечественных ученых в культурологических исследованиях традиционного мышления и способов поведения.

Следует подвести итоги рассмотрения базовых культурологических подходов, обращенных к исследованию традиции в качестве неотъемлемого элемента культурного пространства.

Характерной чертой исследования традиции является *методологический синкретизм*, заключающийся в соединении различных социально-гуманитарных дискурсов и долгое время не позволявший сформулировать характерные черты традиции в качестве предмета культурологического анализа.

Впервые вопрос о культурной значимости традиции поставлен в эпоху просвещения Дж. Вико, что связано с осознанием разрыва в

развитии культурной и общественной жизни и потребностью его преодоления. Традиция понималась философами-просветителями сквозь призму человеческого существования, выступая в качестве элемента развития человечества, сохранения им культурных навыков, под которыми подразумевался, в первую очередь, язык как способ выражения смысла. Можно констатировать, что данное положение стало основанием для формирования герменевтического подхода к традиции, нашедшего отражение в работах В. Дильтея и Х.-Г. Гадамера.

Противопоставление традиции и модернизации было постулировано и обосновано немецким философом и культурологом М. Вебером: он считал, что традиция обладает специфическими культурными характеристиками, в частности, нацеленностью на воспроизводство существующих форм действия и взаимодействия между людьми.

В отечественной культурологической литературе (Э. С. Маркарян), продолжающей онтологическую линию исследования, проводится категориальный анализ традиции и сопутствующих ей культурных феноменов (обычаев, обрядов, ритуалов). В частности, отмечается совпадение части культурных признаков традиции и обычая, но ставится вопрос о самостоятельной важности традиции в системе культурного воспроизводства общества и о недостаточности ее исследования в качестве базового элемента культурного пространства.

Можно констатировать, что онтологическая и гносеологическая линии исследования традиции в качестве культурного феномена упрощают суть данного явления и игнорируют его существенные черты, в силу чего представляются необходимыми выявление объективных механизмов передачи культурного наследия и объяснение воздействия факторов культурной детерминации, определяющих вариативность традиций в сравнительно-историческом контексте.

Список литературы

1. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. 456 с.
2. *Четвертакова Ж. В.* Культурологические подходы к методологии изучения традиций // Аналитика культурологии. 2010. № 1. С. 59–68. URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/253-article_14-8.html (дата обращения: 23.04.2014).
3. *Дильтей В.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе. М., 2000. 730 с.
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. 704 с.
5. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избр. произведения. М., 1990. С. 602–643.
6. *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 64–98.

7. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор : очерки теории. Л., 1985. 304 с.
8. Аверьянов В. В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 68–77.

The Tradition in the Cultural Space: the Paradigms of the Research

E. S. Goryachko

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: belowvn@rambler.ru

The article is devoted to understanding of the cultural tradition. The main provision of the article is that the preservation of cultural norms acts as a pledge of successful existence of a man and the mankind. Some basic concepts of the understanding of the tradition in the cultural space are interpreted in the article. In the article is noted, that characteristic feature of the study of the cultural tradition long time was methodological syncretism, non allowed to lay down the characteristic features of the cultural tradition as the object of culturological analysis. In west-european philosophy is noted culturological approach of enlighteners (G. Vico), hermeneutical (V. Dilthey, G.-G. Gadamer) and social-psychological (M. Weber) approaches. In domestically philosophy is noted on ontological approach (E. S. Markaryan) to the study of the cultural tradition.

Key words: tradition, cultural space, cultural studies approach.

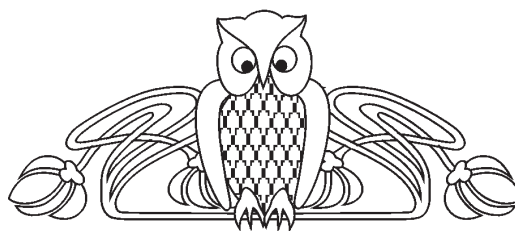
References

1. Shatskiy E. *Utopiya i traditsiya* (Utopia and tradition). Moscow, 1990. 456 p.

2. Chetvertakova Sh. V. Kulturologicheskiye podchody k metodologii izusheniya traditsiyi (Kulturological approaches to the methodology of research of tradition). *Analitika kulturologii* (Analytics of kulturology), 2010, no. 1, pp. 59–68. Available at: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/253-article_14-8.html (accessed 23 April 2014).
3. Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften: Versuch einer Grunlegung für das Studium der Gesellschaft und Geschichte. *Gesammelte Schriften*: in XXVI bd. Göttingen, 1990. Bd. I. 429 s. (Rus. ed.: Dilthey V. *Sobraniye sochineniyi: v 6 t. T. I. Vvedenie v nauki o duche*. Moscow, 2000. 730 p.)
4. Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke: in 8 bd. Bd. 2.: Hermeneutik. Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1993. 515 s. (Rus. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneyviki*. Moscow, 1988. 704 p.)
5. Weber M. *Einige zentrale Begriffe der Soziologie*. München, 1987. 697 s. (Rus. ed.: Veber M. *Osnovniye soziologicheskiye ponyatiya. Izbranniye proizvedeniya*. Moscow, 1990, pp. 602–643).
6. Markaryan E. S. Uzlovye problemy kulturnoy traditsii (The nodal problems of cultural tradition). *Sovetskaya etnografiya* (Soviet ethnography), 1981, no. 2, pp. 64–98.
7. Chistov K. V. *Narodniye traditsii i folklore: ocherki teorii* (The public traditions and folklore: essays of theory). Leningrad, 1985. 304 p.
8. Averyanov V. V. Traditsiya i traditsionalizm v nauchnoyi i obshchestvennoyi misli Rossii (60–90-e godi XX veka) (Tradition and traditionalism in scientific and public thought of Russia (60–90 years of XX century). *Obshchestvenniye nauki i sovremennost* (The public sciences and modernity), 2000, no. 1, pp. 68–77.

УДК 37. 017. 92

ОСНОВНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР «ВОСТОК-ЗАПАД»» В ЦЕНТРЕ-МУЗЕЕ ИМЕНИ Н. К. РЕРИХА

Кожемякина Лариса Анатольевна –

сотрудник Международного Центра-Музея имени Н. К. Рериха, культуролог,
аспирант кафедры эстетического образования и культурологии,
Московский институт открытого образования
E-mail: lkogemyakina@icr.su

В статье раскрывается значимость культурно-образовательно-го потенциала Международного Центра-Музея имени Н. К. Рериха, который недостаточно востребован в современной системе образования. Идея Единства всего сущего: человека и Бога, человека и природы, человека и космоса, Востока и Запада является ведущей идеей художественного, литературного и философского творчества Николая Рериха. Автором сформу-

лированы основные мировоззренческие и методологические принципы музейно-педагогической программы «Диалог культур «Восток-Запад»» в культурно-образовательном пространстве Центра-Музея имени Н. К. Рериха: принцип актуализации общечеловеческих (универсальных) ценностей; принцип единства человека – человечества – космоса; принцип диалога культур «Восток-Запад», диалога православных и буддийских

образов в творчестве художника; принцип единства эстетического, этического и философского подходов.

Ключевые слова: музей, образование, творчество Н. К. Рериха, общечеловеческие ценности, диалог культур.

Художественный музей сегодня является одним из ведущих факторов в создании единого культурно-образовательного пространства в системе взаимодействия «музей – школа». Руководитель Российского центра музейной педагогики и детского творчества профессор Б. А. Столярков считает, что наиболее оптимальной моделью продуктивного взаимодействия музея и системы образования являются музейно-педагогические программы, разработанные с учетом специфики коллекции конкретного художественного музея и современных педагогических методик [1, с. 30]. Музеи, которые организуют образовательную деятельность, согласуя ее с темами школьных программ, выполняют дополнительную функцию по отношению к базовому образованию. Такое сотрудничество школы и музея, выполняющее функцию иллюстрации учебного курса, Л. М. Ванюшкина определяет как «модель соподчинения» [2, с. 111].

Вторым вариантом взаимодействия, основанным на сотрудничестве и взаимном обогащении пространств школы и музея, является «модель партнерства» [2, с. 111], цель которой – раскрытие образовательного потенциала музея, а не следование логике школьных учебных программ. Безусловно, музею следует учитывать содержание дошкольного, школьного и вузовского образования, но при этом не стоит его дублировать и тем более – заменять. Музею необходимо найти ту содержательную нишу, которая откроет новые грани знакомых тем, расширит горизонт познания и создаст условия для исследовательской практики и многообразного творчества.

Пространство Центра-Музея им. Н. К. Рериха в Москве обладает огромным духовным и культурно-образовательным потенциалом, который недостаточно востребован в современной системе образования. Реализация образовательной функции музея, установление постоянных связей с общеобразовательными учреждениями является в настоящее время одним из главных направлений деятельности Музея им. Н. К. Рериха.

Творческое наследие Николая Константиновича Рериха, раскрывающее смысл духовного единства священных образов и символов Востока и Запада, воспитывает подрастающее поколение в духе Культуры Мира, сотрудничества, взаимопонимания и уважения между нациями и народами. Символический образ, созданный ху-

дожником, помогает выйти за пределы конкретного исторического момента и осознать то Непреходящее, которое по своей сущности созвучно и современным социальным, общественным и философским проблемам. Художник, творя мир Высшей реальности, мир вечных истин, своим творчеством объединяет в сознании прошлое, настоящее и будущее, что и является истинной задачей искусства.

Созданные художником образы Святых и подвижников, основателей мировых религий устремляют человечество на эволюционный путь сотрудничества, взаимопомощи и общины, к труду на Общее Благо, помогают нам понять, что именно осознание в бытии Высочайшего [3, с. 74] является важнейшей основой эволюции человечества, основой воспитания подрастающего поколения, воспитания культуры духа и сердца.

Картина Н. К. Рериха «Будда-Победитель» (1924) (серия «Знамена Востока») посвящена основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме Шакьямуни (V в. до н.э.). Будда в переводе с санскрита – «Просветленный», тот, кто овладел совершенным знанием. В собрании откровений Будды (Итивуттака) сказано: «Любовь, освободительница ума, вмещает в себе всё, сияя, сверкая и излучая» [4, с. 90]. Своим последователям Будда завещал, что только сострадание избавит человечество от страдания. Прекрасен завет Учителя ученикам: «Подобно матери, охраняющей свое единственное дитя своей жизнью, воспитывайте в себе такую беспредельную любовь ко всем существам» [4, с. 89].

Именно невежество, по мысли Учителя, является источником и первопричиной всех бедствий человечества. Оно «является причиной всех человеческих страданий, заставляя нас ценить то, что недостойно быть ценимым, страдать там, где не должно быть страдания, и, принимая иллюзию за реальность, проводить нашу жизнь в погоне за ничтожными ценностями, пренебрегая тем, что в действительности является наиболее ценным» [4, с. 39].

Радость познания и мышления, труд на общее благо, устремление к единству, отречение от чувства личной собственности – вот срединный Путь совершенствования, который показал Будда. На картине мы видим, что грозные облики отступают и золотой Свет истинного знания побеждает мир Майи, иллюзии.

В 1922 г. Рерих пишет серию «Санкта», посвященную Преподобному Сергию Радонежскому – Водителю и покровителю Земли Русской, духовный труд которого способствовал объединению княжеств, укреплению государственности и победе русского народа в многовековой битве с монголо-татарами. «И высятся главы храмов.

И все время идет внутренняя духовная работа» [5, с. 101], – писал Рерих о времени Преподобного Сергия. И как продолжение мысли художника звучат названия его картин: «И Мы трудимся» (1922), «И Мы приносим Свет» (1922), «И Мы открываем врата» (1922). Святые Обители, монастыри, созданные Сергием, явились центрами возрождения русского народа, в них закладывались основы единения, общинного бытия, самоотверженного и бескорыстного труда.

В 1924–1925 гг. во время Центрально-Азиатской экспедиции художник пишет серию «Знамена Востока». Объединив в этой серии великих духовных Учителей Востока и Древней Руси (картина «Сергий Строитель»), Н.К. Рерих показал путь к Единству на основе Культуры, на основе древнего закона «единство в многообразии».

Интересна картина «Конфуций Справедливый» (1925) (серия «Знамена Востока»). Цель совершенствования в Древнем Китае – быть благородным человеком, следовать воле Неба [6, с. 450]. Конфуций утверждал, что человек должен стать сотрудником Неба и Земли. Главной добродетелью для китайского философа является *жень* – любовь к людям. Великий мыслитель так объяснил ученикам смысл человеколюбия: «Вне дома относись к людям, словно встретил важных гостей < ... > Не делай человеку того, чего не пожелаешь себе. Не допускай вражды в государстве, не допускай вражды в семье» [6, с. 381]. Конфуций и в жизни явил пример ученого, государственного деятеля, пример благородного мужа, познавшего волю Неба и объединившего в себе «пять добродетелей»: человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность и правдивость.

Картина «Чаша Христа» (1925) посвящена известному историческому событию – молебнию Христа в Гефсиманском саду в ночь перед взятием под стражу. В одиночестве, наедине со Вселенной изобразил художник Великого Путника, готового принять Чашу страданий ради всего человечества, во имя его духовного преобразования, сущность которого отражена в тексте Нового Завета, когда «у множества уверовавших было одно сердце и одна душа» [7, Деяния, 4, 32], «одно тело и один дух» [7, Ап. Павел, к Ефес., 4, 4].

Картина «Знаки Христа» (1924) (серия «Знамена Востока») образно передает нам завет любви деятельной, созидательной, ведь сказано: «Царство Божие силою берется». Истинно – ногою человеческой, истинно рукою человеческою в труде каждого дня создается Храм будущего. Только собственными усилиями человечество может подняться по ступеням эволюции.

Цель эволюции – единство человека, человечества и Космоса, ибо как говорит мудрость Востока: Высший Принцип – «закон великий единства жизни соединяет всё Сущее» [8, § 266]. И ещё одна созвучная мысль: «каждый микрокосм ответствен и за макрокосм <...> Связь микрокосма с макрокосмом есть основа мира» [9, § 253].

Человек, человечество и Космос существуют в единстве, основой которого является понимание и применение в жизни важнейших законов (принципов) космической эволюции. Человек, храня в сердце и уме заповеди основ, данные великими философами, основателями мировых религий, святыми и подвижниками, может прийти к пониманию сущности единства микро- и макрокосма, сущности космического сознания.

Велика преобразующая роль искусства: именно сердце – Твердыня Пламенная – помогает осознать прекрасные мысли и образы, т.е. понять, принять и применить их в жизни, претворить их в качества духа. Николай Константинович утверждал, что «Искусство и Знания – основа Эволюции» [10, с. 367] человечества. Великий гуманист считал искусством лишь то искусство, которое несёт людям радость и красоту, будит добрые чувства и лучшие устремления. Напутствие Н. К. Рериха актуально и в XXI в.: «Учиться радости, учиться видеть лишь доброе и красивое! И нам недосуг станет всматриваться в ненавистное. Отойдёт ликование злобы» [11, с. 182].

Главная задача искусства в нашем понимании заключается в формировании мировоззрения человека, расширении, утончении его сознания. Именно искусство осуществляет синтез прекрасного, познавательного и священного, т.е. эстетического, научного и этического, что является отражением вечного закона триединства: «Любовь – Знание – Красота», который и выражает сущность Культуры, её истинное предназначение.

В результате исследования мы определили основные мировоззренческие и методологические принципы построения комплексной педагогической модели «музей-школа» – музейно-педагогической программы «Диалог культур “Восток-Запад” в культурно-образовательном пространстве Центра-Музея имени Н. К. Рериха»:

- 1) актуализации общечеловеческих (универсальных) ценностей;
- 2) единства человека – человечества – космоса;
- 3) диалога культур «Восток-Запад», диалога православных и буддийских образов в творчестве Н. К. Рериха;

4) единства художественно-эстетического, духовно-нравственного и философского подходов.

Музейно-педагогическая программа является моделью (рисунок), т.е. обобщенным мысленным образом конкретного типологически воспроизводимого способа осуществления обра-

зовательного процесса в музейной среде. Цель, задачи, содержание, учебно-тематический план, формы и методы обучения музейно-педагогической программы «Диалог культур “Восток-Запад”» как комплексной педагогической модели «музей-школа» обусловлены вышеперечисленными принципами.

Модель как обобщенный мысленный образ образовательного процесса в пространстве музея

Идея Всеединства человечества на основе общечеловеческих этических ценностях Любви, Знания и Красоты, т.е. Культуры, сущность которой «есть почитание Света», является основополагающей в мировоззрении и творчестве русского художника, поэтому системообразующим ядром музейно-педагогической программы «Диалог культур “Восток-Запад”» в Международном Центре-Музее имени Н. К. Рериха как комплексной педагогической модели формирования единого культурно-образовательного пространства «музей-школа» является понимание Культуры как единства базовых общечеловеческих универсальных ценностей. Именно ценности духовного мира, идеалы, Образы и символы направляют эволюцию человечества, ведут его к единству. Мир причин, мир идей, законов, принципов обуславливает существование мира проявленного, вещественного мира Культуры. Универсальные (общечеловеческие) ценности осуществляют «диалог культур» между эпохами, народами и людьми и, что самое главное, обеспечивают существование, единство и эволюцию человека – человечества – космоса.

Список литературы

1. Столяров Б. А. Теория и практика образовательной деятельности художественного музея : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1999. 43 с.
2. Ванюшкина Л. М. Внеаудиторное образование – путь в новое образовательное пространство. СПб., 2003. 224 с.
3. Рерих Н. Врата в будущее. Рига, 1991. 227 с.
4. Рокотова Н. Основы буддизма. Новосибирск, 2001. 144 с.
5. Рерих Н. Цветы Мории ; Пути Благословения ; Сердце Азии. Рига, 1992. 261 с.
6. Переломов Л. С. Конфуций : «Лунь юй». М., 1998. 588 с.
7. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1998. 292 с.
8. Учение Живой Этики. Беспредельность : в 2 ч. М., 2009. Ч. 1. 472 с.
9. Учение Живой Этики. Надземное. М., 1996. 413 с.
10. Рерих Н. К. Листы дневника : в 3 т. М., 1995. Т. 2. 512 с.
11. Рерих Н. К. Глаз добрый. М., 1991. 223 с.

The Main Ideological and Methodological Principles of Educational Program Named «Dialog between the Cultures of «East and West»» in the International Centre-Museum Named after Nicholas Roerich

L. A. Kozhemyakina

International public organization
«The International Centre of the Roerichs»
3/5, Pereulok Malyy Znamenskiy, Moscow, 119019, Russia
E-mail: lkogemyakina@icr.su

The article refers to the importance of cultural education which appears to be a significant part of educational activities of International Centre-Museum named after Nicholas Roerich. Importance of cultural values seems to be underestimated in modern educational system. The main idea of Nicholas Roerich's art is rooted in deep connection and unity of all creation – unity of man and God, man and nature, man and Universe, unity of East and West. In this work author formulates the main ideological and methodological principles of educational program named «Dialog between the cultures of East and West» which is to take place in the International Centre-Museum named after Nicholas Roerich. These principles include: the principle of actualization of the universal cultural values in modern society; the principle of unity between man-society-universe; the principle of the dialog between cultures of East and West, which is personalized in orthodox Christian and Buddhist images of Nicholas Roerich's art; the principle of unity of esthetic, ethical and philosophical approaches.

Key words: museum, education, creative work Nicholas Roerich, universal cultural values, dialog between cultures of East and West.

УДК 167:316.3

ГЕРМЕНЕВТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ

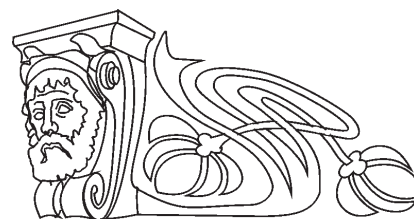
Ломако Ольга Михайловна –

доктор философских наук, профессор кафедры
теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена анализу социальной действительности философским методом герменевтики. Раскрываются сложность и многоаспектность социальной действительности: она включает в себя историю и традицию, язык и деятельность, жизненный мир и социальные институты. Как важные формы социальной действительности определяются социализация и образование, основанные на герменевтическом понимании мира: речь идёт о герменевтически понимаемом педагогическом отношении, которое ориентируется на коммуникативное признание Другого. Оно направлено на поиск взаимопонимания и консенсуса в современном мультикультурном социальном пространстве. Осмысление социальной действительности как целого и разработка эффективных способов коммуникации раскрываются через такие

References

1. Stolyarov B. A. *Teoriya i praktika obrazovatelnoy deyatel'nosti khudozhestvennogo muzeya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* (Theory and Practice of an art museum educational activity: abstract of the thesis of the doctor of education). St.-Petersburg, 1999. 43 p.
2. Vanyushkina L. M. *Vneauditornoye obrazovaniye – put v novoye obrazovatelnoye prostranstvo* (Out-of-school education is a way to new educational field). St.-Petersburg, 2003. 224 p.
3. Rerikh N. *Vrata v budushcheye* (Gateways to the future). Riga, 1991. 227 p.
4. Rokotova N. *Osnovy buddizma* (Foundations of the buddhism). Novosibirsk, 2001. 144 p.
5. Rerikh N. *Tsvety Morii; Puti Blagosloveniya; Serdtse Azii* (Flowers of Morya; Path of Blessing; Heart of Asia). Riga, 1992. 261 p.
6. Perelomov L.S. *Konfutsiy: «Lun yuy»* (Confucius: «Lunyu»). Moscow, 1998. 588 p.
7. Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista (The New Testament of Our Lord and Savior Jesus Christ). St.-Petersburg, 1998. 292 p.
8. *Ucheniye Zhivoy Etiki. Bespredelnost: v 2 ch.* (The living ethics teachings. Infinity: in 2 part). Moscow, 2009, pt. 1. 472 p.
9. *Ucheniye Zhivoy Etiki. Nadzemnoye* (The Living Ethics Teachings. Supermundane). Moscow, 1996. 413 p.
10. Rerikh N. *Listy dnevnika : v 3 t.* (Diary Leaves: in 3 vol.). Moscow, 1995, vol. 2. 512 p.
11. Rerikh N. *Glaz dobryy* (Good Eye). Moscow, 1991. 223. p.

понятия, как герменевтическое отношение, коммуникативное действие, социальный опыт, intersубъективность.

Ключевые слова: герменевтика, социальная действительность, понимание, история, традиция, память, герменевтический опыт, коммуникация, коммуникативное действие, язык, интерактивность, социальная философия.

Существование в современном мультикультурном мире поставлено перед радикальным вопросом о том, как жить с Другим. Расширение национально-этнических конфликтов определяет необходимость поиска эффективных способов открытия единых оснований диалога и

взаимопонимания через преодоление противоречия «своё – чужое».

Основоположник философской герменевтики Х.-Г. Гадамер отмечает, что «герменевтика» – слово, которое не все знают и не всем его нужно знать. Но независимо от того, знают о герменевтике или нет, каждый человек включен в герменевтический опыт, т.е. пытается понять *что-то* с точки зрения окружающего его мира и вести себя сообразно этому пониманию. Это *что-то* выступает как *кто-то*, который предъявляет свои собственные требования; вот такое герменевтическое поведение и проявляет себя в отношении к Другому [1, с. 28].

Перевод герменевтики в проблемное поле социальной действительности означает, что в социально-философском анализе необходимо учитывать связь с жизненным миром, для этого необходимо выяснить, что значит быть участником социального жизненного мира, какие формы социальной действительности являются наиболее значимыми для усвоения опыта понимания Другого.

Социальная действительность имеет дело с такими событиями, которые совершаются, воспринимаются и переживаются с точки зрения ценностей. Рассматривая вопрос о происхождении гуманитарных наук, В. Дильтей утверждал, что они «развиваются из творческой силы нации». Появляется понятие «жизнь», содержащее основу для всех отдельных представлений, которые встречаются в самой жизни. В своей собственной сути жизнь понимается через категории, не имеющие ничего общего с естествознанием: значение, ценность, развитие, идеал являются именно такими категориями [2, с. 287]. В. Дильтей утверждает приоритет гуманитарных наук, рассматривающих человека в его историческом универсуме. Не случайно М. Хайдеггер отмечает у В. Дильтея «беспокойное стремление к главной цели: привести “жизнь” к философскому пониманию и обеспечить этому пониманию из “самой жизни” герменевтический фундамент» [3, с. 398]. Отличительным признаком гуманитарных наук становится метод понимания.

Модель социальной реальности, предложенная В. Дильтеем, основана на признании того, что в гуманитарных науках субъектом исследуется такой объект, который в то же время сам является субъектом. Так возникает вопрос об условиях возможности интерсубъективного понимания, что находит своё выражение, прежде всего, в образовании как форме социальной действительности, связанной с историей. Хотя образование выполняет общественную функцию, оно всегда конкретизируется в межличностном отношении, а именно – между взрослым и

подростком, между образованным и тем, кто только вступил на путь образования.

Интерпретируя «герменевтическое отношение» В. Дильтея, его ученик Г. Ноль ввёл термин «педагогическое отношение», применив его к образовательной действительности. Предпосылкой любой культуры, согласно Г. Ноллю, служит «фонд человеческого опыта». Воспитатель превосходит своего ученика не только опытом, знаниями и умениями, а, прежде всего, своей способностью представить социокультурный мир в соответствии с обычаями и принимать на себя ответственность за этот мир. Он должен стать *посредником* между ребенком и историей. С точки зрения общества воспитателю отведена роль «адвоката культуры» и «адвоката общества». Взрослые рассматриваются как живые носители истории, ее ценностей и содержательных смыслов, именно на основе этих свойств они должны воздействовать на молодое поколение.

Соединив философскую герменевтику с философией жизни, В. Дильтей доказывал, что основная проблема понимания истории – это прежде всего интуитивное переживание. С этим положением не соглашается Х.-Г. Гадамер, утверждая вторичность интуитивных переживаний по отношению к самим историческим реальностям. Можно согласиться с мыслью Х.-Г. Гадамера о том, что на самом деле переживания обусловлены такими историческими действительностями, как общество и государство. Поскольку ни самосознание, ни автобиография, из которых исходит В. Дильтей, не могут быть признаны началом истории, они не могут являться и основанием герменевтической проблемы. Х.-Г. Гадамер приходит к выводу о том, что «в действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории», поскольку задолго до того, как мы начинаем рефлексивно постигать самих себя, «мы уже с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живём» [4, с. 329].

Предание и традиция – вот что составляет историческую действительность социального бытия. Это не просто сохранение, а сохранение, которое осуществляется при любых исторических переменных. Для Х.-Г. Гадамера это означает, что герменевтически воспитанное сознание обязательно включает в себя сознание историческое. Важнейшим герменевтическим условием понимания поэтому становится вопрошание, обращение к нам чего-то, что позволяет нам открыть в существующей действительности новые возможности и, что очень важно, сохранить эти возможности открытыми, не забыть, не утратить, а бережно сохранить [4, 353–355]. Истинный исторический предмет – это то, что философ

называет «сутью дела», – единство «своего» и «другого» как отношение, в котором коренится действительность истории и исторического понимания. В этом смысле герменевтика направлена на выявление действительности истории в самом понимании. Причём «другое» не воспринимается как чуждое, а, напротив, в пребывании внутри предания происходит самоузнавание, встреча с чем-то своим. Герменевтика отношения «своё – чужое», связанная с исторической памятью и преданием, актуализируется Х.-Г. Гадамером как проблема образовательной действительности.

Развивая мысль Г. В. Ф. Гегеля о том, что условием существования философии является образование, Гадамер отмечает, что и бытие духа в целом связано с образованием. Эта связь проявляется, прежде всего, через преодоление противопоставления «своё – чужое». Каждый отдельный индивид в процессе своего развития находит в обычаях, языке, общественном устройстве своего народа «заданную субстанцию, которой он желает овладеть», и таким образом каждый индивид постоянно находится на путях образования. Для Гегеля цель практического образования по своей сути совпадает с целью исторического духа и заключается в примирении с самим собой, узнаванием себя в инобытии, тогда как теоретическое образование он определяет как отчуждение, как стремление заниматься чуждым, то есть тем, что принадлежит воспоминанию, памяти и мышлению.

Признавая в целом справедливость гегелевской идеи о том, что узнавать в чужом своё и осваиваться в нем – это и есть основное движение духа, Гадамер обосновывает своё понимание образования. Практическое знание в его интерпретации сближается с понятием «фронеzis». В отличие от теоретического, знание практическое включает в себя идентичность знающего, моральные вопросы личной и коллективной жизни. Античный фронеzis как практическое знание означал по своей сути единство с памятью. В понимании Гадамера действительное образование неотделимо от памяти. Забывание и воспоминание, сохранение в памяти он трактует как относящиеся к историческим состояниям человека и при этом образующие часть его образования. На этом основании он приходит к мысли о том, что память также следует воспитывать и образовывать. Это значит, во-первых, что необходимо освободить её от психологического уравнивания со способностями и, во-вторых, память следует понять как существенную черту исторического бытия человека [4, с. 53–55].

Полемизируя с Гегелем, Гадамер обосновывает очень важную идею: поскольку образование связано с памятью, оно не может являться от-

чуждением, напротив, оно есть возвращение к себе, а отчуждение всего лишь его предпосылка, которая как раз образованием и преодолевается. В связи с этим возникает закономерный вопрос: как именно это происходит? Речь идёт о том, что именно через образование возможность подъёма человека над собой к всеобщему становится действительностью. Образованный человек открыт для общих точек зрения, поскольку рассматривать себя самого и свои личные цели означает рассматривать их так, как это делают Другие. Однако открытость для общих точек зрения вовсе не означает, что они становятся «жестким масштабом для любых возможных ситуаций», они существуют для него лишь как возможные точки зрения других людей. Образованное сознание на практике, действительно, обладает способностью действовать в разных направлениях, с чем связано понятие герменевтического опыта как горизонта понимания. Горизонт – поле зрения, охватывающее всю ту действительность, в которой находится человек, т.е. «находит себя», своё место в социокультурном мире.

Диалектика опыта, как отмечает Гадамер, получает своё подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает «благодаря самому опыту». В этом случае само понимание опыта обретает новый горизонт. Это уже не опыт, получаемый через наставление и поучение (*Belehrung*) относительно того или иного предмета или явления, а опыт в целом, т.е. тот опыт, который мы приобретаем постоянно, опыт, от которого никто и никогда не может быть избавлен [4, с. 59]. Традиция оказывается, прежде всего, голосом Другого, который обращается к нам и для которого следует быть всегда открытым, этот голос передает нам необходимый для нас опыт понимания сути вещей и событий, которые мы пытаемся понять. Но это вовсе не исключает критического отношения к этому голосу, а означает лишь возможность вступления в разговор с традицией. Защита прошлого не является однозначной, поскольку оно существует как в виде *традиции* (консервации прошлого), так и в виде «начала» (живое воспроизведение прошлого), и тогда речь идёт о генеалогии самой традиции [5, с. 24].

Развивая мысль о том, что подлинный опыт – это опыт своей историчности, Х.-Г. Гадамер говорит о генетической укоренённости человека в традиции. При этом в горизонт понимания он включает и природу как необходимую часть герменевтического опыта как целого. С его точки зрения, природа не может пониматься как простой предмет эксплуатации, она должна познаваться во всех формах проявления, но это

значит, что она должна пониматься как Другой, с которым нас объединяет совместная жизнь. Такому пониманию во многом способствовала герменевтика [1, с. 29].

Важным дополнением в развитии герменевтического проекта является понятие коммуникации Ю. Хабермаса. Рассуждая о герменевтике как первичной стадии всеобщей теории общества, философ отмечает, что все традиционные данности зависят от общественных процессов, и высказывает опасение в связи с тем, что герменевтика, по его убеждению, пока останавливается на поверхности истории традиции, не доходя до её последних условий. В связи с этим теория коммуникаций Ю. Хабермаса направлена на расширение герменевтики через общественную теорию, которая пытается критически осмыслить социальную действительность через условия её существования. Поскольку наряду с языком труд и господство рассматриваются как определённые элементы исторических взаимосвязей, эта общественная теория выходит далеко за границы герменевтических претензий на понимание. Раскрывая связь познания с человеческими интересами, Ю. Хабермас отмечает, что тема В. Дильтея центрирована на отношении переживания, объективации и понимания. Предметом исследования здесь является не человечество, а тот мир, в котором проявляется социально-историческая жизнь. История рода человеческого интегрирована в образовательный процесс духа, поэтому повседневное существование обобществлённого индивида вращается в том же отношении переживания, выражения и понимания, которое конституирует науки о духе. Герменевтическое понимание оказывается лишь методически выработанной формой рефлексивности, в которой осуществляется жизнь человека, общающегося додискурсивно и социально взаимодействующего с другими людьми [6, с. 186–188].

Представления Х.-Г. Гадамера, полагает Ю. Хабермас, основываются на довольно распространённом ошибочном заключении, а именно на смешении вопроса о легитимности нашего знания с вопросом о его происхождении. Это означает, что трансцендентальные условия понимания, которые создают онтологию историчности в смысле Гадамера, должны сами зависеть от объективной связи. В качестве таковой Хабермас называет взаимосвязь интересов, поскольку именно в ней манифестированы язык, труд и господство как полноценные коммуникации. Для всестороннего анализа этой взаимосвязи должна быть развита новая герменевтика. Хабермас, таким образом, обосновывает необходимость её появления усложнением самой социальной реальности: в век планетарной коммуникации в

общение вступают различные социокультурные круги, которые не обладают общим традиционным прошлым и, несмотря на это, приходят к необходимому для существования соглашению. При этом преодолеваются и границы языка. По теории традиций Гадамера, слияние горизонтов в современных условиях было бы необъяснимо [7, с. 196–197].

В русле критической теории общества Ю. Хабермас разработал теорию коммуникативного действия, направленную на интегративное понимание социальной действительности. Она связана с утверждением коммуникативной парадигмы, согласно которой общество рассматривается в форме коммуникации, а рациональность сосредоточена не в разуме, а в языковых формах взаимопонимания.

Наиболее фундаментальными характеристиками социальной действительности являются язык и действие в их единстве. Речь идет о том, что герменевтика рассматривает язык «в работе», т.е. так, как его употребляют сами участники коммуникации для того, чтобы достичь «общего понимания какого-либо вопроса или общего взгляда на вещи». Язык понимается перформативно, как инкорпорированный, воплощённый язык, преодолевающий категориальное противопоставление между символом и телом, словом и образом, коммуникацией и презентацией. Инкорпорация понимается также как целостность, единство от «in corpore» (лат.) – в целом.

Перформативно употребляемый язык оказывается включенным в более сложные отношения, чем простое отношение высказывания «о чем-либо». Высказываясь о чем-то в рамках повседневного контекста, говорящий тем самым вступает в отношение не только к чему-то существующему в объективном мире, но в то же время ещё и к чему-то в мире социальном (как совокупности межличностных отношений, существующих институционально) и к чему-то в своём собственном, субъективном мире.

Таким образом, возникает связь между высказыванием и жизненным миром, в которой язык выполняет три функции: воспроизведение культуры или актуализация предания (герменевтика Гадамера); социальная интеграция (теория коммуникативного действия Хабермаса) и социализация. Из этого следует, что высказывание есть интерактивное действие, в котором, во-первых, «понимание того, что говорится», требует участия, а не одного лишь наблюдения и, во-вторых, преодолевается противопоставление «Я – Другой» [8, с. 40–44].

Следуя своей логике, Хабермас рассматривает условия, при которых связанные между собой понятия социального мира и действия,

регулируемого нормами, изменяются в децентрализованном мире. Если в рамках классических теорий обществ задаётся вопрос о том, как возможен социальный порядок, то в теории действия ему соответствует вопрос о том, каким способом участники коммуникации могут координировать свои действия так, чтобы Другой мог соединить свои действия с действиями Я. Это становится возможным лишь в том случае, когда участники коммуникативного действия согласовывают планы своих действий и могут преследовать свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых результатов и последствий. Таким образом, алгоритм действия, направленного на достижение взаимопонимания, определяет те условия для достигаемого в процессе коммуникации согласия, при которых Другой может соединить свои действия с действиями Я. При этом существенно меняется само отношение «Я – Другой», трансформируясь в отношении «Другой – Я». Центральным понятием становится *согласие*, которое, как подчёркивает Хабермас, невозможно навязать другой стороне, поскольку нельзя обязать соперника к согласию путём какого-либо внешнего воздействия. Согласие всегда основано на общих убеждениях.

Коммуникативное действие мыслится как круговой процесс, в котором положение участника процесса двояко. Являясь *инициатором* действий, с помощью которых можно овладеть ситуацией, он в то же время предстаёт как *продукт* традиций, в которых он живёт, социальных групп, к которым он принадлежит, и процессов социализации, в которых он достигает зрелости [8, с. 198–202].

Философский анализ социальной действительности методом герменевтики направлен на практическую выработку способов социальной солидарности, на формирование опыта понимания Другого, который, объединяя историю и современность, позволяет рассмотреть человека в единстве культурных и социальных связей между поколениями и вместе с тем включает коммуникативный горизонт понимания современного мультикультурного и мультисоциального пространства.

Согласно Гадамеру, герменевтический опыт представляет собой горизонт понимания. Его постижение выступает в форме самоосмысления индивида в обществе, осуществляется через образование и включает в себя историчность, предание, память и традицию.

По мнению Хабермаса, символический капитал функционирует и воспроизводится посредством дискурса, обозначающего способность общественности свободно обсуждать и конструировать социальную действительность. Последняя

выступает как единство и различие жизненного мира и социальных институтов. Общественный дискурс в этом смысле предстаёт как некий «противоинститут», который открывает широкий горизонт возможностей коммуникации для преобразования общества через достижение консенсуса противоположных сторон.

Список литературы

1. Gadamer H.-G. *Das Erbe Europas*. Frankfurt/M, 1995. 175 s.
2. Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*. Frankfurt/M, 1993. 403 s.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tuebingen, 1993. 445 s.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
5. Ломако О. М. Генеалогия и социальная память : методологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 24–27.
6. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt/M, 1994. 420 s.
7. Wuchterl K. *Methoden der Gegenwartsphilosophie*. Bern ; Stuttgart, 1987. 338 s.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 390 с.

Hermeneutics of Social Reality in the Problem Field of Philosophy

O. M. Lomako

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia

E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of social reality by the philosophical method of hermeneutics. It reveals the complexity and multi-dimensionality of social reality including history and tradition, language and activities, life-world and social institutions. Education and socialization are defined as an important form of social reality. The process of socialization is based on the hermeneutic understanding of the world. It is about hermeneutically understood pedagogical attitude, which focuses on the communicative recognition of Another. This attitude is directed at the search of mutual understanding and consensus in the modern multicultural social space. Understanding of social reality as a whole and developing effective ways of communication are revealed through such concepts as hermeneutic attitude, communicative action, social experience and intersubjectiveness.

Key words: hermeneutics, social reality, understanding, history, tradition, memory, hermeneutic experience, communication, communicative action, language, interactivity, social philosophy.

References

1. Gadamer H.-G. *Das Erbe Europas* (Heritage of Europe). Frankfurt/M, 1995. 175 p.
2. Dilthey W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften* (The structure of the historical

- world in the arts and humanities). Frankfurt/M, 1993. 403 p.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Being and time). Tuebingen, 1993. 445 p.
  4. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* (Truth and method: Bases of Philosophical Hermeneutics). Tuebingen, 1975. 495 p. (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, 1988. 704 p.).
  5. Lomako O. M. Genealogiya I sotsialnaya pamyat: metodologicheskii analiz (Genealogy and Social Memory: a Methodological Analysis). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012. Vol. 12, iss. 3, pp. 24–27.
  6. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse* (Knowledge and human interests). Frankfurt/M, 1994. 420 p.
  7. Wuchterl K. *Methoden der Gegenwartsphilosophie* (Methods of modern philosophy). Bern; Stuttgart, 1987. 338 p.
  8. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt/ M, 1983. 208 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoye deystviye*. St.-Petersburg, 2000. 390 p.).

УДК 1:36

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Пигалев Сергей Александрович – аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный университет
E-mail: serge1403@mail.ru

В статье анализируется кризис идеологических принципов социального развития в контексте современного глобализирующегося мира. Предпринимается попытка выявить причины очевидного недовольства социальным развитием со стороны определенных философских течений. Обосновывается идея о том, что это недовольство является неизбежным последствием глобализации и связано с некоторыми социокультурными особенностями модерна. Последний рассматривается как внутренне напряженная система, развивающаяся экстенсивным путем за счет разрушения и поглощения иных социокультурных форм. Доказывается, что в ситуации, когда модерн становится всеобщим достоянием и культурные и национальные границы размываются, он теряет свой основной импульс к развитию. Описываются возможные последствия отказа от социального развития, предрасположенность к которому может быть обнаружена в современной интеллектуальной сфере.

Ключевые слова: глобализация, конец истории, модерн, постмодернизм, социальное развитие, традиционализм.

Долгое время одной из ключевых идей западной, а впоследствии и мировой интеллектуальной традиции была идея развития. Несмотря на то, что последняя гипотетически допускает широкий спектр трактовок, реальное влияние на умы оказала новоевропейская версия, являющаяся неотъемлемой частью проекта «модерн». Согласно этой версии, человечество находится в состоянии непрерывного, универсального прогрессивного движения, восходя от менее совершенного состояния к более совершенному. Специфический просвещенческий универсализм вкупе с отношением к новизне как к абсолютной ценности выразил, например, И. Г. Гердер: «Все на земле – изменение: никакие

разделения, никакая градуировка глобуса и карты не принимается в расчет <...> Несказанная мудрость не в том, что все так многообразно, но что все создано столь единообразно и в унисон» [1, с. 22].

Будучи, согласно новоевропейской интерпретации, неотменяемой природной данностью, развитие предполагает как непосредственный рост материального благосостояния, так и качественное изменение социальной реальности в соответствии с рациональными принципами. Последнее на деле означает отказ от традиционных коллективистских социальных структур в пользу секулярного индивидуализированного социума. Так понятая идея развития очень долго являлась определяющей в западной философской мысли, зачастую выступая оправданием для самых разных политических стратегий, включая, в частности, даже колониализм (пресловутое «бремя белых» Р. Киплинга). Нетрудно также заметить наличие своеобразного глобалистского пафоса, являющегося неотъемлемой частью описанной выше линии рассуждения. Это делает особенно любопытным изменение отношения к социальному развитию в современную эпоху, когда проект глобализации если не достиг успеха, то, по крайней мере, близок к этому. Действительно, понятие «развитие» по-прежнему является важной частью современной политической риторики. Тем не менее все большую популярность приобретают концепции, так или иначе либо переосмысляющие развитие, либо обосновывающие его полное прекращение.

Об этом говорит, например, английский исследователь Т. Парфитт (Т. Parfitt), подчеркивая, что мы имеем дело с дискурсом «постразвития», основанном на идее отказа от развития в силу его разрушительного характера [2, с. 5]. Данная констатация в краткой и радикальной форме выражает суть метаморфоз западной интеллектуальной традиции, которые, как представляется, начались довольно давно, однако стали очевидными лишь во второй половине XX в.

Необходимо отметить, что идея развития, особенно в новоевропейской интерпретации, всегда имела своих врагов (например, в лице романтизма), однако последние изначально играли роль своеобразной системной, а потому неопасной «оппозиции». Лишь относительно недавно ситуация начала меняться. Одним из первых симптомов такого изменения была, на наш взгляд, деятельность Римского клуба, в частности А. Печчеи, который на *политическом уровне* заявил о необходимости «обуздать» развитие, обосновав это наличием экологических угроз и ограниченностью ресурсов [3]. Экологический пафос и гуманистическая риторика были призваны, по сути, смягчить центральный мотив – предложение об образовании наднациональных структур, имеющих полномочия насильно ограничивать развитие «провинившихся» стран. Рассуждения Печчеи интересны исключительно как своеобразный маркер, свидетельствующий о смене курса в отношении к развитию. Вне зависимости от согласия либо несогласия с этими рассуждениями нельзя отрицать, что имел место отказ от фундаментальной западной веры в *универсальность* развития.

Экологическая линия, начатая Печчеи, была лишь «верхушкой айсберга», поскольку основывалась преимущественно на прагматической аргументации и не затрагивала идею развития на уровне философских оснований. Последнее – это удел так называемых концепций «конца истории». Речь идет отнюдь не только об известном тексте Ф. Фукуямы [4]. Представляется, что наряду с дискурсом «постразвития», о котором говорит Т. Парфитт, есть основания говорить о своеобразном «постисторическом» (или даже «антиисторическом») дискурсе. Этот дискурс включает в себя широкий спектр концепций и отдельных идей, зачастую противоречащих друг другу, но тем не менее объединенных одним общим настроением. Суть этого настроения в том, что история как сфера, в которой возникают, взаимодействуют и развиваются так называемые «большие смыслы», т.е. макросоциальные проекты развития, прекращает свое существование. На смену истории

приходит «постистория» – состояние, основной чертой которого является экзистенциальный и социальный покой.

Помимо текстов Фукуямы подобная идея может быть обнаружена в исследованиях постмодернистов, которые трактуют историю как источник социокультурного насилия и на этом основании отвергают ее. В частности, известно противопоставление Ж. Делезом и Ф. Гваттари исторического и «кочевого» принципов (при явных симпатиях в адрес второго) [5, с. 664–665].

С некоторыми оговорками можно утверждать, что отказ от описанного выше понимания истории налицо и в работах традиционалистов. Последние отбрасывают историю как иллюзию, навязанную авраамическими религиями, и противопоставляют динамике исторического творчества константность абсолютизированной Традиции (об антиисторической направленности традиционализма см., например, [6]).

Создается впечатление, что идея социального развития неожиданно «надоела» даже своим недавним апологетам. Представляется, что причины, сделавшие возможной эту ситуацию, кроются в специфике модерна.

С самого начала модерн формируется как проект, в основе которого лежит *импульс отрицания*. Об этом, на наш взгляд, говорит и В. А. Кутырев, рассуждая о присущей модерну «неомании», особом типе мировоззрения, согласно которому «любые сложившиеся системы существуют для того, чтобы, не успев изжить себя органически, скорее исчезнуть и замениться иными, новыми» [7, с. 22]. Идея новизны как абсолютной, безоговорочной ценности оказывается идеологическим оружием капиталистического класса в борьбе с коллективистскими формами организации средневекового общества. Поскольку последнее основано преимущественно на вне-рациональных, т.е. противоречащих рыночной ментальности формах социального поведения, оно должно быть отброшено как «застойное», «неразумное». В результате, как подчеркивает С. Б. Токарева, «эпоха модерна развивалась под знаком индивидуализации, и ее главным достижением стало формирование эффективных механизмов преодоления подчинения индивидуального общественному» [8, с. 115].

Даже такой известный апологет модерна, как Ю. Хабермас признает его «отрицательный» характер, подчеркивая, что сознание модерна «живет опытом бунта против всего нормативного и нейтрализует как доброе с точки зрения морали, так и полезное с точки зрения практики» [9]. А. Хеллер и вовсе же уверена, что суть модерна заключается в его чистой «отрицательности»: модерн, подчеркивает она, лишен основы, по-

скольку его фундаментальной чертой является деконструкция всех оснований [10, с. 1].

Возможно, это обстоятельство станет более понятным, если обратить внимание на тот факт, что общество модерна с самого начала задумывалось его творцами как общество с высокой степенью внутренней «напряженности». Его системообразующим принципом изначально являлась конкуренция, соперничество. Принципиальная разобщенность требовала жестких механизмов интеграции, о чем писали практически все классики модерна, начиная с Т. Гоббса с его идеей беспощадного государства-левиафана [11], ограничивающего «войну всех против всех». На наш взгляд, именно по этой причине основным мотивом модерна становится противостояние эгоцентричной частной воли и сдерживающих ее социокультурных макроструктур.

Показательно, что даже Г. В. Ф. Гегель признавал: для того, чтобы разрозненные социальные атомы «не укоренились и не укрепились в <...> изолировании, благодаря чему целое могло бы распасться и дух улетучился бы, правительство должно время от времени потрясать их посредством войн» [12, с. 241]. Иначе говоря, внутренняя напряженность, возникающая в конкурентной среде модерна, с необходимостью должна быть перенаправлена вовне, создав тем самым некоторый потенциал общественной солидарности.

Все это, однако, означает, что модерн – проект, который может реализовываться исключительно *экстенсивным* путем. Следовательно, модель социального развития, предложенная модерном, изначально предполагает наличие некоего внешнего Другого, который и должен быть подвергнут описанному выше «отрицанию». Иными словами, чтобы общество модерна развивалось, должны существовать иные, принципиально отличающиеся от него социокультурные формы, являющиеся потенциальным «топливом» для модернизации. Соответственно, в ситуации, когда модерн становится всеобщим достоянием (а именно это, с некоторыми оговорками, характерно для эпохи глобализации), он теряет свой основной импульс к развитию. В этой связи довольно показательным, что А. Кожев, один из главных теоретиков «конца истории», связывает наступление этого «конца» с возникновением так называемого «универсального гомогенного государства» [13]. Последнее оказывается пост-историческим именно в силу своего всеобщего и однородного характера.

Таким образом, глобализация, будучи целью новоевропейской модели социального развития, одновременно предстает тем фактором, который предельно проблематизирует и саму

эту модель, и идею истории как таковую. «Отрицание», лежащее в основе модерна, не имея больше соответствующего внешнего объекта, направляется против основ самого модерна, в том числе, против идеологических принципов социального развития. Эти принципы, разработанные однажды отцами-основателями модерна (гуманизм, исторический оптимизм и т.д.), в условиях глобализации теряют свою действенность, и развитие отбрасывается как излишняя и довольно-таки тягостная роскошь. Подчеркнем, что речь идет о процессах, происходящих преимущественно на уровне философских и идеологических оснований и не особенно очевидных на уровне практики. Вместе с тем представляется, что кризис оснований – это уже достаточный повод, чтобы присмотреться к сложившейся ситуации.

Ситуация, на наш взгляд, может развиваться в соответствии с несколькими сценариями. Во-первых, в условиях кризиса идеи развития могут предприниматься попытки искусственно сконструировать некоего нового Другого, существование которого может послужить поводом к продолжению развития. В роли последнего для массового сознания может выступить кто угодно, начиная от «мирового терроризма» (являющегося в определенной степени медийным порождением) и заканчивая вполне определенными государствами.

Во-вторых, для некоторых групп довольно соблазнительным может выглядеть полный отказ от социального развития с последующим обращением к архаике, но в грубой и «превращенной» форме. Примером этой тенденции является деятельность радикальных исламистских групп.

Наконец, в-третьих, идея развития может быть кардинальным образом переосмыслена – настолько, что такое переосмысление трудно отличить от деконструкции. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть о таком крайне популярном интеллектуальном течении, как *трансгуманизм*. Используя агрессивную прогрессистскую лексику и ратуя за интенсивное социальное и технологическое развитие, трансгуманисты в то же время «расчеловечивают» самого человека, превращая его в пассивный объект в руках биотехнологов и транснациональных корпораций. «Трансгуманизм начинается с отказа от <...> запрета на технологические способы манипулирования сознанием и биосоциальной природой человека», – сообщает одна из статей на сайте Российского Трансгуманистического Движения [14]. В таком контексте развитие заменяется произвольной *игрой* с социальной реальностью и человеческой природой, превращаясь в симулякр.

Деконструкция идеи социального развития может также привести к ситуации, когда развитие сохраняется, однако ограничивается пределами небольших «островков» (имеющих, скорее, классовую, чем географическую природу). О возможности такого варианта развития событий говорят многие исследователи, начиная от В. Инземцева с его осторожными рассуждениями о «расколотой цивилизации» [15] и заканчивая социал-дарвинистами вроде глобалиста Ж. Аттали [16] и сторонников идеи так называемой «нетократии» [17].

Анализ сценариев, альтернативных описанным выше, не входит в задачи данного небольшого и предварительного исследования. Тем не менее уже сейчас представляется очевидным, что ни попытки «законсервировать» модерн, ни обращение к архаике, ни трансгуманистический сценарий, сопровождающийся процессами резкого социального расслоения, не могут быть адекватными способами решения проблемы.

В связи с этим весьма интересен вопрос о возможности модели социального развития, свободной от «негативистского» наследия модерна, которое в постмодернистскую эпоху не только не сходит на нет, но и доводится до абсурда. Есть некоторые основания считать, что имеется определенный смысл в обращении к коллективистской парадигме, противостоящей индивидуализму новоевропейской традиции. Это, однако, порождает новый пласт проблем, которые выходят за рамки статьи и требуют дальнейшего и более глубокого анализа.

Список литературы

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.
2. Parfitt T. The end of development : Modernity, postmodernity and development. L., 2002. 177 p.
3. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. 302 с.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. 588 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. М., 2010. 895 с.
6. Макаров А. И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 275–283.
7. Кутырев В. А. Время Mortido // Вopr. философии. 2011. № 7. С. 19–28.
8. Токарева С. Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2. С. 113–118.
9. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. URL:

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 28.11.2013).

10. Heller A. The three logics of Modernity and the Double Bind of the Modern imagination. Budapest, 2000. 31 p.
11. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 3–545.
12. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч. : в 12 т. Т. IV. М., 1959. 440 с.
13. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. 792 с.
14. Лукьянец В. С., Соболев О. Н. Проблема постчеловеческого будущего. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/18> (дата обращения: 27.11.2013).
15. Инземцев В. Л. Расколотая цивилизация. URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/inomezew.txt> (дата обращения: 28.11.2013).
16. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. 133 с.
17. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.

The Ideological Principles of Social Development in the Globalization Era

S. A. Pigalev

Volgograd State University

100, Universitetskiy Prospect, Volgograd, 400062, Russia

E-mail: serge1403@mail.ru

In the article a crisis of the idea of social development is analyzed. An attempt to reveal the reasons of specific philosophical currents' obvious discontent with social development is made. The idea that this discontent is an inevitable consequence of the globalization, connected with sociocultural characteristics of modernity, is proved. The latter is treated as a strained system, which is able to develop only in an extensive way through destruction and cooptation of other sociocultural entities. It is shown that modernity loses its development potential when it becomes universal, and cultural and national boundaries are diffused. The consequences of the rejection of social development, propensity for which can be noticed in modern intellectual domain, are examined.

Key words: globalization, end of history, modernity, postmodernism, social development, traditionalism.

References

1. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva (Outline of a Philosophical History of Humanity). Moscow, 1977. 703 p.
2. Parfitt T. The end of development: *Modernity, postmodernity and development*. London, 2002. 177 p.
3. Peccei A. *The human quality*. Oxford; New York, 1977. 214 p. (Russ. ed.: Pechchei A. *Chelovecheskiye kachestva*. Moscow, 1980. 302 p.).
4. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, 1992. 418 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek*. Moscow, 2004. 588 p.).
5. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie: Mille Plateaux*. Paris, 1980. 645 p. (Russ. ed.: Delez Zh.,

- Gvattari F. *Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Moscow, 2010. 895 p.).
- Makarov A. I. Traditsiya protiv istorii v filosofii sovremennogo yevropeyskogo traditsionalizma (Tradition against history in contemporary philosophy of traditionalism). *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialog with time. The almanac of intellectual history), 2001, iss. 6, pp. 275–283.
  - Kutyrev V. A. *Vremya Mortido* (The Mortido time). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2011, no. 7, pp. 19–28.
  - Tokareva S. B. Metodologiya sotsialnogo konstruirovaniya i sotsialnyy konstruktivizm kak metodologiya (The methodology of social construction and constructivism as methodology). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnyye tekhnologii* (The bulletin of Volgograd state university. Ser. 7. Philosophy. Sociology and social technologies), 2011, no. 2, pp. 113–118.
  - Khahermas Yu. *Modern – nezavershennyi proyekt* (Modernity, an Unfinished Project). Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (accessed 28 November 2013).
  - Heller A. *The three logics of Modernity and the Double Bind of the Modern imagination*. Budapest, 2000. 31 p.
  - Gobbs T. *Leviafan* (Leviathan). Works: in 2 vol. Moscow, 1991, vol. 2, pp. 3–545
  - Gegel G. V. F. *Fenomenologiya dukha* (Phenomenology of Spirit). Works: in 12 vol. Moscow, 1959, vol. 4. 440 p.
  - Kojev A. *Introduction a la lecture de Hegel*. Paris, 1980. 597 p. (Russ. ed.: Kozhev A. *Vvedeniye v cheniye Gege-lyu*. St.-Petersburg, 2003. 792 p.).
  - Lukyanets V. S., Sobol O. N. *Problema postchelo-vesheskogo budushchego* (The problem of posthuman future). Available at: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/18> (accessed 28 November 2013).
  - Inozemtsev V. L. *Raskolotaya tsivilizatsiya* (Severed civilization). Available at: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/inozemzew.txt> (accessed 12 December 2013).
  - Attali J. *Millenium: winners and losers in the Coming world order*. New York, 1991. 132 p. (Russ. ed.: Attali Zh. *Na poroge novogo tysyacheletiya*. Moscow, 1991. 133 p.).
  - Bard A., Zoderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravys-hchaya elita i zhizn posle kapitalizma* (Netocracy. The new power elite and life after capitalism). St.-Petersburg, 2004. 252 p.

УДК 2-18(470)

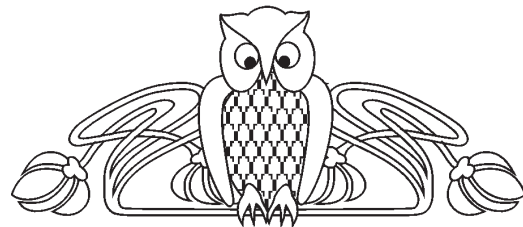
ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Позднева Светлана Павловна –

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Маслов Роман Владимирович –

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Статья посвящена проблеме человека в русской философии. Подчеркнута национальная особенность русской философии и указано, что центральное место в ней занимает проблема человека, осознано единство его душевной и телесной организации, рассмотрена проблема пола в противопоставлении западной философской культуре и в этой связи любовь обозначена как истинный «национальный феномен» русской философии. Выделяется «русская идея» патриотизма как философия «горящего» сердца и выявлены истинные ценности трактовки смысла жизни человека – служение добру, высоким нравственным целям. Также при рассмотрении человека как индивидуальности дана его оценка как космопланетарного феномена в русском космизме.

Ключевые слова: национальная особенность, «русская идея», душевная и телесная организация человека, смысл жизни, русский космизм.

Интерес к русскому философскому наследию в настоящее время закономерен, ибо в русской философии есть то, что волнует нашего современника – раздумья о судьбах России, ее духовных истоках, поисках и выборе нравственных и гражданских интересов, определяющих духовное становление личности. Русская философия включена в общее развитие мировой, но у нее есть свое поле проблем, свой угол зрения, свой собственный стиль философствования, свои национальные особенности.

Первая национальная особенность русской философии заключается в том, что если в немецкой философии сильны традиции рационализма, в английской – эмпиризма, то в

русской наибольшее развитие получила философская антропология – у Н. Г. Чернышевского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и др.

Вторая национальная особенность русской философии – воздействие на нее религии. Русскую философию XIX – начала XX в. отличает глубокая связь с православием, поэтому на первый план выдвигаются идеи Добра, Софии в философии всеединства В. С. Соловьева, П. А. Флоренского и др.

Её третья национальная особенность заключается в отношении философии и государства. Если в Германии философия легально преподавалась в университетах, то в России материалистическая философия, представленная А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и другими философами, существовала как неофициальная.

Четвертая национальная особенность русской философии проявляется в ее отношении к философским учениям других народов: философия России является открытым типом мысли, восприимчивым к иным воззрениям.

Её пятая национальная особенность – в ее особом стиле: сочинения В. В. Розанова, П. А. Флоренского написаны ярко, эмоционально, образно.

И, наконец, шестая национальная особенность русской философии – ее внесистемный, иррациональный, интуитивный характер, стремление к нравственно-оценочной форме изложения мысли. Эти особенности позволяют понять место проблемы человека в русской философии.

Первая проблема русской философии – о соотношении души и тела, проблема пола в человеке. Обращение к философии С. Л. Франка чрезвычайно ценно для раскрытия позиции русских философов по поводу человеческой сущности.

С. Л. Франк в работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» [1] всесторонне обосновывает тезис о единстве душевной и телесной организации человека: «Безусловно, область нашего физического самочувствия есть <...> тот реальный фундамент, на котором строится наша душевная жизнь <...> В этом смысле наша душа действительно прикреплена к телу, <...> тело есть келья, внутри которой мы сидим и через окна которой мы глядим на внешний мир и общаемся с ним <...>

Но одновременно мы обнаруживаем и ограниченность этой связи. Мы можем посмотреть на наше тело извне <...> в мыслях, воспоминаниях и грехах мы уносимся далеко от нашего тела <...> Отсюда возможно признание непространственности нашей души» [1, с. 202]. «Все проходит, все становится тенью прошлого, и мы безвозвратно, роковым образом старимся не только телом, но и душой» [1, с. 186].

Франк настаивает, что в основе двойственности «душевного» и «телесного» бытия лежит коренное единство света и жизни, актуальности и потенциальности, или идеальности и реальности [1, с. 204].

В философской литературе, пожалуй, два имени сопутствуют серьезному исследованию феномена пола: В. В. Розанов – в отечественной и З. Фрейд – в зарубежной. Несомненно, имя Фрейда знакомо было большинству русских философов, однако каждый из них по-своему его оценил. Так, по мнению Н. А. Бердяева, Фрейд прав, утверждая дисгармоничность, конфликтность половой жизни, но для него проблема любви-эроса остается закрытой.

По-иному, эмоционально и образно решает проблему пола В. В. Розанов – автор единственного в своем роде труда «Семейный вопрос в России» (1903), в котором специально анализируется проблема пола. «Пол в нас не есть постоянная, а вечно текущая сущность», – считает Розанов. «Пол есть начало жизни, и он индивидуализирован, т.е. сколько людей, столько лиц, обособленных в половой жизни». Розанов осуждает христианство за призыв к аскетизму, монашеству: «Человек есть трансформация пола, модификация пола» [2, с. 73]. «Человек <...> есть во всем своем Я “целом” и “дробном” половое существо, страстно дышащее полом, и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, в торговле, но в самом чистом и святом виде – в самом нормальном – семье» [2, с. 206].

Для Розанова важна «творящая» функция пола: «Пол и есть наша душа». «Пол – та сфера в человеке, где он таинственно связан с природой, и все “остальное” в человеке есть выражение и развитие тайны пола». В поле сходятся все нити человеческой жизни, все эмоции, через любовь человек соприкасается с будущим, с вечностью [2, с. 242].

Вторая идея русской философии – идея патриотизма, чрезвычайно важная для человека. Любовь к родине всегда была отличительной чертой русского человека.

По мнению И. А. Ильина, русская национальная идея должна выражать русское историческое своеобразие. Русская идея, по его определению, есть идея созерцающего сердца [3, с. 436], идея любви, сочувствия и доброты. И. А. Ильин с пафосом восклицает, что вся культура русского человека свидетельствует о его доброте и гостеприимстве, что отразилось в мифах, его добродушии – в русских сказках, ярком чувстве – в танцах. Русская живопись, поэзия, музыка проникнуты духом братского сочувствия и справедливости. Русская национальная идея как предметно созерцающая любовь определяет

всю жизнь русского человека и его культуру. Вся жизнь русского народа есть достойное, творческое и величавое бытие.

Русское творчество, по мнению И. А. Ильина, живо своим горящим сердцем, своим вдохновением; русская наука – творческой свободой и живой совестью. Русская армия жива суворовскими традициями: солдат есть личность, живой очаг – веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия.

Третья идея русской философии заключается в своеобразии трактовки смысла жизни человека. Существует множество ценностей, положенных в основу смысла жизни. Хорошо известно, что в истории человечества богатые следовали в жизни принципам радикального гедонизма. Ориентация на обладание – характерная особенность западного индустриального общества, в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, славой, властью. Православие усматривает смысл пребывания человека на Земле в том, чтобы осознать Любовь, научиться владеть состоянием любви в полной мере. Разрабатывал эти темы Е. Н. Трубецкой, предложив теорию кондиционализма, или условного бессмертия. Суть ее в том, что бессмертие достигается только через свободный выбор и творчество самого человека [4].

С точки зрения светской философии, человек как единство биологического и социального живет в физическом мире только один раз и со смертью физического тела уходит в небытие, поэтому смысл его жизни – в максимальной реализации своих потенций в тех или иных областях культуры.

Для русской философии высший нравственный смысл жизни человека состоит в служении Добру – чистому, всестороннему и всемогущему. Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел высокую цель.

Четвертой идеей является изучение индивидуальности человека. Феномен индивидуальности изучается на нескольких уровнях – биогенетическом, социогенетическом и психологическом. Современный этап разработки проблемы индивидуальности в значительной степени связан с осмыслением духовного наследия русской культуры.

Н. А. Бердяев в работе «Русская идея» анализирует «тайну» русской индивидуальности: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе, – пишет он, – деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное со-

знание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [5, с. 44–45]. При всем тончайшем проникновении в диалектику русской души Н. А. Бердяев неправ, утверждая равноценность, равнозначность полярных черт русского национального характера: в отдельные периоды истории обнаруживает себя одна из противоположностей. Национальное выступает в русской философии как особая форма индивидуального, как ступень формирования единого человечества.

Проблема индивидуальности в философии П. А. Флоренского связана с проблемой личности: «Моя мечта написать работу – словарь имен, где я хотел бы выяснить характеристики имен на основании народной письменности и изящной литературы <...> и собственных наблюдений» [6, с. 50].

С. Н. Булгаков связывает вопрос об индивидуальности с проблемой смысла жизни. В работе «Моя Родина» он пишет: «Нужно особое проникновение и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий» [7, с. 364].

Иначе, более обстоятельно рассматривает проблему индивидуальности Л. П. Карсавин. Философ различает низшую и высшую, органическую и надорганическую индивидуальность, выделяет коллективную историческую индивидуальность и расширяет рамки индивидуальности до общества, культуры, человечества [8, с. 86].

Своеобразие русской индивидуальности заключается как в антиномичности, равноценности полярных черт, так и в открытости русской культуры влиянию других культур.

Пятой идеей является анализ человека как космопланетарного существа. Русский космизм – это своеобразный синтез фундаментального мировоззрения, в котором традиционные ценности отечественной культуры соединяются с научными концепциями мира. В русской философской мысли исторически сложились два направления русского космизма: естественнонаучный космизм (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Я. Чижевский) и эсхатологический (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк).

В основе первого лежит идея конструктивной связи космоса и человека как единственного носителя разума в универсуме. В. И. Вернадский

сделал вывод о превращении Человека в геологическую (планетарную) силу, когда человечество принимает на себя ответственность за последующую эволюцию биосферы, за её превращение в сферу Разума, ноосферу.

Иные трактовки этой проблемы предлагает экзистенциально-эсхатологический космизм. П. А. Флоренский высказывает мысль «о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа» [9, с. 298]. В отличие от представителей естественно-научного космизма, которые считали, что человеческий разум способен предотвратить глобальную катастрофу, он подчеркивает предельную ограниченность этого разума. Только человек как «живая свободная сущность» может быть подлинной субстанцией бытия. При всем различии двух парадигм русского космизма они едины в том, что разрабатывали этику космической справедливости и целесообразности, созвучную современности, духовному возрождению русской культуры.

Антропологический поворот всколыхнул в настоящее время всю культуру – как гуманитарную, так и естественно-научную: сложилось даже новое направление в осмыслении феномена человека – философия проектирования.

В условиях настоящей «пандемии» деконструктивизма, по меткому выражению В. Н. Сагатовского [10], когда многие отечественные исследователи, вторя западным, за смертью Бога (Ф. Ницше) утверждают смерть Человека, смерть Автора, обращение к философии проектирования весьма показательны.

Философы еще не сумели дать удовлетворительную дефиницию проектирования, но успели выделить в нем две черты – функциональность и интенциональность, связать их с философией техники и тем самым связать это направление с практикой. Оппозиция антропоцентризма и антропокосмизма как двух ведущих проектов философии подтверждается актуальными проектами в науке. По нашему мнению, эти проекты взаимодополнительны, и второй является более высокой степенью развития первого. Проект антропоцентризма оставляет за проектом антропокосмизма право на серьезное обоснование как проект будущего.

Подводя итог исследованию проблемы человека в русской философии, следует признать:

Человек есть уникальное существо, возникающее на пересечении двух миров – природного и духовного; он изначально един в душевной и телесной организации;

Человек включен в порядок природы, и точка этой включенности – пол;

Человек – трансформация, модификация пола, пол – священная Тайна человека, его душа;

Человек – страстно дышащее, любящее существо; любовь – чудо, нравственное чудо; любовь – проявление индивидуальности, утверждение вечного, бессмертного в человеке;

Человек – космопланетарный феномен, высшая точка космической эволюции сил Природы, допускающая в лице человека постижение ее Тайн.

Так крупно, размашисто не создавало еще портрет Человека ни одно мировоззрение Мира. Только русская философская мысль, философия «горящего сердца» могла отобразить характерные черты русского человека – открытого любви и ярким эмоциям, широчайшей души и необычайного интеллекта, смертного как существо физическое и бессмертного как существо творческое, земное по форме и космопланетарное по сущности. Именно этот портрет оказался пророчески точным, востребованным современным уровнем цивилизации и соответствующим духу истинного возрождения России.

Список литературы

1. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. 253 с.
2. Розанов В. В. Семейный вопрос в России : в 2 т. СПб., 1903. Т. 1. 311 с.
3. Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 436–444.
4. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. 432 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. 528 с.
6. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. М., 1992. 552 с.
7. Булгаков С. Н. Моя Родина // Русская идея. М., 1992. С. 363–373.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. 350 с.
9. Флоренский П. А. Письмо к В. И. Вернадскому. 21 сентября 1929 г. // Историко-астрономические исследования. М., 1988. С. 291–309.
10. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб., 2004. 230 с.

The Problem of Human in Russian Philosophy

S. P. Pozdneva, R. V. Maslov

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: maslovrv@gmail.com

The article is devoted to the problem of man in Russian philosophy. Underlined the national peculiarities of Russian philosophy and indicated central problem of man in it, realized the unity of mental and physical organization of man, considered the problem of sex as opposed to the western philosophical culture, and therefore love is referred to as a true «national phenomenon» in Russian philosophy. Emphasized the «Russian idea» of patriotism, as the philosophy of «burning» of the heart, and revealed the true values in the interpretation of the meaning of human life – in the service of good, high moral purpose. Also, when considering a person as an individual human being as assessed cosmoplanetary phenomenon in Russian cosmism.

Key words: national peculiarity, «Russian idea», dushetelesnost human, meaning of life, Russian cosmism.

References

1. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu*. (Man's Soul: An Introductory Essay in Philosophical Psychology). Moscow, 1917. 253 p.
2. Rozanov V. V. *Semyyny vopros v Rossii: v 2 t.* (Family affair in Russia). St.-Petersburg, 1903, vol. 1. 311 p.
3. Il'in I. A. O russkoy ideye (About the Russian idea). *Russkaya ideya* (Russian idea). Moscow, 1992, pp. 436–444.
4. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* (Meaning of Life). Moscow, 1994. 432 p.
5. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* (Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the XIX Century and Early XX Century). *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture* (About Russia and Russian Philosophical Culture). Moscow, 1990. 528 p.
6. Florenskiy P. A. *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh let* (For my children. Recollections of past days). Moscow, 1992. 552 p.
7. Bulgakov S. N. *Moya Rodina* (My Motherland). *Russkaya ideya* (Russian idea). Moscow, 1992, pp. 363–373.
8. Karsavin L. P. *Filosofiya istorii* (Philosophy of History). St.-Petersburg, 1993. 350 p.
9. Florenskiy P. A. *Pismo V. I. Vernadskomy. 21 sentyabrya 1929 g.* (Letter to V. I. Vernadskiy 21st September 1929). *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya* (Historical and astronomical research). Moscow, 1988, pp. 291–309.
10. Sagatovskiy V. N. *Filosofiya antropokosmizma v kratkom izlozhenii* (Philosophy anthropocosmic Summaries). St.-Petersburg, 2004. 230 p.

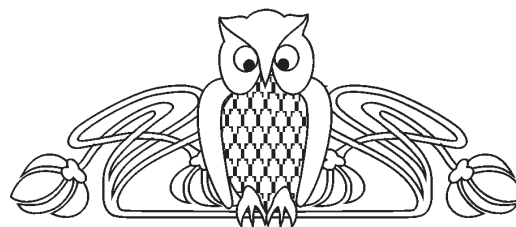
УДК 159.964.2:7.036

ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ НА РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА XX ВЕКА

Попов Денис Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики, Саратовский государственный университет
E-mail: pvden@yandex.ru

В статье анализируется влияние психоаналитических концепций на рациональные и иррациональные формы художественного творчества в XX в., отражение взглядов различных психоаналитических школ в психологическом романе, сюрреализме, массовой культуре. Разнообразие воздействия психоанализа на художников объясняется его двойственностью, так как он включает рациональные и иррациональные аспекты. Как следствие, художники использовали в своем творчестве те его элементы, которые были им близки. Выделяется три основных направления влияния психоанализа на искусство: изучение бессознательного художественными средствами, его иррациональная репрезентация и удовлетворение бессознательных желаний средствами искусства. Автор отмечает, что психоанализ не только исследовал, но и создавал искусство, представляющее бессознательное как реально существующий феномен. Искусство служило способом доказательства истинности психоаналитических моделей человеческой психики.

Ключевые слова: психоанализ, искусство, бессознательное, художник, рациональное и иррациональное.

В XX в. психоанализ как особое направление мысли пережил необычайный взлет, превратившись в универсальную исследовательскую программу, охватившую все области гуманитарного знания. Будучи первоначально всего лишь концепцией, объяснявшей появление неврозов, он вскоре сделался теорией глубинных мотивов поведения человека и поэтому мог быть применен в любых дисциплинах социально-гуманитарного цикла, имеющих дело с человеком и его деятельностью. Более того, можно говорить также об определенных философских представлениях, свойственных психоанализу, поскольку он заново поставил и по-своему решил проблему соотношения рационального и иррационального в человеке. И хотя сам Фрейд считал психоанализ наукой, в настоящее время все более утверждается точка зрения, согласно которой созданное им учение не является научной концепцией, а

представляет собой соединение философской спекуляции с практикой психической саморегуляции [1, с. 14].

Взаимодействие подсознания с искусством стало предметом рассмотрения уже у основателя психоаналитического движения — З. Фрейда. Сам он оставил лишь несколько небольших работ, посвященных анализу психики деятелей искусства на основании их творчества, среди которых особо следует отметить «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» [2, с. 176–211] и «Достоевский и отцеубийство» [2, с. 285–294]. В них он продемонстрировал, как и в каком направлении следует изучать искусство с психоаналитических позиций, представив художественную деятельность как работу воображения, имагинацию, в которой находят свое воплощение бессознательные импульсы, воспоминания и желания.

Таким образом, уже Фрейдом были созданы все предпосылки для влияния психоанализа не только на искусствоведение, но и на само искусство. Независимо от того, насколько прав или неправ был психоанализ, он оказался не только исследовательской, но и художественной программой. Было или не было искусство таким, каким он его видел, — в любом случае это видение, признанное художниками, становилось для последних руководством и ориентиром.

Психоанализ изначально предстает перед нами как нечто двойственное, амбивалентное. Исследование бессознательного в человеке начинается с раскрепощения и выявления этого бессознательного, с выведения его в сознание в виде снов, фантазий, оговорок, потока неконтролируемой речи. Но затем такое «явленное» бессознательное перерабатывается, рационализируется и объясняется психоаналитиком с помощью понятий, гипотез и теорий. Можно сказать, что психоанализ есть «рационализация иррационального», которой неизбежно предшествуют признание иррационального и его первичная неконтролируемая манифестация.

Двойственности медицинского психоанализа соответствовало и его изначально двойственное влияние на искусство. Художественная деятельность оказывалась то порождением бессознательной игры воображения художника, которая подлежала позднее тщательной интерпретации в терминах психоанализа, то неким подобием рационального исследования и описания психического мира личности. Последнее, естественно, сближало позиции художника и психоаналитика и потому оказалось приемлемым для многих деятелей искусства. В начале XX в. натуралистическая эстетика, с ее представлением о художнике как о серьезном и объективном ис-

следователе, еще не утратила своего значения, и психоанализ казался всего лишь развитием и углублением «позитивного» подхода к изучению человека. Искусство должно было лишь воспользоваться наработками психоаналитиков, чтобы еще более «реалистично» и «натуралистично» представить внутренний мир личности художественными средствами. Только теперь вместе с фиксацией внешних фактов жизни и человеческого сознания можно было детально описывать и внутренние, подсознательные импульсы человеческой психики.

Наиболее активно возможностями, открытыми психоанализом, воспользовалась литература начала – середины XX в. Особая восприимчивость литературы к психоанализу объясняется ее спецификой как вида искусства. Работая со словом как материалом, она всегда была способна, используя его возможности, передавать внутренний мир личности во всей его сложности и многогранности, в том числе с помощью довольно отвлеченных понятий. Теперь новая, психоаналитическая, картина человеческой психики позволила показывать этот мир еще более объемно, с учетом разнообразных подсознательных влечений и желаний.

Литература первой половины XX в., трактующая человека с психоаналитических позиций, представлена множеством крупных имен, среди которых особо следует отметить С. Цвейга, Т. Манна и Г. Гессе.

С. Цвейг как писатель изначально сформировался под влиянием венского психоаналитика, с которым был знаком и неоднократно встречался, считая себя его учеником. Его восторженное отношение к учёному отразилось в эссе «Зигмунд Фрейд» [3], а многочисленные новеллы С. Цвейга представляют своего рода наглядные иллюстрации практически ко всем основным идеям фрейдизма [4].

Увлечение Т. Манна психоанализом также отразилось на характере его произведений, где поведение героев зачастую трактуется вполне по-фрейдистски – как результат их скрытых сексуальных желаний или замаскированного влечения к смерти. Герои «Волшебной горы», «Доктора Фаустуса», «Смерти в Венеции» могут быть поняты только сквозь призму популярных в то время психоаналитических концепций. При этом писатель вполне осознавал значение Фрейда для своего творчества и посвятил ему доклад «Фрейд и будущее», прочитанный на юбилейных торжествах в честь Фрейда в 1936 г. в Вене [5].

Сложнее преломлялось влияние психоанализа в творчестве Г. Гессе. Исследователи отмечают большое влияние на него идей Фрейда в 10-х гг. XX в., когда психоанализ сделался почти

«способом его мышления» [6]. Но в очерке «Художник и психоанализ», написанном в 1918 г., Г. Гессе, отдавая дань уважения психоанализу, все же подчеркивал, что художник не должен рисовать своих персонажей по психоаналитическим шаблонам и схемам. «Художник в анализе находит оправдание себя» [7, с. 401], учится правдивости и искренности по отношению к своему бессознательному, но не превращает его в художественный метод.

Писатели не замечали, что психоаналитические теории – всего лишь теории, научный статус которых весьма сомнителен, поскольку верификации или фальсификации они на самом деле не подлежат, и что художники сами придают этим теориям зримое воплощение в своих произведениях, делая их «реальными» и «правдоподобными».

Эта литературно-психоаналитическая традиция дожила так или иначе до наших дней и по-прежнему проявляет себя иной раз совершенно неожиданным способом в массовой культуре. Так, популярный «король ужасов», американский писатель Стивен Кинг верен фрейдистской трактовке человеческой природы, и в своих произведениях он проводит, как правило, тщательнейший анализ происхождения комплексов, неврозов и подавленных сексуальных желаний своих героев [8].

Однако за пределами литературы невербальные искусства, лишенные в отличие от нее возможности работать с понятиями, «показывать» и рационально объяснять человека изнутри, психоаналитической трактовкой человека напрямую воспользоваться не могли. Экспрессионизм в живописи, музыке или немом кинематографе, который часто связывают с фрейдизмом [9, с. 56–57], мог лишь выражать чувства, интересовавшие психоаналитиков, но не давать им фрейдистскую интерпретацию.

Однако учение о бессознательном все же привлекало невербальные искусства, которые могли погружать в бессознательное, не анализируя его. В этом случае психоаналитическое исследование как бы не доводилось до логического завершения, останавливаясь на стадии раскрепощения бессознательного, которое репрезентировалось, но не анализировалось. Такая позиция характерна уже не для врача-исследователя, а, скорее, для пациента, взаимодействующего со своим бессознательным напрямую, желающего вывести его в сознание, но оставляющего процедуру его рационализации психоаналитику.

Эта возможность была в полной мере использована сюрреализмом как особым направлением в искусстве, сформировавшимся также

под влиянием психоанализа. В отличие от «психоаналитической художественной литературы» сюрреализм изначально ставил себе несколько иную задачу: он желал создания произведений, в которых бы бессознательное ощущалось, а не описывалось, оставляя задачу наррации «научному психоанализу». При этом некая общность целей с психоанализом сохранялась, поскольку контакт с бессознательным должен был способствовать его познанию, пусть и в невербальных формах, и дальнейшей внутренней гармонизации человека. Методы и средства сюрреализма напрямую заимствовал из книг З. Фрейда А. Бретон, главный теоретик сюрреализма, который познакомился с ними, еще будучи санитаром во время Первой мировой войны, и успешно практиковал их первоначально для лечения солдат [10, с. 31]. Лишь позднее он пришел к выводу, что метод свободных ассоциаций, автоматизмы, фиксация сновидений могут быть использованы и для создания художественных произведений, а не только в медицинских целях.

Сюрреалистическая литература была откровенно иррациональной. Она рождалась в ходе автоматического письма и должна была неожиданными образами и не менее неожиданными их сочетаниями позволять прикоснуться к самой сути бессознательного, пережить и почувствовать его. Можно сказать, что она создавала, скорее, первичный материал для психоаналитического исследования, который позднее мог быть пояснен в терминах психоанализа, но знание художника о своем бессознательном оставалось своего рода личностным знанием.

Подобное погружение непосредственно в бессознательное оказывалось возможным теперь и средствами других искусств, а не только литературы. Так, живопись могла фиксировать сновидения и грезы, автоматическое движение кисти художника, случайные, но действующие на бессознательное комбинации зрительных образов. Проблема здесь существовала лишь в том, как пишет Д. Хопкинс [11, с. 116], что живопись, будучи пространственным искусством, не могла передать разворачивающееся во времени движение сна, к тому же в ней неизбежно присутствовал элемент рационализации, вносимый дневным сознанием.

Гораздо успешнее с репрезентацией бессознательного справлялся кинематограф, способный создавать настоящий мир текучих иллюзий через использование монтажа, перемещающейся камеры и спецэффектов. Даже будучи еще «немым», киноискусство стало настоящей находкой для сюрреалистов, и долгий «роман» сюрреализма с кинематографом, начавшийся с фильмов Л. Бунюэля «Андалузский пес» и «Золотой век»,

длился вплоть до завершения сюрреализма как организационно оформленного художественного течения.

Однако остальные невербальные искусства остались в стороне от сюрреалистического движения. Так, попытки создания сюрреалистической музыки особого успеха не имели: автоматическое творчество и импровизация создавали произведения, взаимодействующие с бессознательным гораздо слабее, чем классические музыкальные формы.

Вторая половина XX в. открыла, однако, еще одну неожиданную сторону психоанализа: выяснилось, что его можно использовать не только для познания, самопознания или лечения, но и для превращения искусства в «машину желаний», удовлетворяющую самые прихотливые запросы. Такая трансформация искусства под влиянием психоанализа определялась, во-первых, формированием массовой культуры как особого феномена, нацеленного именно на удовлетворение разнообразных потребностей публики, во-вторых, психоаналитическим взглядом на искусство, рассматривающим его как безопасный и символический способ удовлетворения вытесненных в подсознание влечений.

Традиция видеть в искусстве сферу материализации подсознательных импульсов восходит к ученику Фрейда О. Ранку, специализировавшемуся на психоанализе художественной деятельности. Его взгляды наиболее полно представлены в работе «Искусство и художник» [12], где он рассматривает художественные произведения как способ запретного наслаждения, получаемого через созерцание нежелательных в реальной жизни ситуаций. По его мнению, под маской чужого аффекта художник и зритель испытывают удовольствие от причинения страданий и боли, искусство же «легализует» этот процесс как культурно приемлемый.

Массовая культура в полной мере воспользовалась наработками психоаналитиков в своих собственных коммерческих интересах – для повышения популярности производимой ею продукции. За соответствующую плату она взяла на себя символическое удовлетворение всех основных бессознательных желаний человека, трактуемых в психоаналитическом ключе, с учетом всех основных психоаналитических концепций, – ведь от успешности удовлетворения неосознанных желаний зависит сама востребованность массовой культуры и ее экономический успех. Поскольку человеческое поведение, согласно фрейдизму, определяется Эросом и Танатосом, сексуальным желанием и жадой смерти, то именно эти влечения наиболее последовательно разрабатываются «фабрикой грез». Влечение к

смерти, к примеру, активно эксплуатируется в таких кинематографических жанрах, как боевик, фильм-катастрофа или фильм ужасов. Два последних выполняют еще одну функцию, подробно описанную уже за пределами фрейдизма: они выводят наружу подсознательные страхи, вытесненные, но влекущие к себе человека, представления о которых связаны уже не столько с фрейдизмом, сколько с юнгианством.

Психоаналитическое учение К. Г. Юнга об архетипах также стало одним из инструментов современной массовой культуры. Архетипические образы, опирающиеся на структуры коллективного бессознательного, согласно Юнгу, обладают особой притягательностью и силой воздействия на подсознание человека, отсюда постоянное их воспроизведение и повторение в пространстве массовой культуры. Наиболее активно используются архетипы Тени и Героя, ставшие своего рода стержнями, вокруг которых кристаллизуются целые жанры хоррора и боевика, но довольно часто встречаются и архетип Старца, воплощающего мудрость, передаваемую главному герою, или архетип Золушки, олицетворяющий надежду на неизбежную награду за страдания и добродетель.

Это использование средств психоаналитического воздействия на публику даже не скрывается: выходят специальные учебные пособия, демонстрирующие, например, как необходимо задействовать архетипы при конструировании рекламных роликов [13, с. 148.].

Таким образом, воздействие психоанализа на искусство как в XX, так и в XXI в. огромно и разнообразно. Разработав определенную модель человека, психоанализ сумел убедить множество художников в своей правоте, как следствие, искусство взяло на себя функцию художественного воплощения этой модели, представляя ее как реально существующую. Показывая человека, руководствующегося фрейдистскими импульсами, рисуя сюрреалистические картины бессознательного и даже пытаясь добиться коммерческого успеха через воздействие на подсознание зрителя, искусство внесло свой вклад в распространение и пропаганду психоаналитических идей.

Вместе с тем к началу XXI в. научный статус психоанализа серьезно пошатнулся. Все чаще высказываются сомнения в реальном существовании тех структур, о которых рассуждают психоаналитики, все большее число исследователей склоняется к тому, что Фрейд и Юнг «сконструировали», а не открыли мир бессознательного, изучение которого на самом деле невозможно строгими научными методами. Тем самым и мир психоаналитического искусства

оказывается выдумкой, фантазией, грезой, не имеющей прямого отношения к той психической реальности, что находится внутри каждого человека и ускользает как от наукоподобных рассуждений аналитиков, так и от слишком доверяющей им кисти художника.

Список литературы

1. Руткевич А. М. Научный статус психоанализа // *Вопр. философии*. 2000. № 10. С. 9–14.
2. Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. 400 с.
3. Цвейг С. Зигмунд Фрейд // Цвейг С. Вчерашний мир. М., 1991. С. 439–521.
4. Евласьев А. П. Психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда и творчество Стефана Цвейга : дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 171 с.
5. Манн Т. Фрейд и будущее // *Иностранная литература*. 1996. № 6. С. 195–207.
6. Мюнстер Е. Влияние психоанализа на творчество Германа Гессе. URL: <http://www.stihi.ru/2009/10/06/7741> (дата обращения: 24.01.2014).
7. Гессе Г. Художник и психоанализ // Называть вещи своими именами : Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М., 1986. С. 399–403.
8. Эрлихман В. В. Король темной стороны. Стивен Кинг в Америке и России. СПб., 2006. 384 с.
9. Мазин В. Сновидения кино и психоанализа. СПб., 2012. 256 с.
10. Пикон Г. Сюрреализм, 1919–1939. Женева, 1995. 216 с.
11. Хопкинс Д. Дадаизм и сюрреализм. Очень краткое введение. М., 2009. 224 с.
12. Rank O. Kunst und Künstler : Studien zur Genese und Entwicklung des Schaffensdranges. Gießen, 2000. 408 s.
13. Пендикова И. Г. Архетип и символ в рекламе. М., 2012. 303 с.

Influence of Psychoanalytic Ideas about the Person on Development of Art of the XX Century

D. A. Popov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia
E-mail: pvden@yandex.ru

The article analyze influence of psychoanalytic concepts for the rational and irrational forms of art in the XX century. The author analyzes reflection of views of various psychoanalytic schools in the psychological novel, surrealism, mass culture. Various impact of psychoanalysis on artists is explained by a duality of this method. Psychoanalysis possesses rational and irrational aspects, according to the author. Artists used those elements of psychoanalysis which were clear to them. The author notes three main directions of influence of psychoanalysis for art. The first: studying the Unconscious

by art methods. The second: irrational representation of the Unconscious. The third: the satisfaction not conscious desires by means of art. The author considers that psychoanalysis not only research, but also creates art. Art serves as way of the proof of the validity of psychoanalytic models of human mentality.

Key words: psychoanalysis, art, unconscious, artist, rational and irrational.

References

1. Rutkevich A. M. Nauchnyy status psikhoanaliza (Scientific status of psychoanalysis). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2000, no. 10, pp. 9–14.
2. Freud S. *Gesammelte Werke*. Frankfurt/M, 1955. Bd. VII. 496 s. (Russ. ed.: Freyd Z. *Khudozhnik i fantazirovaniye*. Moscow, 1995. 400 p.).
3. Zweig S. *Die Heilung durch den Geist. Mesmer, Mary Baker-Eddy, Freud*. Leipzig, 1931. 447 s. (Russ. ed.: Tsveyg S. *Zigmund Freyd*. Tsveyg S. Vcherashniy mir. Moscow, 1991, pp. 439–521.).
4. Evlasyev A. P. *Psikhoanaliticheskaya kontsepsiya Zigmunda Freyda i tvorchestvo Stefana Tsveyga: dis. ... kand. filos. nauk.* (Psychoanalytic concept of Sigmund Freud and creativity of Stefan Zweig: Dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences). Moscow, 2002. 171 p.
5. Mann T. *Freud und die Zukunft*. Wien, 1936. 42 s. (Russ. ed.: Mann T. Freyd i budushcheye. *Inostrannaya literatura* (Foreign Literature), 1996, no. 6, pp. 195–207).
6. Myunster Ye. *Vliyaniye psikhoanaliza na tvorchestvo Germana Gesse* (Influence of psychoanalysis on the work of Hermann Hesse). Available at: <http://www.stihi.ru/2009/10/06/7741> (accessed 24 January 2014).
7. Hesse H. *Künstler und Psychoanalyse. Betrachtungen*. Berlin, 1928. 330 s. (Russ. ed.: Gesse G. *Khudozhnik i psikhoanaliz. Nazyvay veshchi svoimi imenami: Programmnyye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX veka*. Moscow, 1986. pp. 399–403).
8. Erlikhman V. V. *Korol temnoy storony. Stiven King v Amerike i Rossii* (King of the dark side. Stephen King in America and Russia). St.-Petersburg, 2006. 384 p.
9. Mazin V. *Snovideniya kino i psikhoanaliza* (Dreaming cinema and psychoanalysis). St.-Petersburg, 2012. 256 p.
10. Picon G. *Le Surréalisme: 1919–1939*. Genève, 1983. 216 p. (Russ. ed.: Pikon G. *Syurrealizm, 1919–1939*. Zheneva, 1995. 216 p.).
11. Hopkins D. *Dada and Surrealism. A very short introduction*. Oxford, 2004. 208 p. (Russ. ed.: Khopkins D. *Da-daizm i syurrealizm. Ochen kratkoye vvedeniye*. Moscow, 2009. 224 p.).
12. Rank O. *Kunst und Künstler: Studien zur Genese und Entwicklung des Schaffensdranges*. (Art and artist: creative urge and personality development). Gießen, 2000. 408 s.
13. Pendikova I. G. *Arkhetip i simvol v reklame* (Archetype and Symbol in advertising). Moscow, 2012. 303 p.

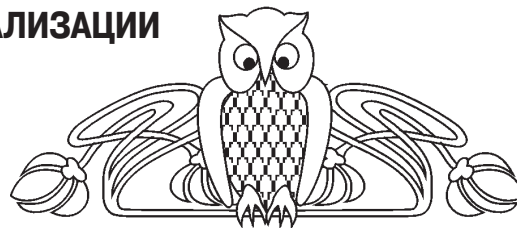

УДК 87.6

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ: НАЧАЛА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Сильнова Елена Ивановна –

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии,
Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: eis82@mail.ru

В статье проводится обоснование научного и парадигмального статуса понятия «образ» в сфере социальной философии, что является необходимым для исследования теоретико-методологических задач и социальных проблем, связанных с коллективным сознанием. В процессе концептуализации выделяются предпосылочные идеальные формы социального познания феномена образа как основы парадигмальности: ценность, проблема, императивная идея, идеал, цель. Типология этих форм дает возможность выявить последовательность формирования целостных ментальных структур, содержащих в себе социально значимые смыслы и отражающих социальное бытие. На стадии формирования образа как императивной идеи, идеала и цели происходит его институализация, выражающаяся в различных социальных стратегиях.

Ключевые слова: образ, социальный образ, концепт, концептуализация, парадигма, коллективное сознание, ментальность.

Парадигмальная организация науки получила широкое распространение в различных дисциплинах благодаря известному труду Т. Куна «Структура научных революций». Под парадигмой Кун понимает модели теоретического мышления, основанные на различных понятиях, законах, теориях и точках зрения, с помощью которых идет процесс развития научного знания. Парадигма представляет собой совокупность «научных достижений, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11]. Обращение к парадигмальному характеру развития науки связано у Т. Куна с идеей утверждения в науке новых идей, а не поглощения старого новым, на что указывал также автор принципа фальсификации К. Поппер [2, с. 119–120]. Поскольку сама наука является социальным институтом, а не сферой отдельно функционирующих ученых, постольку необходимость утвердившейся парадигмы является критерием ясного и непосредственного подтверждения данной отрасли знаний научного статуса.

Целью данной статьи является обоснование научного и парадигмального статуса понятия «социальный образ» для решения теоретико-методологических задач в сфере социальной философии и для практического применения в области социальных проблем, в частности, связанных с коллективным сознанием.

Исследование социальных феноменов и процессов, особенностей социальной динамики представляет собой сложную процедуру, включающую в себя множество различных методологических компонентов и концептов [3, с. 95]. Самыми известными социально-философскими методами на сегодняшний день являются системные, структурно-функциональные, пространственные и временные, которые рассматривают отдельные общественные подсистемы и их элементы в функциональном, структурном, причинно-следственном, временном единстве. Несмотря на значимость этих методов, они не способны раскрыть все многообразие социальных феноменов во всей полноте, особенно в условиях современного, постоянно онтологически усложняющегося социума. Дело в том, что эти методы, как правило, используют в качестве предмета исследования объективно существующие феномены, являющиеся продуктами материальной человеческой деятельности, развития технологий, развития социальных институтов, юридически закрепленных общественных отношений. В то время же в структуру современного социального пространства входят и множество интересубъективных (по Гуссерлю) феноменов, ментальных, духовно-идеальных компонентов, не поддающихся анализу при помощи исключительно логических, рациональных способов познания [4]. Речь идет, в первую очередь, о социальных образах как значимых составляющих социальной действительности и сознания социума, для социально-философского анализа которых требуются принципиально иные познавательные процедуры.

Для исследования в сфере социально-философского знания и социокультурного пространства важное значение приобретает идея концептов как структурных элементов процесса концептуализации, элементов концепции. В концепте раскрывается первичное, еще интуитивное «схватывание» смыслов (лат. *conception* – восприятие, схватывание), поэтому он является пред-идеей, дающей возможность увидеть исходные основания парадигмального мышления в социальном познании и культуре в целом. Концепт, проявляясь в способности познающего

субъекта на уровне интуитивного схватывания, затем реализуется в речевых дискурсах и закрепляется в дисциплинарных основаниях отдельных наук. Обоснование широкого философского статуса «концепт» получил в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари, где он предстает как познавательное средство, посредством которого философия разрабатывает «локальные» концепты, продиктованные необходимостью поиска истины в каждой конкретной ситуации. Авторы характеризуют философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты», а философам предписывается «самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться» [5, с. 10, 14]. В результате складывается философская система из локальных неунифицированных принципов разных философских направлений со своим стилем мышления, в зависимости от введенных и используемых концептов.

Следует заметить, что понятие образа и концепт образа различаются. Понятие есть объективное единство различных моментов познания, которое создано на основании правил рассудка и не включает в себя субъекта. Концепт формируется речью, предельно субъектен и обозначает смысл высказывания. Концепт как акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в речевом высказывании связан с идеей неопределенности вещи, превосходящей рамки понятия, а также с изменяющимся характером знания и диалектической формой его организации. Кроме того, концепт рассчитан на понимание и требует полноты смыслового выражения в целостном процессе произнесения [6, с. 306]. Можно сказать, понятие и концепт различаются так же, как язык и речь. В данной статье речь идет о привлечении процедуры концептуализации к образному восприятию социальной действительности, о такой взаимосвязи концепта и образа, в которой образ предстает объектом концептуализации.

В самом деле, как, например, объяснить проявления такого сложного и неоднозначного социального феномена как «сознание общества» только лишь на уровне понятий? Понятие, в отличие от образа, не включает в себя весь массив чувственно-эмоциональных компонентов, интуитивных элементов и коллективного бессознательного, позволяющего в полной мере понять различные проявления сознания социума. Образ же включает в себя экзистенциальные, социально-психологические, ментальные характеристики. Так, образ науки в среде носителей научного сознания будет принципиально иным, чем в массовом сознании. Показать разные комплексы общественных представлений становится возможным посредством универсального ре-

презентанта – образа, позволяющего соединять все необходимые признаки-характеристики и аспекты, «ранжировать» их по принятым исследователем уровням, «конвертировать» их в нечто целостное – собственно образ. Наконец, сам образ нуждается в гипертекстуальном обосновании – «назначении» и наделении смыслами.

Нельзя не сказать о чрезвычайно важной роли образов в науках о культуре, ибо культура в своем происхождении и содержании есть образ, «явленная метаморфоза первичной реальности» [7, с. 7]. Специфика художественного мышления способствует привлечению в сферу социально-философского познания языковых сигнификатов в виде метафор, аллегорий, выражающихся в кратких изречениях, пословицах, поговорках, типичных для традиционного сознания и культурной памяти народа.

Ключевым понятие образа является и для психологии, где образ связан с перцептивными формами знания, в частности, с процессом восприятия: это субъективная картина мира или его фрагментов, включая самого субъекта. Так, в гештальтпсихологии образ есть целостная перцептивная структура, являющаяся первичной по отношению к своим компонентам и формирующая их свойства и функции. Анализ сознания в гештальтпсихологии имеет дело не с отдельными элементами, а с целостными психическими образами. Однако в социальной философии каждый компонент образа важен, от него зависит общий смысл образа. Кроме того, образы в социальной философии являются результатом субъективной активности в процессе социальных коммуникаций вопреки отрицанию теоретиками этого направления роли активности субъекта и его прошлого опыта в процессе решения творческих задач [8, с. 128].

Однако применение понятия образа, хорошо институализированного в науках о культуре и в психологии, к сфере социально-философских исследований обнаруживает свою недостаточность, в частности, методологическое основание понятия образа как простого «зеркального» отражения. Исследование сложных социальных процессов требует междисциплинарного методологического синтеза. В настоящее время в проблемном поле социальной философии наиболее востребованным становится изучение сознания социума и ментальных коллективных и индивидуальных процессов. Поскольку социальное всегда подвижно, изменчиво, то сегодня требуются новые познавательные средства. Эвристической формой социального познания и освоения мира является социальный образ. Понятие «социальный образ» обладает большим теоретическим и методологическим потенциа-

лом, который связан с его универсальностью и возможностью исследования посредством этого понятия устойчивых структур коллективного сознания и их трансформаций. Образы как объекты концептуализации раскрывают социальную направленность моделируемой социокультурной парадигмы уже на ранней стадии ее становления, поэтому сначала целесообразно выделить предпосылочные формы феномена образа как «первокирпичика» парадигмальности.

Образ-ценность. Современная социокультурная реальность является весьма изменчивой. Это вызывает необходимость мыслительных процедур постижения смысла предмета, явления, проблемы с позиции оценки, оценивания более общих смыслов, уже сформировавшихся в культурном поле и вошедших в систему общечеловеческих ценностей. Новое видение ценностного мира, постижение через ценность новых смыслов бытия оказывается доступным креативно мыслящим субъектам. Эвристичность индивидуального постижения смысла социокультурной реальности способствует превращению социального образа в устойчивое понятие социальной философии и в ценностное отношение становящейся парадигмы социально-философского знания.

Обращение к ценностным основаниям в метафизике актуализирует исследовательский интерес к природе и жизненно-смысловому содержанию феномена общества и страны. Выявление объективного начала позволяет интерпретировать страну не только как автономный социальный «космос», несущий в себе опыт историко-культурной преемственности, но также рассматривать ее элементом более крупных геополитических образований, всеобъемлющей целостности мира.

Образ-проблема. На данной стадии формирования парадигмальности выявляется потребность общества познать себя, идентифицировать себя с узнаваемыми образами социально-исторической действительности. Понятие о любом современном обществе усложнилось, и это уже не просто понятие, а комплекс понятий, а также совокупность представлений обыденного, «народного» сознания общества.

Современная социокультурная ситуация в России отличается неопределенностью, неоднозначностью условий человеческого существования. Складывается новая социальная реальность всеобъемлющего риска, в которое вступает российское общество [9, с. 7; 10, с. 150]. Многообразные формы социальных практик всё более охватывают общественные массы. Сегодня любая страна как территориально-государственное объединение представляет собой совокупность

движений внутренних социальных сил во времени и пространстве, а также равнодействующую конкурирующих интересов различных общественных корпораций. Масштаб современных социальных преобразований в мировом пространстве, усиленный процессом глобализации, свидетельствует о качественно новом состоянии жизни различных обществ. В образе страны выявляется ее роль как автономного источника национальной идентичности, системообразующего элемента в глобальном мировом порядке. Кроме того, страна не является только миром объективной реальности, а содержит в себе и жизненный мир отдельного человека, элемента огромного социального тела, и ментальные уровни определенных общественных групп. В стремительно меняющейся конфигурации социальных приоритетов многие значимые основания современной российской реальности остаются неотрефлексированными, поэтому актуализируется необходимость постоянной и интенсивной социокультурной рефлексии, критического осмысления быстро меняющейся ситуации и состояния общества. Именно истинные образы социальной реальности способствуют концептуальному осмыслению общественного развития, концентрируют в себе проблемность социального бытия, отражают реальные социальные процессы.

Теоретическую правомерность и необходимость построения образа общества справедливо обосновывает А. А. Зиновьев: «Иллюзии возможности исторического объяснения возникают потому, что образ сформировавшегося общества так или иначе витает в сознании исторически мыслящих людей и направляет их сознание. А допустите на минуту, что этого образа нет, что есть лишь совокупность сведений о последовательности и сосуществовании во времени огромного множества событий. Что можно получить из нее?» [11, с. 34]. Тем самым в этом вопросе проблематизируется необходимость философской интерпретации, создание на ее основе целостного представления об обществе, его социального образа, что является важнейшей философской задачей. Научной проблемой является и недостаточность «опорных смыслов», смысловых образов, репрезентирующих историко-цивилизационную эволюцию российского общества в целом и на отдельных этапах.

На стадии осознания отдельным мыслителем определенной теоретической проблемы формируется исходный аппарат понятий и конструктов, особая форма знания, необходимая исследователю для перевода огромного массива значимого повседневного опыта на уровень базовых проблем социальной философии, ее

смысловых структур и общих сущностей. Изменение социальной действительности вызывает появление новых ментальных конструктов, участвующих в формировании социального образа. Исследователь с позиций культуры своего времени избирает и обосновывает те концепты и конструкты, которые позволяют ему очертить контуры начальной концептуализации социальной реальности.

Безусловно, социальный образ формируется не индивидуальным, а коллективным сознанием, сознанием всего социума или отдельной социальной группы, поэтому это форма коллективного сознания. Кроме того, в социальном пространстве такое состояние можно рассматривать как начало социокультурного диалога. Формирование образа происходит в общественном сознании посредством воздействия на него некоторых ментальных объектов: мифологем, образов фольклора, симулякров, создаваемых политическими и идеологическими технологиями; экономическими теориями; историческими интерпретациями и многим другим. Существенным является то, что в разные исторические времена и в разных социальных ситуациях в формировании социального образа используются разные ментальные конструкты, которые максимально востребованы социальной действительностью. Сказанное позволяет дать следующее предварительное авторское определение социального образа: *социальный образ – это intersубъективная форма интерпретации и освоения мира с позиции определённой ментальности, создаваемой коллективными или индивидуальными субъектами социальных взаимодействий и посредством воздействия на сознание общества социокультурных объектов социальной реальности.*

Итак, в процессе формирования нового проблемного поля социальной философии индивидуальный или коллективный субъекты как носители образа превращают «схватывание» смысла из интуитивного процесса в устойчивое определение, которое из познавательного средства отдельного субъекта становится достоянием научного или социокультурного сообщества. Для развертывания intersубъективного диалога и интеграции социально-философского знания в парадигму необходимы более сложные формы постижения смысла социокультурной реальности. Постепенно выделяются формы мышления, где интуитивное начало необратимо переходит в абстрактно-всеобщие категории.

Образ-руководящая идея (императив) представляет собой идеальные формы, которые превращаются в установки социокультурного мышления и средства рационального осмысле-

ния социальных проблем. Представая результатом различных духовных вызовов, образы как императивные идеи проявляются в иррациональной форме, входят в мифологическое сознание, обнаруживаются в социальных утопиях, гипостазируются и участвуют в повседневности как самостоятельные и самодостаточные сущности.

Благодаря выразительной силе образы «правят» обществом, предписывая людям «правильный» образ действия, задавая стандарты поведения, соответствующие принятым в данном социуме культурным установкам. Подобная императивность функционально обусловлена. Будучи высокоорганизованными ментальными структурами, образы не только отражают социальное бытие, но одновременно запечатлевают его в качестве кодов социально значимой информации. С помощью «обогащенных» intersубъективными коммуникациями социальных образов индивиды и группы получают возможность сохранять, воспроизводить, а затем транслировать свою позицию по отношению к затрагивающим их ситуациям, событиям, объектам. На уровне социальных практик образы выступают репрезентантами социальной реальности.

На теоретическом уровне образы-идеи имеют весьма широкую базу осмысления, однако признаками парадигмальности, указывает В. Б. Устьянцев, обладают лишь концепты, способные разворачиваться в понятийные ряды, в познавательные схемы, присутствуя на разных этапах концептуализации объективной и субъективной реальности [12]. В процессе перехода от интуитивного выражения смысла познаваемой социальной реальности к четко рефлекслируемой идее образы как структурные компоненты парадигмы трансформируются в область социально-философского знания. Здесь они приобретают признаки парадигмальности: наличие исходной идеи, категориального аппарата, научного или социокультурного сообщества, развивающего данную область знания на основе принципов научности, сложившихся интеллектуальных традиций, представленных в глубинах национальной памяти.

Особо заметим, что в новых социокультурных условиях создание образа современного общества, а также новых методов и средств исследования и конструирования социального бытия происходит на основе постнеклассического переосмысления теоретических подходов классической и неклассической философии. Согласно постнеклассической социально-философской парадигме любое общество есть многогранный объект исследований с огромным числом составляющих и связей между ними, а

закономерности его исторической организации имеют множество качественных уровней изучения [13]. Вот почему при анализе социального образа страны рассматриваются самые разные социально-философские концепты, непосредственно или латентно его исследующие или имеющие отношение к его формированию, а также вся совокупность социальных образов страны в различных сферах социальной действительности.

Итак, на стадии образов-идей проблемы осмысления общественных ценностей подвергаются научной и социокультурной рефлексии, обогащаются опытом различных дискурсивных практик и превращаются в *стратегии* общественно-политического и национального развития, межкультурного и междисциплинарного взаимодействия. Деятельная жизнь современного общества постоянно интенсифицируется, поэтому необходимо формировать такой образ общества, который дает некую систему ориентиров человеческой деятельности и общественного развития.

Образ-идеал – это особая мыслительная (ментальная) модель, включающая в себя комплекс представлений общественного сознания о наиболее желаемых, предпочтительных – лучших формах социальной жизни и оптимальном государственном устройстве. Образы в качестве идеала формируют и воспитывают в обществе социально позитивные, в частности, нравственные чувства. По сути, такой образ-идеал есть образец, или возвышенный образ. Соизмерение с неким высшим образцом социальных форм жизнедеятельности характеризуется тяготением к деонтическим смыслам. Известны идеальные представления о России и дальнейших путях ее развития, сложившиеся в русской социальной философии XIX в. Например, идеал национального развития у славянофилов представлялся их критику В. С. Соловьеву идеализацией России старой, ушедшей. В. С. Соловьев видел идеал России в теократической государственности, считая ее наиболее способствующей нравственно-духовному возрождению русского народа. Образ-идеал связан с социальной утопией: «...благодаря утопии философия становится политикой, политической философией и доводит до кульминации критику своей эпохи» [14, с. 215]. Так, утопичным планам коммунизма в советскую эпоху не удалось воплотиться.

Формирование общественных идеалов происходит на политико-идеологическом уровне и проявляется в идейных установках российской государственности. Так, в понятии «русская идея» получают свое обоснование глубинные ценности и ведущие смыслы народной жизни,

характерные особенности русского самосознания и национального духа, декларируется миссия России в мире. Смысловая динамика русской идеи находит свое практическое претворение в своеобразии важнейших исторических этапов жизни России, каждый из которых характеризуется комплексом доминирующих идеологических тенденций и духовно-метафизических интересов: «Святая Русь», «Великая Россия», Советская Россия.

Образ-цель. Между образом-идеалом и образом-целью существует взаимообратная связь. Социальный идеал сам может выступать целью общественного развития, но может и не быть таковой по причине, например, явной недостижимости, завышенности или абсурдности обозначенных в идеале стремлений. И, наоборот, цель общественного развития может включать в себя идеальные предпосылки, а может и не включать, основываясь, например, на объективных тенденциях общественного бытия. Категория образа может выступать в виде мысленного предвосхищения идеального желаемого результата или предназначения любого вида человеческой деятельности, который фиксируется как *цель*. Ясное видение цели помогает организации деятельности как в личной, так и в общественной жизни. Только в этом случае возможно планирование, разумное распределение времени и ресурсов. Актуализация ресурсного потенциала государства определяет направления реализации интенсивных практик жизнедеятельности. Образ как цель имеет свое прикладное значение в социально-философском *прогнозировании*, когда суммируются наличные факторы социального бытия, выявляются его тенденции и формулируется наиболее желаемое направление развития общества при сложившихся условиях.

На стадии формирования образа как императивной идеи, идеала, цели происходит его институализация. Она становится возможной благодаря переходу образа с теоретического на практический уровень его применения в *стратегиях* социальных коммуникаций, национального развития, межкультурного диалога.

Неоднозначность и неоднородность социального образа позволяет выделить в его структуре теоретические и праксиологические компоненты. Теоретические компоненты социального образа связаны с его концептуализацией в социальной философии, в гуманитарном знании в целом. Социальный образ в социально-философской теории выступает способом обеспечивающим отражение и объяснение реальных социальных процессов, критическое осмысление меняющейся социальной ситуации и состояния

общества и синтезирующим в себе понимание социальной реальности. Праксиологические компоненты определяют социальный образ в повседневности – это способ восприятия мира в обыденном коллективном сознании, который формируется с помощью множества социальных механизмов: общественного мнения, национальных традиций, идеологических ориентаций, имиджевых стратегий, субъективного опыта, значимых социальных институтов.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. 300 с.
2. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 392 р.
3. Орлов М. О. Социальная динамика : философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 306 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : в 2 т. М., 1999. Т. 1. 380 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. ; СПб., 1998. 288 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 2. 634 с.
7. Гачев Г. Д. Жизнь художественного сознания : очерки по истории образа. М., Ч. 1. 1972. 200 с.
8. Вертегеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. 336 р.
9. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски : ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. 181 с.
10. Яницкий О. Н. Россия как общество риска : методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
11. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. 495 с.
12. Устьянцев В. Б. Парадигмы межкультурного взаимодействия : методологические аспекты // Человек и цивилизация. Саратов, 2012. № 4. С. 27–33.
13. Устьянцев В. Б. Концептуализация в социальной философии : классические и постклассические начала // Векторы современного цивилизационного развития. Саратов, 2003. С. 32–40.
14. Соловьев В. С. История и будущность теократии // Собр. соч. : в 8 т. М., 1903. Т. 4. С. 214–582.

Social Image: Beginnings of Conceptualization

E. I. Silnova

Saratov Socio-economic Institute (branch)
of Plehanov Russian Economic University
89, Radishcheva, Saratov, 410003, Russia
E-mail: eis82@mail.ru

The article gives a substation of scientific and paradigmatic status of the notion «image» in the sphere of social philosophy that is

necessary for the study of theoretical and methodological tasks and social problems, connected with collective consciousness. In the process of conceptualization there appear prior ideal forms of social cognition of image phenomenon as the basis of paradigm: value, problem, imperative idea, ideal, aim. A typology of these forms gives an opportunity to discover a sequence of formation of entire mental structures, containing socio-valuable meanings and reflecting a social existence. At the stage of image formation as an imperative idea, ideal and aim, there occurs its institutionalization manifesting itself in different social strategies.

Key words: image, social image, concept, conceptualization, paradigm, collective consciousness, mentality.

References

1. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962 (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolutsiy*. Moscow, 1975. 300 p.).
2. Popper K. *The logic of scientific discovery*. London, 1977. (Russ. ed.: Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya*. Moscow, 1983. 392 p.).
3. Orlov M. O. *Sozialnaya dinamika: filosofsko-metodologicheskie osnovaniya diskursivnogo upravleniya v usloviyah globalizatsii: dis. ... d-ra filosof. nauk* (Social dynamics: filosofic-methodological bases of discursive management in global conditions: diss. ... of Doctor philosoph. sciences). Saratov, 2009. 306 p.
4. Husserl E. *Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis: in 2 bd*. Tübingen, 1993. Bd. 1. 508 p. (Russ. ed.: Gusserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii: v 2 t*. Moscow, 1999. T. 1. 380 p.).
5. Deleuze G., Guattari F. *What is philosophy?* New York, 1994 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoye filozofiya?* Moscow; St.-Petersburg, 1998. 288 p.).
6. *Novaya filosofskaya enziklopediya: v 4 t*. (New filosofical encyclopaedia: in 4 vol.). Moscow, 2001, vol. 2. 634 p.
7. Gachev G. D. *Zhizn hudozhestvennogo soznaniya: Ocherki po istorii obraza* (The Life of art consciousness: essays on image history). Moscow, 1972, pt. 1. 200 p.
8. Wertheimer M. *Productive thinking*. New York, 1954 (Russ. ed.: Vertgeymer M. *Produktivnoye myshlenie*. Moscow, 1987. 336 p.).
9. Ustyantsev V. B. *Chelovek, zhiznennoye prostranstvo, riski: tsennostnyy i institutsionalnyy aspekty* (Man, living space, risks: value and institutional aspects). Saratov, 2006. 181 p.
10. Yanitskiy O. N. Rossiya kak obshchestvo riska: metodologiya analiza i kontury kontseptsii (Russia as the society of risk: methodology of analysis and concept contours). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* (Jornal of Institutional Studies), 2004, no. 2, p. 5–15.
11. Zinoviyev A. A. *Kommunizm kak realnost* (Communism as a reality). Moscow, 1994. 495 p.
12. Ustyantsev V. B. *Paradigmy mezhkulturnogo vzaimodeystviya: metodologicheskie aspekty* (The paradigms of intercultural communication: methodological aspects).

Chelovek i tsivilizatsiya (Man and civilization). Saratov, 2012, no. 4, pp. 27–33.

13. Ustyantsev V. B. *Kontseptualizatsiya v sotsialnoy filosofii: klassicheskiye i postklassicheskiye nachala* (Conceptualization in social philosophy: classic and post-classic origins). *Vektory sovremennogo tsivilizatsionnogo*

razvitiya (Vectors of modern civilizing development). Saratov, 2003, pp. 32–40.

14. Solovyov V. S. *Istoriya i budushchnost teokratii* (History and future of teocracy). *Solovyov V. S. Sobraniye sochineniy: v 4 t.* (Complete works: in 4 vol.). Moscow, 1903, vol. 4, pp. 214–582.

УДК 316.772

УНИВЕРСАЛИИ КАК ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА РОССИИ И КИТАЯ

Устьянцев Владимир Борисович –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовский государственный университет
E-mail: ystvb@list.ru

Универсалии культуры образуют духовные основания для диалога современных этносов в пространстве глобализирующегося социума. В статье рассматриваются особенности универсалий культуры как важнейших элементов национальной памяти, выявляются социокультурные факторы, их влияния на национальный характер; анализируется роль культурных универсалий в жизненном пространстве российской и китайской цивилизаций; обсуждаются мировоззренческие, институциональные и коммуникативные начала культурных универсалий в межкультурном взаимодействии; выясняется связь мировоззренческих универсалий со стратегиями цивилизационного развития в условиях межкультурного диалога России и Китая.

Ключевые слова: духовные ценности, категории культуры, национальный характер, национальная самоидентичность, культурные коммуникации, институализация, национальные стратегии, межкультурный диалог, мировоззренческие универсалии.

Диалог культур в современном мире обретает парадигмальную направленность и основан на категориях, идеях, концептах, раскрывающих целостность социокультурного мира, его непосредственную связь с бытийственностью человека. Благодаря предельно емкому содержанию универсалии культуры вбирают жизненный опыт многих поколений, проходят испытание временем, становятся системообразующими факторами взаимодействия самых различных культур. Наиболее полно универсалии раскрываются в базовых категориях культуры, в ценностях национальной памяти. Как справедливо отмечает В.С. Степин, «категории культуры как универсалии культуры представляют собой некоторые схематизмы, посредством которых формируется человеческий опыт» [1, с. 11]. Представленные в таком контексте универсалии культуры образуют основы национальной памяти этносов, соотно-

сятся с базовыми национальными традициями, становятся важнейшими средствами национальной самоидентичности. Благодаря духовной направленности и емкой информационной структуре универсалии культуры как базовые структуры человеческого сознания образуют институциональные и мировоззренческие начала национального характера, активно воздействуют на содержание и формы межкультурного диалога.

В культурной жизни России и Китая универсалии культуры создают собственную иерархию, воплощающую национальные устои, традиции общения, представления об окружающем мире, о смысле человеческого существования и предназначении человека. Формируясь в качестве особых кристаллов жизненного опыта различных исторических общностей, культурные универсалии в национальном сознании подвергаются философской, религиозной, нравственной рефлексии. В истории культуры Китая значительное влияние на универсалии оказали конфуцианство и даосизм. Для основателя древнекитайской философии Лао-цзы исходной универсалией выступает Дао – Всеобщий Абсолют, которому подчиняются Природа и Человек. Дао становится Всеобщим Законом, где Земля управляет человеком, Землей управляет Небо, а Небом управляет Дао. Осознать эту универсалию становится главным смыслом жизни и подлинным счастьем для китайца. Дао как универсалия культуры превращается в высшую духовную ценность человека. На примере истолкования китайскими мудрецами (даосами) базовой универсалии можно проследить истоки формирования менталитета у китайцев. Дао

соотносится с принципом усредненности как «золотой середины» и культивирует чувство долга. Посредством системы ценностей базовая универсалия оказывает влияние на весь облик национального характера. В современном Китае широко распространено мнение, что каждый образцовый китаец в общественной жизни конфуцианец, а в душе остается даосом. В этом утверждении есть значительная доля истины. Нормативность поведения и уважительное отношение к порядку в обществе сформированы у китайцев во многом под влиянием конфуцианства, а вопросы смысла жизни и осознание ценностей культуры рождаются в духовном пространстве Даосизма. Сложившиеся под влиянием национальных универсалий в духовном пространстве личности эти черты национального характера оказывают воздействие на межкультурный диалог.

Иное культурное пространство для диалога обнаруживается в национальном характере русского человека. Вплоть до XX в. в национальном характере заметное влияние, по мнению Б. П. Вышеславцева, оказывают «не отчетливые идея, а бессознательные силы». Развивая эту мысль, философ отмечает, что в национальном характере русских «самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают только его скрытые, но всегда присутствовавшие потенции, так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его судьбу» [2, с. 112]. С его точки зрения, стихия бессознательных сил в душе русского человека таит в себе опасность безудержного протеста, склонность к тотальному разрушению. Видимо, не со всеми утверждениями мыслителя, вызванными оценкой событий русской революции 1917 г., можно согласиться. Вместе с тем заслуживает внимания утверждение о стихийной направленности национального характера, где влияние и распространение базовых ценностей и категорий культуры наталкивается на область бессознательного в повседневной жизни и обыденном сознании. Опасные последствия стихийных сил действий ментальности русского человека коренятся, по мнению Д. С. Лихачева, в стремлении «во всем доходить до крайности, до пределов возможного». Эта черта национального характера непрерывно порождает риски для социальной устойчивости и коллективной безопасности. Стремление повседневного человека, политического лидера или элиты доводить сложившуюся ситуацию до грани возможного, притом в кратчайшие сроки, порождает напряженность, точно подмеченную Д. С. Лихачевым: «Россия благодаря этой черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности» [3, с. 5]. В

этой связи универсалии культуры, направленные на осознание целостности социокультурного мира, могут способствовать преодолению рискованных ситуаций.

Обращая внимание на взаимодействие универсалий культуры и национального характера в социокультурном пространстве российской и китайской цивилизаций, следует учитывать смысловые различия, разную степень значимости, формы воздействия универсалий на духовный мир этносов. Опираясь на имеющийся методологический опыт разделения универсалий в философии культуры, представленный в работах А. Я. Гуревича, В. С. Степина, А. С. Запесоцкого, можно говорить о «многослойности» универсалий, образующих категориальную модель мира. Мне представляется возможным выделить три уровня универсалий культуры, представленных мировоззренческими, инструменталистскими и коммуникативными универсалиями. Каждая из них в разной степени содержит мировоззренческое, институциональное и коммуникативное начала, вместе с тем в межкультурном взаимодействии сохранение одного из приоритетов оказывается решающими для реализации вполне конкретных социокультурных задач и жизненных установок русского и китайского этносов.

Мировоззренческие универсалии культуры по своей направленности обосновывают место и роль этноса в социокультурной картине современного мира. По своей социальной направленности эти универсалии совпадают со стратегиями национального возрождения: стратегией «возрождения России как мощной державы» и стратегией «мирного возвышения» Китая. Выражая определенные сферы влияния в культурном пространстве двух стран, стратегии национального развития вступают в противоречие с теоретическими установками западных политиков и философов, приверженных стереотипам западной культуры. В западных концепциях глобализации идея диалога культур порой подменяется темой столкновения различных ценностных миров. Эту проблемную ситуацию в форме вопрошания обозначил С. Хантингтон: «Будут ли всемирные институты, распределение власти, а также политика и экономика наций в двадцать первом веке отражать западные ценности и интересы или они будут определяться в первую очередь ценностями и интересами ислама и Китая?» [4, с. 284–285]. В вопросе американского политолога в латентной форме присутствует и ответ. Кризис современной стратегии американских интересов в глобальном мире подменяется темой столкновения культур Запада и Востока. На

стремление западных лидеров связать проблему диалога культур со стратегическими интересами США и западноевропейских стран указывает А. А. Гусейнов: «Идея диалога культур является, скорее, замаскированной и мягкой формой духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением <...> за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать» [5, с. 183–184].

Новый горизонт межкультурных взаимодействий раскрывается в *инструменталистских универсалиях*. Они органически связаны с ценностями культурной жизни, институциональной средой конкретного социума и направлены на регулирование межгрупповых и межличностных отношений. Формами проявления универсалий выступают базовые этические категории: «долг», «ответственность», «свобода», «справедливость». Инструменталистские универсалии не только проявляются в ценностях и поведенческих стандартах, но также способны быть факторами управления системными рисками в пространстве культуры [6, с. 6–11].

Представленные универсалии культуры наиболее полно раскрываются в языковой культуре китайского и российского социумов. В языковой культуре Китая предстает многомерность национального характера. Понятие «национальный характер» включает в себя «мировоззрение», «интеллект», «реальное поведение». Эти идеальные формы проявления национального характера спонтанно возникают из переживаемых китайским этносом неповторимых событий, которые обладают внутренней преемственностью, причем в китайском национальном характере проявляется непоколебимое доверие к естественному ходу событий и базовым институтам общества. Последнее приводит к весьма устойчивой институциональной структуре национального характера, где удивительным образом переплетаются рационально мотивированные практические поступки, вера в справедливость властных структур и мифология, поддерживаемые символическими коммуникациями. По мнению ряда профессиональных писателей, историков (Бо Ян, Ли Мин, Лу Синь), у китайцев сильно развиты интуиция, подсознание, но нет науки умозаключения, и в этом они уступают европейцам [7].

В языковой картине мира русских людей понятийный ряд национального характера приобретает социальные оттенки в отношении к работе, другим людям, в представлениях о свободе и ответственности. На эти особенности русского характера обращают внимание многие исследователи: «Типичный россиянин, в любом деле работающий порывами (нередко творческими), скорее инертный, тревожно-со-

мневающийся мечтатель или грустновато-добродушный, ловкий в работе мастер» [8, с. 4]. В состоянии прорыва русский человек ценит свободу как вседозволенность, как свободу от всего. В национальной ментальности русского человека конкретное, образное видение мира оказывается предпочтительнее абстрактных рассуждений. По мнению В. В. Колесова, «знание» в русском языке отличается от «говорения», отсюда «важна не информация, а открытие нового, то самое *откровение*, которое всегда соотносилось скорее со смыслом глагола *ведать*, чем глагола *знать*» [9, с. 35]. В русском национальном характере на фоне определенного недоверия к рациональному видению мира большое значение имеют эмоциональное восприятие и чувственное познание мира, в которых по-своему раскрываются духовные и волевые качества русской души. Эмоциональная напряженность повседневной жизни выражается в ключевых словах языковой картины мира: неприкаянность, удаль, размах, судьба, счастье и др. В своей совокупности эти лексические единицы русского языка становятся ключом к пониманию русской культуры, русского национального характера.

Информационно-коммуникативный горизонт культуры отражает функциональные свойства национального характера в категориях прошлого, настоящего и будущего. *Коммуникативные универсалии* межкультурного общения проявляются в базовых категориях культуры и установках национальной памяти. Универсалии этого уровня органически связаны с ценностными ориентациями, историческим опытом межкультурного общения, поэтому несомненный интерес представляют результаты социологического опроса общественного мнения китайцев о России, проведенного Институтом России стран Центральной Азии и Восточной Европы Академии наук Китая в 2007 г. На вопрос «Считаете ли Вы Россию близкой и дружественной для себя страной?» ответы распределились следующим образом: 6,24% – очень близкой и дружественной; 36,47% – близкой и дружественной; 46,9% – обычной, не более близкой и дружественной, чем другие; 4,1% – не близкой и не дружественной; 4,54% – затрудняюсь ответить.

Среди причин, по которым китайцы выбрали два последних ответа, называют следующие: агрессия царской России в Китае, потенциальная опасность России для Китая, отсутствие возможности ведения бизнеса по определенным правилам [10, с. 130]. Результаты социологического опроса свидетельствуют, что на уровне группового и индивидуального

сознания смыслы универсалий межкультурного общения конкретизируются с учетом традиций и жизненного опыта осмысления реальных взаимоотношений между Россией и Китаем. Коммуникативные универсалии, раскрывающиеся в национальном характере, становятся важным условием развития межкультурного диалога между двумя странами, они обладают мощным социокультурным ресурсом для динамического развития в глобализирующемся мире.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (№ 12-33-09003).

Список литературы

1. Степин В. С. Философия и универсалии культуры СПб., 2000. 20 с.
2. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // *Вопр. философии*. 1995. № 6. С. 112–121.
3. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // *Вопр. философии*. 1990. № 4. С. 3–6.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.
5. Диалог культур в глобализирующемся мире : мировоззренческие основания и ценностные приоритеты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М., 2005. 312 с.
6. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Аникин Д. А., Федин Д. С. Институционализация и ценностные ориентации молодежи в обществе риска / под ред. М. О. Орлова. Саратов, 2010. 108 с.
7. Спешнев Н. А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев // *Восток – Запад : историко-литературный альманах*. М., 2006. С. 254–263.
8. Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. 336 с.
9. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 237 с.
10. Цзинь Хуа. Русский национальный характер глазами китайцев // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. URL: http://www.ojkum.ru/arc/2013_02/2013_02_16.html (дата обращения: 09.09.2014).

Universal as the Spiritual Foundations of Intercultural Dialogue Between Russia and China

V. B. Ustyantsev

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: ystvb@list.ru

Universals of culture form the spiritual Foundation for the dialogue of modern ethnic groups in the space of globalizing society. The

article discusses the features of cultural universals as the most important elements of the national memory, identified socio-cultural factors and their impact on the national character, analyzes the role of cultural universals in the living space of the Russian and Chinese civilizations, discusses the worldviews, institutional and communicative beginnings of cultural universals in intercultural interaction. Explain the connection between worldview universals with strategies civilizational development in the context of intercultural dialogue between Russia and China.

Key words: spiritual values, the category of culture, national character, national self-identity, cultural communication, institutionalization, national strategies, intercultural dialogue, worldview universals.

References

1. Stepin V. S. *Filosofiya i universalii kultury* (Philosophy and universal culture). St.-Petersburg, 2000. 20p.
2. Vysheslavtsev B. P. Russkiy natsionalnyy kharakter (Russian national character. *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 6, pp. 112–121.
3. Likhachev D. S. O natsionalnom kharaktere russkikh (On the national character of the Russian). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1990, no. 4, pp. 3–6.
4. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* (The Clash of Civilizations). Moscow, 2003. 603 p.
5. *Dialog kultur v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie osnovaniya i tsennostnye prioritety*. *Otv. red. V. S. Stepin, A. A. Guseynov* (Dialogue of cultures in a globalizing world: ideological bases and valued priorities. Ed. by V. S. Stepin, A. A. Guseynov). Moscow, 2005. 312 p.
6. Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Anikin D. A., Fedin D. S. *Instutualizatsiya i tsennostnye orientatsii molodezhi v obshchestve riska* (Institutionalizing and values of young people in risk society). Saratov, 2010. 108 p.
7. Speshnev N. A. *Diskussiya ob etnopsikhologii kitaytsev* (Discussion about ethnopsychology Chinese). *Vostok – Zapad: istoriko-literaturnyy almanakh* (East – West: Historical and literary almanac). Moscow, 2006, pp. 254–263.
8. Dlugach T. B. *Podvig zdravogo smysla, ili Rozhdenie idei suverennoy lichosti* (Feat of common sense, or the birth of the idea of the sovereign individual {Holbach, Helvetius, Rousseau}). Moscow, 2008. 336 p.
9. Kolesov V. V. *Yazyk i mentalnost* (Language and mentality). St.-Petersburg, 2004. 237 p.
10. Tsin Hua. Russkiy natsionalnyy kharakter glazami kitaytsev (Russian national character through the eyes of the Chinese people). *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* (Ojkumena. Regional Researches). Available at: http://www.ojkum.ru/arc/2013_02/2013_02_16.html (accessed 9 September 2014).

УДК 316.33

ЧЕЛОВЕК НАУКИ: НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Филимонова Ольга Федоровна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Целью статьи является исследование проблемы самоидентичности современного ученого в познавательном поле социально-философской мысли XX в. Обозначаются основные контексты современных изменений в социальном и научном мире, характеризующиеся сложной социальной дифференциацией, разведением принципов научной идентификации и иерархизации, ценностной и этической неопределенностью. Исследуется специфика саморефлексии ученого в соотносительности с «эталонной моделью» человека науки, определяются основания для резкой смены самоидентификаций. Предложены и описываются два типа самоопределения: ученый как практик и ученый как интеллектуал. Методологические принципы ряда социальных концепций (М. Вебер, П. Бурдьё, теория идентичности, постмодернистская социальная теория) стали необходимым условием для отображения новых контуров самоидентичности ученого и проблемы поиска им своего места и роли в научной практике.

Ключевые слова: социальные изменения, кризис идентичности, самоидентичность, ученый, индивидуальность, выбор.

Как известно, характерные черты ученого изменяются не только под влиянием перемен в сфере самой науки, но и под воздействием социально-исторических условий. Специфика современной социальной динамики, которая в академической интерпретации фигурирует как ситуация радикальных социальных преобразований, характеризуется упадочными и кризисными явлениями. Острым проявлением таких наблюдаемых событий можно назвать трансформацию идентичности и самосознания человека науки. Соответственно, дополнительный импульс в данном событийном поле получает проблема самоидентичности ученого, поиск им своего места и роли в научной практике.

Если непредвзято ответить на вопрос, кто такой ученый, то, вероятно, дефиниция получится весьма обобщенной: творец научного знания. Такое традиционное понимание по своему существу исходит из обширнейших теоретических и эмпирических исследований образа ученого в истории, философии, социологии и психологии науки. На их плодотворность можно рассчитывать, поскольку данное направление познания образует в сфере социально-философской мысли определенную структуру. Однако не стоит склоняться только к констатации имеющихся данных, а обратить также внимание на ту динамику современного развития общества и культуры, в которую они вплетены. Этому, как представляется, будет спо-

собствовать обращение к отдельным методологическим принципам ряда социальных концепций.

Поскольку дальнейшие рассуждения будут строиться на основе понятия идентичности, то стоит определиться в его толковании. Нет смысла подтверждать популярность этого термина и детально касаться всего комплекса идей, возвращенных на его основе, лишь сведем сложившиеся интерпретации в общий контур. Идентичность (от лат. *idem* – тот же, тот самый; *idennidem* – постоянно, снова и снова; *identitas* – одинаковость): выражает напряжение между индивидуальным, фундаментальным, единичным и множественным, фрагментарным, одинаковым; относительна, не имеет «эссенции», сущности, но «есть одни дифференции» и начинается с противопоставлений Другому; с одной стороны, «моментальная, личная, быстро меняется и выступает во множественном числе», с другой – «это потребность в продолжительности отождествления, на которое можно опереться в перспективе» [1, с. 304]. Следовательно, самоидентификация отражает внутреннее побуждение индивидуального «Я» придать собственным «мерцающим» представлениям о себе и своем месте в реальности определенную цельность. Затруднительность, противоречивость, неподлинность самофокусировок означает кризис самости, то есть трансформацию онтологических оснований, формирующих человеческую личность как таковую.

Обратимся к некоторым известным темам, каждая из которых позволит определить контексты, в которых индивидуум погружается в глубину рефлексий для удостоверения равности себе как ученому. Здесь проблема видится в самой полноте такой возможности. Первая, самая очевидная тема связана с утверждением, что самоопределение ученого конституируется по собственному выбору как стиль жизни. Она присутствует в историко-научных исследованиях периода так называемой «малой науки», однако известный шаг в сторону изменения социального статуса ученого сделал М. Вебер. В его оценке профессиональное занятие наукой служит «делу самосознания и познания фактических связей», вот почему на вопрос – заслуживает ли наука стать чьим-то призванием – он со ссылкой на собственную работу в университетской аудитории дал утвердительный ответ, опре-

деляя последний как ценностную предпосылку науки как призвания. Отсюда и возможность оставаться «верными себе» Вебер отождествляет с индивидуальным выбором профессии, острота осознанности которого, однако, не лишена сильного чувства: без страсти, «без странного упоения» и «испытания того, что называют увлечением наукой», нет и призвания [2, с. 543]. Здесь событие самоидентификации осуществляется в сугубо экзистенциальном и даже истовом порыве.

В самой сути призвания, как она представлена выше, нетрудно обнаружить также установку, которая с позиции социально-антропологического взгляда говорит об интенции личности к трансформации самости. Потому что «любая новая интерпретация собственного прошлого, любая перемена “Я-концепции” для осуществления метаморфозы являет собой отречение от старой идентичности и переход в новую жизнь» [3, с. 98]. В формате данного подхода смена идентичности как ее становление и подкрепление образуют процесс, в котором индивидуальное представление о себе подчинено давлению социокультурных обстоятельств. Такая познавательная перспектива страдает известной долей односторонности. В этом смысле эпистемологический нюанс веберовской концептуализации имеет более сущностную семантику, поскольку прочерчивает аксиологию «мысленного взора» (духовно-чувственного) в индивидуальном выборе.

Небезызвестно, что когда люди приступают к осмыслению своей жизни, они исходят из позиции своего личностного и деятельностного участия в мире. Результаты историко-научных исследований, основанные на материалах мемуаров, официальных и личных документах, воспоминаниях коллег, учеников, на воображении авторов подобных жизнеописаний, дают хорошее представление о зависимости успеха в научной деятельности от ценностных предпосылок в профессиональном выборе ученого. Судьбоносные моменты биографий, неизменно связанные с такими свойствами, как увлеченность, одержимость работой, любознательность, глубокое интеллектуальное наслаждение, не-утилитарный подход к познанию в том качестве, которое было прекрасно отмечено А. Пуанкаре: «...безумные бессребреники, умирающие нищими, никогда не думающие о своей пользе и руководимые все же не своим капризом, а чем-то другим» [4, с. 83], стали свидетельством определяющего влияния самосознания ученого на его призвание, творческие достижения и образ жизни. Подобные показатели воплощают традиционную модель человека науки, существующую сегодня в виде эталона, на который сориентировано сознание современного научного деятеля. Соединив в себе

черты идеального «Я», она нормативно определила, что должен думать и как должен поступать индивидуум, служащий науке.

Однако сравнение себя с эталонной моделью, а проблема идентификации всегда есть проблема сходств и различий, подражания и отказа от подражаний, имеет разные эффекты. При определенных условиях оно способно вызвать как удовлетворение, так и «синдром неудачника», но может через развертывание сознания вывести в иные пласты реальности, где достижение того, что символизирует успех, повлечет признание (или ощущение) такого соответствия. Другое дело, насколько профессиональные компетенции и общая культура позволят успешно и продолжительно адаптироваться в новых контекстах. И здесь однозначных ответов быть не может: это та самая неопределенность, когда возможны любые метаморфозы, риск, действие, здесь не уйти от обращения внутрь себя.

Подобная перспектива вполне совместима с теорией деятельности, рассматривающей человека в его познавательной способности рефлексивно отслеживать структурные потоки своих взаимодействий и концентрироваться на значимости и вариативности их обстоятельств. Онтологически любое взаимодействие суть смыслопорождение. Современный ученый-исследователь сосуществует в напряженном пересечении множественных «малых» и «больших» смыслов и ситуаций. В этом плане его действия и отношения, номинально поддерживая эталонную модель, могут отличаться от выражения приверженности социальной и культурной ценности нормативного ценза, который она артикулирует.

Понятно, что историко-биографические описания с трудом могут удостоверить (даже маскировать) истинные мотивы и содержание индивидуального научного творчества и выйти за границы внешних примет, за которыми самость исследователя постоянно ускользает от целостного схватывания. Научная критика еще может распознать степень интеллектуальной интенсивности и качество научных аргументаций (хотя и здесь имеют место «накладки»), но идентифицировать индивидуальность, личность ученого в полноте, включающей профессиональный опыт и убеждения, – вряд ли. Показателен ответ П. Фейерабенда критикам: «моя личная жизнь и моя книга – две разные вещи... Они не способны представить ситуации, когда писатель описывает один стиль жизни, живет иначе, принадлежит группе, связанной с третьим стилем жизни, а пропагандирует отличный от всех предыдущих» [5, с. 254]. В философии и психологии существует немало версий познания чужого «Я», однако все они предположительны, и постижение Другого

остается в гносеологическом плане явлением «под покровом», «неразглашаемой» тайной. Даже нарратив как способ самоидентификации и то воздействие, которое он производит на публику, вовсе не тождественны самости говорящего (даже по поводу собственных исследовательских результатов), поскольку вербализация есть уже отбор, «процеживание». Иллюстративна реплика П. Бурдьё: «...ответы, которые я мог бы дать на наиболее часто задающиеся мне вопросы, варьируют в зависимости от собеседников: социологи ли они или не социологи, французские социологи или иностранные, специалисты в других областях или «профаны» и т.д.», и ее ценность (в том числе вместе с «фрейдовскими» оговорками) для подтверждения саморавности публично позиционированному «Я» вдвойне под вопросом [6]. Да и самонаблюдение весьма неопределенно: призыв «познай себя» остается потенцией.

Вторая тема связана с тем, что профессиональная деятельность современного исследователя может выступать в непрерывной последовательности и многообразии социальных ролей с соответствующими идентификациями (преподаватель, администратор, эксперт, специалист, интеллектуал). Возможности и причины их разделения или наложения в настоящее время довольно разнообразны, и практика перехода, сопровождающаяся принятием новой роли, не всегда проходит непротиворечиво. Наиболее сильным фактором резкой смены самоидентичности можно считать явление «избыточной квалификации», повлекшее значительную дифференциацию в научно-интеллектуальном секторе, статусную поляризацию, исключение, персонализируемое в определенных случаях как ролевое несоответствие. Подобные обстоятельства обусловили то состояние индивидуального сознания, которое универсализировано в понятии «кризис идентичности». Психологи убеждают в возможности «критической перестройки» посредством смыслостроительства, повышения смыслового соответствия индивидуального сознания и бытия (Д. А. Леонтьев, Ф. Е. Василюк). В культурологической перспективе доминирует известный лейтмотив: человек, превышающий социализированный минимум, способен к самоопределению (В. Библер).

Поясняя своеобразие «современности», П. Штомпка обращает внимание на наиболее сильное ее проявление – формирование индивидуальности, своеобразного типа личности современного человека и делает ссылку на модель А. Инкелеса. Все обозначенные американским психологом черты синдрома «современной личности» не независимы друг от друга. Не только условия современности формируют каждый

признак, но и каждая особенность, «если уж она сформировалась, начинает оказывать свое воздействие, помогая формированию других черт и признаков или усиливая их значение и способствуя в конечном итоге сложению цельного типа личности» [7, с. 585].

Этот «эволюционный» по духу концепт становления индивидуальности удачно вписывается в идею общества «открытых возможностей», в котором предельно выросло значение компетенций и предпосылок для успешного выполнения конкретных задач и предпринимаемых действий. Причем вовсе несущественно, как отмечает П. Штомпка, кто конкретно эти действия совершает и соответствующими компетенциями и предпосылками располагает. Для всех, способных такие роли исполнять, границы открыты. С этой точки зрения, коренящейся в модернистском идеале свободного индивидуума, задаются возможности, в которых можно было бы обрести то единственное, что наилучшим образом отвечало бы индивидуальному запросу и желанию создавать собственную идентичность по своему выбору.

Резюмируем все вышесказанное следующим образом: поскольку ядро личной самоидентичности ученого и внешняя оценка его профессиональной ипостаси в реальности отчасти не совпадают, мы вправе рассматривать их не с точки зрения взаимоисключающих, а в качестве ценных аспектов дуальности одной цельности. Тогда соотношение «раздумий о самом себе» с тем, чем предписано быть по статусу, может стать своеобразной мерой для «считывания» контекстов, в формате которых человек науки ищет способы подтверждения саморавности себе как ученому. Если принять во внимание всю совокупность условий, то можно проследить два типа рефлексий.

Практическое (утилитарное) чутье как мера ученого достоинства. Это свойство, которое удачно отметил Жюльен Бенда, указывает на качество фокализации самости научного деятеля: «духовное воинство мирского» [8, с. 130]. В самом деле, имманентная динамика современности ломает рамки традиционной академической нейтральности, что запечатлелось в чертах неподлинности, которой пронизана наука «на заказ» и которая придает своеобразную тональность духовному производству в структурах коммерческих исследовательских институций. Компетентная в той или иной научной области осведомленность ученого-исследователя включается в практическую сферу и, если видеть здесь проблему, то она предначинена тем, что высокая нравственная и познавательная форма человеческого духа оказалась сведенной к утилитарной. Однако если на индивидуальном уровне эта практика удалась как новое призвание, то она своей же властью

полагает как свершившееся то, что в реальности далеко не удавалось. И это, в свою очередь, изнутри как бы очищает: возможно, из желания ощущать себя всегда равным себе учёный осознал себя как личную проблему и, теряя часть идентичности, уже как бы заново в точке раскрепощенной субъективности, освобожденной от мифов внутреннего плана, камуфлирующих работу по смыслостроительству, самоопределился. Так, выбор оказывается следствием динамического течения экзистенции и оправданием последующих практических результатов самовыражения. Благодаря этому оправданию предъявлено то, что утаивалось, но неудержимо стремилось за рамки академической деятельности.

Софистический дух как аттитюд интеллектуального самовыражения ученого. Эта культурно-стилистическая ипостась раскрывается в личном даровании, оригинальном мышлении или восприимчивости, которые здесь значат больше, нежели конвенциональный статус. Такие качества обнаруживают себя в культурно-коммуникативной противоречии, которое можно пояснить через различие ученый/непосвященный, научный/светский, академическое/авангардное, исключительное/банальное. Размывание оппозиций возникает в связи с реконверсией специализаций, разделением интеллектуального труда по доминированию, возникновением общественно-научных дискурсов, дискуссий, конфронтаций, появлением массмедиа внутри научного поля [9]. В этих контекстах интеллектуальная работа ученого включена в процессы формирования аналитических и познавательных структур, в борьбу слов и по поводу слов «в попытках совершить переворачивание в обычной иерархии смыслов, чтобы установить как *существенный* смысл <...> такой смысл, который до сего момента был вторичным или, еще лучше, *подразумеваемым*» [6, с. 172].

Риторические усилия интеллектуалов – это не только открытость к идущим извне пожеланиям и ожиданиям заказчиков, но сциентизирование культуры (циркулирование рационального знания между различными регистрами философии, политики, физики, религии, биологии, журналистики, литературы), т.е. совмещение академического дискурса с формами общения, ориентированного на непосвященную аудиторию. А та, в свою очередь, наталкивается на непреодолимые препятствия, потому что слушатели не владеют той или иной внутридискурсивной логикой и терминологией. И поскольку «понимать» не означает «знать», то вербальный акт в таких опосредованных обстоятельствах охотно переводится в поле интерпретаций, эрудиции, культуры. Возможность высказывания самомнения (творческого или подражательного) и притязания такового на авторитетность публично

(нередко в рамках светской логики оценивания) являются предпосылкой активной обращенности интеллектуалов вовне. В контуре такого позиционирования дискурсивные экзерсисы суть та автономная и имманентная логика иронического праксиса, который стал, если перефразировать П. Бурдьё, в некотором роде словом-паролем к интеллектуальному идиолекту. Как движения рациональной мысли они «функционируют в основном как инструмент защиты и иммунизации» [9] и позволяют легитимно выявить в регистре коммуникативного сближения различие.

Можно ли утверждать, что тот и/или другой обозначенный тип рефлексии по поводу собственной самости не причастен друг другу и идеальной модели? Пожалуй, нет. Однако они не непосредственно тождественны. Соотносительность приобретает большую подлинность в устремленном вглубь себя взгляде, который позволит прочесть в самом себе ответ на задаваемый каждым, кто «испытал увлечение наукой», вопрос. Индивидуальный тон ответа сконцентрирует в себе всю его пылкость, противоречия и муку.

Список литературы

1. Гланц Т. (По)чему идентичность? // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. М., 2006. 423 с.
2. Вебер М. Избранное // Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. 656 с.
3. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. 168 с.
4. Пуанкаре А. Наука и метод // Химия и жизнь. 1980. № 6. С. 78–84..
5. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М., 2010. 378 с.
6. Бурдьё П. Начала. М., 1994. 288 с.
7. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М., 2010. 664 с.
8. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009. 310 с.
9. Пэнто Л. Философская журналистика // Социо-Логос постмодернизма. М., 1996. 236 с.

A Contemporary Scientist: Novel Contexts of Self-Identification

O. F. Filimonova

Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A.
77, Politekhnikeskay, Saratov, 410054, Russia
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

The purpose of the article is studying of the problem of self-identity of a contemporary scientist in the cognitive field of the social philosophical conception in the XX century. The main contexts of the modern changes in the social and scientific world characterized by complicated social differentiation, separation of the principles of scientific identification and hierarchy, value and ethical uncertainty are defined. Specificity of an

individual self-reflection of the scientist in correlation with a 'model' of a scientist and the basis for a switch in self-identifications are studied. Two types of individual self-determination – a scientist as a practical worker and a scientist as an intellectual person – are suggested and described. Methodological principles of a number of social concepts (M. Weber, P. Bourdieu, the theory of identity, the post-modernist social theory) became an indispensable condition for reflection of the novel contexts of self-identification of a scientist, the problem of search of his place and role in the scientific practice.

Key words: social changes, crisis of identity, self-identity, scientist, individuality, choice.

References

1. Glants T. Pochemu identichnost'? *Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka* (Why Identity? A Cosmopolitan or a Prisoner of the Territory? To the Problem of Identity of a Contemporary Person). Moscow, 2006. 423 p.
2. Weber M. *Izbanoye: Protestantskaya etika I dukh kapitalizma* (A selection: Protestant ethics and the Spirit of Capitalism). Moscow, 2006. 656 p.
3. Berger P. L. *Priglaseniye v sotsiologiyu: Gumanisticheskaya perspektiva* (Invitation into sociology: Humanistic perspective). Moscow, 1996. 168 p.
4. Poincaré A. *Nauka i metod* (Science and Method). *Khimiya i zhizn'* (Chemistry and Life), 1980, no. 6, pp. 78–84.
5. Feyerabend P. *Nauka v sovremennom obshchestve* (Science in the Modern Society). Moscow, 2012. 378 p.
6. Bourdieu P. *Nachala* (Bases). Moscow, 1994. 288 p.
7. Shtompka P. *Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva* (Sociology: Analyses of the Modern Society). Moscow, 2010. 664 p.
8. Benda J. *Predatel'stvo intellektualov* (Treachery of Intellectuals). Moscow, 2009. 310 p.
9. Pinto L. *Filosofskaya zhurnalistika* (Philosophical Journalism). *Socio-Logos postmodernizma* (Socio-Logos of Post-modernism). Moscow, 1996. 236 p.

УДК 1(470) (091)

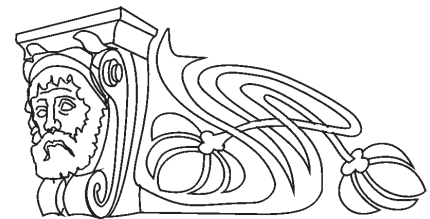
ЯЗЫК, МЕТАФИЗИКА И ЭТИКА В ДИАЛОГЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В статье анализируются возможные формы диалога русской и китайской традиций; эти формы – язык, метафизика и этика. Русский язык принадлежит индоевропейскому семейству языков, китайский – сино-тибетской группе, возможность диалога между ними основана на том, что оба языка фундаментальны интенциями языка-символа. В этом аспекте русский и китайские языки отличаются от языка-знака европейских языков. Метафизика русской традиции выражена как восточное христианство – Православие, китайская метафизика – это традиция Дао. Их различие – это различие ступеней «лестницы именитства» в общей для них изначальной традиции Логоса. Каково соотношение этих ступеней? Панэтизм русской философии соотносится с этикой конфуцианства и этикой даосизма. Возможность диалога в этическом измерении этих форм впервые исследуется с позиции предложенной методологии.

Ключевые слова: этика Вл. Соловьёва и Н. Бердяева, конфуцианская этика и этика Дао, метафизика и онтология русской философии, онтологии встречи у даосов.

Исходя из цели предстоящего исследования, предполагается в качестве задач рассмотреть следующие сюжетные линии: *взаимосвязь языка, метафизики и этики в русской духовной традиции; структурная связь между метафизикой, языком и этикой в китайской культуре.*

Взаимосвязь языка, метафизики и этики в русской духовной традиции

То, что русская мысль склонна к этизации в своих медитациях, нет нужды специально доказывать. Некоторые авторы говорят даже о «панэтизме» в русской философской и духовной традициях. Точно так же можно утверждать, что существует тезис о склонности к онтологизму и к метафизике в истории русской философии. Вот только в отношении к языку как предмету специальных исследований трудно утверждать нечто подобное. Есть, конечно, талантливые работы по языку – но они, как правило, принадлежат не философам, а лингвистам и филологам. И тем не менее между языком и метафизикой в русской мыслительной традиции есть внутренняя и необходимая связь. Мне доводилось размышлять на эту тему и проводить обоснование этого тезиса [1].

Напомню в тезисной форме основные идеи такого обоснования: во-первых, русский язык, в отличие от немецкого, английского или французского, в своих истоках укоренён в языке-символе, в то время как европейские языки почти целиком фундаментальны редуциацией к языку-знаку. В свою

очередь, язык-символ фундирован природой *Имени*, в отличие от языка-знака, который генетически происходит из природы *Числа*.

Во-вторых, несмотря на то обстоятельство, что русский язык, подобно другим европейским языкам (не всем, есть исключения), принадлежит к индоевропейскому семейству, а китайский язык – к сино-тибетской группе, между русским и китайским языками есть сходство в том, что они оба укоренены в языке-символе.

В-третьих, язык-символ тяготеет к метафизике уже потому, что принцип *Имени* не только онтологичен, но и метафизичен сам по себе: как удачно выразился А. Лосев, помимо онтологически фундированных «первичных имён» имеется также метафизически фундированное апофатическое Первоимя. В свою очередь, язык-знак семиотичен и онтологичен – по той причине, что Число само по себе есть принцип *онтологический*, а не *метафизический*. Сложнее выявить и обосновать имманентную связь между языком и этикой. Тем не менее именно такое обоснование является одной из задач нашего исследования.

Уже с первых строк трактата «Оправдание добра», в которых подробно изложен план предстоящего исследования нравственной философии, Вл. Соловьёв высказывает принципиальные положения о связи теоретической и нравственной философии. Мы можем констатировать по видимости (а если вернее, то и по существу вопроса) антиномическое противоречие между *этикой* и *метафизикой* во взглядах русского мыслителя. Прочитав соответствующие пассажи из «Оправдания добра»: «Независимость нравственной философии от теоретической (от гносеологии и метафизики» [2, с. 50]. В этом тезисе явно заметна перекличка между этикой Канта и этикой Соловьёва. Вл. Соловьёв, высоко ценивший вклад Канта в историю философии, специально отмечал тот момент, что из всех вопросов кантовской философии немецкому мыслителю именно этические удалось рассмотреть наиболее строго и последовательно. Тезис Канта о свободе воли, наиболее полно выражающейся в автономии нравственного законодательства человеческого разума, русский философ оценивает как гениальное достижение общечеловеческой мысли.

Но это лишь первая сторона антиномии-противоречия между этикой и метафизикой во взглядах русского философа. Читаем у Соловьёва далее: «Нравственная философия как полное знание о добре предполагается при основательной постановке и решении метафизического вопроса (о свободе выбора между добром и злом), а не зависит в своём содержании от решения этого вопроса» [2, с. 51]. А это уже совсем не кантиан-

ство: здесь русский мыслитель вступает в принципиальную полемику с немецким философом. Кант отрицает за метафизикой легитимное право устанавливать достоверное знание на том основании, что метафизические утверждения, как полагает «кенигсбергский отшельник», в принципе невозможно проверить на достоверность, ибо они касаются той референтной области, которая расположена по ту сторону возможного опыта человека. Напротив, Вл. Соловьёв исходит из установки реальной возможности мистического опыта – и об этом свидетельствует *софиология* великого русского мыслителя.

Какое собственное решение данной антиномии он предлагает? Ответ на этот вопрос начинается с установления Соловьёвым так называемых «первичных данных нравственности» как таковой. Первая такая данность, согласно Соловьёву, есть чувство *стыда*. «Чувство стыда (первоначально – половой стыдливости), – утверждает русский философ, – есть естественный корень человеческой нравственности» [2, с. 51]. Подобно *смеху* (о метафизической природе которого рассуждал Соловьёв в своих более ранних сочинениях), который уже Пифагором квалифицируется как присущее человеку метафизическое свойство его духа, стыд, согласно Соловьёву, не есть ни естественное, ни социально приобретенное качество человеческого существа. «Чувство стыда, – констатирует Соловьёв, – есть уже фактически безусловное отличие человека от низшей природы, так как ни у каких других животных этого чувства нет ни в какой степени» [2, с. 123].

«Рядом с этим основным нравственным чувством, – рассуждает далее Вл. Соловьёв, – находится в природе человеческой другое, составляющее корень этического отношения уже не к низшему, материальному началу жизни в каждом человеке, а к другим человеческим и вообще живым существам, ему подобным, – именно чувство *жалости*» [2, с. 127]. Есть, однако, развивает свои мысли Соловьёв, и третье начало нравственности как таковой: «Кроме этих двух основных чувств есть в нас ещё третье, несводимое на них, столь же первичное, как они, и определяющее нравственное отношение человека не к низшей стороне его собственной природы, а также не к миру подобных ему существ, а к чему-то особому, что признаётся им как *высшее*, чего он ни *стыдиться*, ни *жалеть* не может, а перед чем он должен преклоняться» [2, с. 129].

Это есть не что иное, как чувство *благоговения*, или преклонения перед высшим, отмечает русский мыслитель, именно оно составляет у человека нравственную основу религии и религиозного порядка жизни. При этом, подобно чувствам стыда и жалости, чувство благоговения,

настаивает Соловьёв, является первичным и прирождённым человеческой природе.

Можно констатировать, что в своём решении антиномии между автономией нравственного законодательства человеческого разума и обусловленностью нравственности человека высшим, т.е. *метафизическим* истоком бытия, Вл. Соловьёв находит решение в своей теории начал, или – *первичных данных* нравственности как таковой. Таким образом, связь нравственности с метафизикой у русского мыслителя обоснована как факт и эксплицирована как нравственная философия, как *оправдание Добра*.

А как осмыслялась связь языка, метафизики и этики у других представителей русской мысли? Возьмём тексты, в которых этические вопросы являются избранной референтной областью исследования. Перед нами сочинение одного из самых ярких представителей Серебряного века русской культуры Николая Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». Утверждая мысль, согласно которой философское познание не есть познание объективирующее, познание наукообразное, Н. Бердяев настаивает: философия есть познание духа: «Познание духа есть “что-то”, а не “о чём-то” <...> Этике принадлежит очень важное, центральное место в познании духа. И вот познание этическое менее всего может быть объективированием, познанием “о чём-то”, о чуждом, противостоящем мне предмете. При такой установке совершенно исчезает нравственная реальность» [3, с. 29].

«Кто испытывает страх перед традиционными нравственными понятиями и оценками, всегда имеющими социальный источник, тот, – пишет Бердяев, – не способен к этическому познанию, ибо этическое познание есть нравственное творчество <...> Этика не есть кодификация традиционных нравственных норм и оценок. Этика есть дерзновение в творческих оценках. И ещё нужно сказать про познание, что оно горько и что на эту горечь нужно согласиться <...> И особенно горько познание этическое, познание добра и зла» [3, с. 30–31]. «Тоска по Богу в человеческой душе, – размышляет русский мыслитель, – и есть тоска от невозможности остаться навеки с различением добра и зла, со смертельной горечью оценки. Центральное значение этики в философском понимании связано с тем, что она имеет дело с грехом, с возникновением добра и зла, с возникновением различия и оценки. Но различие и оценка имеют универсальное значение. И этика шире той сферы, которую ей обычно отводят. Этика есть учение о различении, оценке и смысле, т.е. к ней, в сущности, относится весь мир, в котором совершается различение, делается оценка и ищется смысл» [3, с. 31].

В завершение обзора этических взглядов Н. Бердяева я ещё процитирую те пассажи из сочинения «Назначение человека», который имеет подзаголовок «Опыт парадоксальной этики». Полагаю, что эти размышления и сегодня обладают актуальностью, притом актуальностью острой, злободневной. Человек оказывается наименее свободным в том, что связано с его «свободой воли», ибо свобода носит не морально-юридический и педагогический характер, а характер трагический. Этика законническая, нормативная, для которой свобода есть лишь условие выполнения нормы добра, не понимает трагизма нравственной жизни. Трагическое есть основное нравственное явление и основная категория этики. Именно трагическое ведёт в глубину и в высоту, по ту сторону добра и зла в нормативном смысле. Этика имеет дело не только с трагическим, но и с парадоксальным. Нравственная жизнь слагается из парадоксов, в которых добро и зло переплетаются и переходят друг в друга. Эти нравственные парадоксы непреодолимы в сознании, они должны быть изжиты. «Трагичность и парадоксальность этики связаны с тем, что основной её вопрос совсем не вопрос о нравственной норме и нравственном законе, о добре, а вопрос об отношениях между свободой Бога и свободой человека» [3, с. 34–35].

Сопоставляя этику Вл. Соловьёва и этику Бердяева, не перестаёшь удивляться широте и глубине русского духа и русской мысли. Гениальны прозрения Соловьёва и гениальны размышления Бердяева в области нравственной философии. Хотя нетрудно видеть, что внешне между ними мало общего – скорее, напротив, больше различия и даже противоположения.

Структурная связь между метафизикой, языком и этикой в китайской культуре

Что касается референтной области связи языка, метафизики и этики в китайской культуре, то таковой, прежде всего, является наличие парадигмальных установок этой культуры. Даже далёкий от синологии человек что-то слышал или что-то читал о так называемых конфуцианской этике китайской философии, о китайском церемониале. Китайский язык (вернее, группа языков Поднебесной) уже потому, что он, в отличие от русского или английского, немецкого или французского языков, принадлежит к сино-тибетской группе, фундирует всю специфику традиции китайской культуры. С чем, собственно, мы имеем дело, обращаясь к традиции Китая и пытаясь её истолковать для некитайцев?

Первичные имена, которые находятся у истоков культур, по выражению А. Лосева, «не хуляются материей имязвучия» (как и материей письма), поэтому мы можем их распознавать

либо благодаря уму как духовной (не душевной!) инстанции в составе человеческого существа, либо по превращённым формам языка земного, вернее – земных языков человечества. И если в случае с античной культурой таким опознавательным маркером является термин «эйдос», то в случае с китайской культурной традицией мы имеем основания в качестве такого опознавательного маркера указывать на семантически многозначный термин «Дао». Иными словами, именно он, если применить к нему соответствующие герменевтические процедуры прояснения смысла, содержит в себе ключ к истолкованию внутренней, или структурной связи языка, метафизики (термин «метафизика» здесь тоже не более чем метафора) и этики в китайской культурной традиции.

Иероглиф термина Дао (道, буквально – путь) – это не просто «термин», в западной философии или в науке. Принятое в западной культуре различие между представлениями и понятиями не подходит к истолкованию смысла данного иероглифа. Метафора «пути» хотя и кажется близкой по своей семантике к греческому «методу» (древнегреч. Μέθοδος), однако по смысловой своей содержательности совсем не похожа на то, о чём размышляли античные философы. Ибо Дао указывает на некое событие «встречи», той, что происходит в УЦзи – непереводаемом однозначно слове, указывающем на «безначальное начало», в котором и совершается таинство встречи нечто и ничто, если употреблять близкие по смыслу понятия западной культуры. В традиции Дао вся метафизика, вся онтология и вся возможная этика и есть не что иное, как событие встречи равновеликих принципов. Так, встреча Ян–Инь порождает Великий Предел – Тай Цзи. Великий Предел есть то третье, в котором разрешаются паттерны движения Ян–Инь. Благодаря этому появляется троюгловая знаменитой Книги Перемен, а именно: Небо – Человек – Земля. Именно в таком порядке: не только страна Поднебесная, но и человек как таковой тоже занимает срединное положение между Небом и Землёй. В случае с даоцентричной традицией Китая хайдеггеровское толкование существа этического как «места пребывания в бытии» вполне применимо и для традиционного китайского менталитета, и для китайской мыслительной традиции. Я имею в виду, разумеется, не широко растиражированные представления о конфуцианской этике, больше похожей на этикет придворных церемониалов при дворе императора Поднебесной. Именно даоцентричность в понимании существа этического как такового не противоречит толкованию существа этического у Хайдеггера. Помимо конфуцианства и конфуцианской этики, в ки-

тайской культурной традиции имеет место более эзотеричная традиция даосизма. В ней речь идёт не о социальной иерархии (Небо – император – подданные), а о трёх равновеликих силах бытия, а именно: Небо – Человек – Земля. Можем ли мы на этом основании говорить об особой – даосской – этике? Почему нет? Если применяем термин «этика» к конфуцианству, то почему нельзя применить его к даосизму? Либо мы вообще отказываемся от этого термина западной культуры, либо приписываем ему некую универсальность и тогда просто обязаны ставить вопрос о специфике даосской этики. Более того, именно потому, что даосская традиция в китайской культуре есть её эзотерика (т.е. внутренняя сторона китайской культурной традиции), то и понять специфику китайского менталитета невозможно без понимания этого внутреннего – эзотерического – ядра всей китайской культурной традиции.

Одно дело – понятная среднему китайцу и внешнему исследователю конфуцианская этика и совсем другое – доступная лишь посвящённым китайцам и некитайцам даосская сторона китайской культуры. Трактат (если употреблять привычные нам, некитайцам, термины) Дао дэ цзин – это уже не «Лунь юй» конфуцианской стороны китайской традиции: «В “Чжуан-цзы”, как и в “Дао-дэ цзине”, речь, по сути, идет об одном: людьми никто не должен управлять, функции администратора мешают вольной жизни человека. Совершенно мудрый должен стоять во главе Поднебесной и так осуществлять принцип недеяния, чтобы люди его даже не замечали (“Лучший правитель тот, о котором знают только понаслышке; хуже те, кто требует признания и любви, еще хуже те, кого люди боятся, а самые плохие те, кого народ презирает”). Чиновников не должно быть вообще – о них в даосских трактатах не упоминается. Есть разве что пренебрежительная фраза из 18-го чжана «Дао-дэ цзина» о том, что, когда в государстве беспорядок, появляются «верные слуги» (комментарий подсказывает, что имеются в виду именно чиновники)» [4].

«Несколько слов об этике даосов. Как известно, этической норме и принципам повседневного поведения, не говоря уже о многочисленных обрядах и торжественных ритуалах, китайцы всегда уделяли очень много внимания. Признавали ли ее даосы и если да, то в каком виде? В общем и целом признавали, но не без оговорок. В восьмой главе «Чжуан-цзы» говорится, что тех, кто подчиняет свою природу чувствам человечности и долга, нельзя назвать великими, будь они даже так умны, как мыслители Цзэн и Ши. В девятой главе этого же трактата рассказывается о том, что в глубокой древности все было очень просто, не было ни дорог, ни лодок, ни

мостов, люди свободно общались с животными, жили по соседству друг с другом. Не было тогда ни *цзюнь-цзы*, ни *сяо-жэнь*. А потом появились “мудрецы” со своими гуманностью и чувством долга, и Поднебесная оказалась в смятении» [4].

Таким образом, возможный диалог русской и китайской культур наиболее интересен и продуктивен именно в рассмотренных нами аспектах.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (грант № 12-33-09003).

Список литературы

1. Фриауф В. А. Русская философия : единство и многообразие / под ред. проф. В. А. Фриауфа. Саратов, 2010. С. 4–25.
2. Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. 892 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. 383 с.
4. Васильев Л. С. Древний Китай : в 3 т. URL: http://oldeurasia.ru/library/Vasilev-L-C-_Drevniy-Kitay--Tom-3--Period-CHzhango--V-III-vv--do-n-e--/71 (дата обращения: 20.01.2014).

Language, Metaphysics and Ethics in Dialogue between the Russian and Chinese Traditions

V. A. Friauf

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: friaufva@inbox.ru

In article the possible forms of dialogue between the Russian and Chinese traditions are analyzed. These forms are language,

metaphysics and ethics. Russian belongs to Indo-European family of languages, Chinese – to the sino-Tibetan group. Possibility of dialogue between them is based that both languages have foundation on language-as-a-symbol. In this aspect Russian and Chinese differ from language-as-a-sign of the European languages. The metaphysics of the Russian tradition is as East Christianity – Orthodoxy. The Chinese metaphysics is Dao's tradition. Their distinction is a distinction between steps of «Name's stairs» in the general for them initial tradition of Logos. What correlation of these steps? Ethics of the Russian philosophy corresponds to ethics of Confucianism and ethics of Daoism. Possibility of dialogue in ethical aspect of these forms is investigated for the first time from the offered methodology.

Key words: ethics of V. Solovyov and N. Berdyaev, Confucian ethics and Dao's ethics, metaphysics and ontology of the Russian philosophy, meeting ontology of Dao's tradition.

References

1. Friauf V. A. *Russkaya filosofiya: edinstvo i mnogobrazie*. Pod red. prof. V. A. Friaufa (Russian philosophy: unity and variety. Ed. V. A. Friauf). Saratov, 2010. 142 p.
2. Solovyev V. S. *Opravdanie dobra* (Good justification). Soch. : v 2 t. Moscow, 1990, vol. 1. 892 p.
3. Berdyaev N. A. *O nasnathenii cheloveka* (About appointment of the person). Moscow, 1993. 383 p.
4. Vasilev L. C. *Drevniy Kitay*: in 3 t. (Ancient China: in 3 vol.). Available at: http://oldeurasia.ru/library/Vasilev-L-C-_Drevniy-Kitay--Tom-3--Period-CHzhango--V-III-vv--do-n-e--/71 (accessed 20 January 2014).

УДК 091:316

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИФОИСТОРИЯ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ МИФОЛОГЕМ

Цыганков Александр Сергеевич –

аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
E-mail: m1dian@yandex.ru

В статье анализируется феномен мифологизации истории в его взаимосвязи с представлениями о социальной идентичности, существующими в общественном сознании. посредством характеристики основных моделей этих представлений эксплицируются трансформационные процессы в содержании мифологем, из дискурса которых реализуется мифологическая интерпретация исторической событийности

в доиндустриальном и индустриальном социумах. Доказывается тезис о том, что трансформация содержания сюжетов мифологем взаимосвязана с изменением представлений о социальной идентичности, которые существуют в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: мифологема, социальная идентичность, мифоистория, общественное сознание.

На сегодняшнем этапе развития человеческого общества и цивилизации все более заметным становится процесс ремифологизации культуры. Составной частью данного процесса неизменно выступает мифологизация общественным сознанием своего исторического прошлого, на основании которого происходят социальная саморефлексия и самоидентификация в настоящем. Подобный феномен делает актуальным философский анализ тематики мифологизации исторической событийности в доиндустриальном и индустриальном обществах. Полученные результаты могут предоставить возможность для экспликации константных и переменных величин процесса мифологизации в его историческом генезисе, что поможет более четко обозначить особенности современного мифотворчества в исторической сфере.

Тематикой взаимоотношения мифологического и исторического в общественном сознании занимались такие видные исследователи, как Ф. Ницше, Б. Малиновский, М. Элиаде, Ф. Рефуле, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, А. Я. Гуревич, В. М. Найдыш. Однако в работах указанных мыслителей мало места отводится философскому анализу взаимосвязи социальной идентичности и мифоистории. Для его успешного осуществления следует охарактеризовать механизм мифологизации истории, проанализировать взаимосвязь мифологем с представлениями о социальной идентичности в доиндустриальном и индустриальном обществах, эксплицировав посредством данного анализа трансформационные процессы в содержании мифологем.

Что представляет собой механизм мифологизации исторической событийности общественным сознанием? Мифоистория есть синтез сюжета мифологемы и исторического факта в сознании социума, иными словами, мифоистория есть символ – то, где событие перестает быть равным самому себе, приобретает несвойственный ему смысл посредством его интерпретации. Мифологизации подвергаются не все исторические события, но лишь те, которые были замечены социумом, произвели на него воздействие и посредством этого изменили. Данные события не представляются обыденными, напротив, они «из ряда вон выходящие», что обеспечивает наличие у них фасцинирующей функции. Исторические события, которые в виде фактов подвергаются мифологизации, удивляют общественное сознание, они – удивляющие по своей природе, т.е. такие, которые невозможно просчитать, предсказать. В определенном смысле можно утверждать, что

они «нерациональны», поскольку «предсказуемость – признак рациональности. Что рационально? Все, что предсказуемо» [1, с. 112]. При свершении удивляющего события актуализируются архетипические слои человеческого бессознательного, содержащие мифологемы. Данные события ставят человека в такое положение, «в котором он воспринимает воздействие мира вне привычных и стереотипных связей, вне какой-либо системы координат» [2, с. 243]. Одной из основных является мифологема «идеального общества», которая оказывает значительное влияние на развитие социума и наиболее часто служит источником для мифологизации истории, хотя нельзя отрицать значительную роль в процессе мифологизации истории и таких мифологем, как «первочеловек», «конец Света», «Золотой век».

По всей видимости, сам механизм мифологизации исторической действительности является атемпоральным и реализуется схожим образом в границах разных культур и исторических эпох, однако при этом сюжет мифологем претерпевает значительные трансформации в ходе исторического развития общественного сознания. Что выступает одним из ведущих факторов изменения сюжета мифологем в доиндустриальном и индустриальном социумах?

В архаических мифах доиндустриального общества, чье общественное бытие практически полностью зависело от окружающей человека природы, устойчивым сюжетом, репрезентирующим мифологемы, являлось ежесезонное возвращение богов-первопредков и воссоздание мира заново. В этот период сакрального времени восстанавливался первоначальный хаос, из которого создавался новый «идеальный» мир, где все вещи и явления обладали абсолютной степенью бытия, истинности, тождеством самим себе. Таким образом, «идеальное общество» в общественном сознании достигалось в реальности, каждая вещь находилась «на своем месте». Говоря иначе, идеал был не просто принципиально достижим, но он достигался, при этом, если каждая вещь находится «на своем месте», т.е. сама воплощает идеал, то исчезает феномен движения, так как не существует противоречия между сущим и должным, а если нет движения, то нет и времени, которое, в свою очередь, задает границы для истории. В момент реализации мифологем в общественном сознании наступал период «безвременья», в котором сливались прошлое и настоящее. Если в доиндустриальном обществе свершались исторические события, такие, как военные конфликты, смена правителя, вторжения чужеземцев и т.д., их интерпретация напрямую

зависела от существующих в общественном сознании мифологем. Например, жителями Месоамерики испанские завоеватели были восприняты как древние боги, чье возвращение есть знак, говорящий о наступлении «Золотого века», который существовал до того, как боги ушли за море.

В мифологемах, репрезентирующихся в архаических мифах, постоянно прослеживается сюжет социальной идентификации посредством божественных предков. Возвращение богов приравнивается к восстановлению «райского» общественного состояния, они несут с собой изобилие. Социум понимает себя как творение божеств, как след их сакральной активности. Можно предположить, что исторически первая концепция, осмысляющая природу мифа, зародившаяся в Древней Греции, – эвгемеризм, согласно которой боги являются искаженными образами героических личностей, генетически взаимосвязана с архаическими представлениями о социальной самоидентификации. Эвгемеризм просто меняет знаки местами: если в мифе люди создаются богами, то в теории эвгемеризма боги создаются людьми. Таким образом, ведущим фактором, наполняющим национально-духовным содержанием сюжет, который манифестируется в архаических мифах, является социальная самоидентификация, т.е. то, на основании чего происходит различие одной общности и другой в общественном сознании.

Иначе представлялся процесс социальной идентификации в средневековой Европе, которая также относится к парадигме доиндустриального общества. Для рассматриваемого типа социума характерно наличие первичной и вторичной мифологий. Согласно Е. А. Торчинову, «Первичная мифология – это архаические мифы, возникшие в глубочайшей древности. Вторичная мифология – это мифологические сюжеты, возникшие в рамках развитых религий и тесно связанные с их догматическими или доктринальными положениями» [3, с. 21]. Для вторичной мифологии характерно синтезирование ключевых архаических мифов с философскими техниками мышления, т.е. соединение мифологического и логико-дискурсивного типов мысли. Хотя люди в Средневековье и представлялись результатом божественного творения, как и во многих архаических мифах, социум не идентифицировал себя на этом основании. Все средневековое христианское общество идентифицировало себя посредством веры в Бога. Согласно христианскому учению все люди являются потомками первопары, которая была создана непосредственно Богом,

но при этом не верующие или не правильно верующие в него исключаются из религиозной социальности.

Отличительной особенностью религиозного понимания мира, в сравнении с мифологическим, является наличие трансцендентной составляющей. Если в архаической мифологизации исторических событий есть их переживание как эпифании сакрального, божественного, то в христианской религии, отчасти основанной на дискурсе древнегреческой философии, появляется вопрос об истинности, бытийности самой интерпретации исторического события. Для того, чтобы задавать вопрос об истинности того или иного смысла, необходимо наличие трансцендентного измерения, которое является принципиально постижимым. Так, для философии Платона на вершине пирамиды сущего находится бытие-благо, которое достижимо посредством разумной деятельности. В христианстве место платоновского бытия-блага занимает Бог, частичное познание которого изначально требует веры в него. В христианской религии благодаря наличию трансцендентного измерения становится возможным противоречие между сущим и должным, между верой и безверием. Это ведет к появлению возможности различения религиозной интерпретации истории и мифологической. Вторая происходит по причине безверия в монотеистического христианского Бога.

Исходя из указанной специфики социальной идентификации через веру, подвергаются трансформации мифологемы: в их сюжет интегрируется представление, согласно которому «рай» на земле возможен в истинно христианском обществе под властью христианского правителя. Большинство исторических событий эпохи Средневековья интерпретируются на основе данной установки, транслирующейся через мифологемы: например, исторические противники христиан, такие как северные народы, опустошавшие Европу в период походов викингов, воспринимались как «неверные» (что, как правило, отражало исторические реалии), а также как кара за безверие или маловерие христиан. Викинги были превращены в символ, мифологизированы и представлены как вестники близящегося Апокалипсиса.

Значительные изменения в сюжете мифологем происходят в индустриальном обществе. В ходе общественного развития социальная идентификация посредством веры или безверия в христианского монотеистического Бога потеряла свою актуальность. Место Бога заняла нация, пребывающая в границах национального государства. Следует отметить, что трансцен-

дентное измерение, которое присутствовало в христианстве, не исчезло, но видоизменилось. Отныне истина-бытие становится достижимой посредством разумной человеческой деятельности. Разум вместо веры становится гарантом познания мира таким, каким он есть сам по себе. Посредством «света Разума» такой немецкий мыслитель, как И. Кант познает, что самой истинной формой правления является республика, основанная на конституции, «на акте общей воли, благодаря которому толпа становится народом» [4, с. 269], т.е. республика является национальной, построенной на «воле народа», выраженной в конституции. «Метафизическая энергия человека по-прежнему трансцендировалась, т.е. Я находило смысл и ценность в Другом, внеположном ему, хотя это Другое мыслилось уже не божественным и абсолютным, а социальным, национальным, государственным» [5, с. 4].

Однако и в индустриальном обществе, в котором присутствует убежденность в рациональной познаваемости трансцендентного, используется мифологизация истории, причем не следует путать мифологизацию с фальсификацией или неточностью исторической науки. Фальсификация есть умышленное искажение исторических фактов с какой-либо целью; «случайное» искажение исторических фактов в ходе исторического исследования из-за нехватки источников или ошибки человеческого разума присуще истории как науке. Мифологизация исторических событий есть процесс непреднамеренный, реакция человеческой психики на удивляющее историческое событие, результат которой может транслироваться из поколения в поколение. Событие дает толчок к началу работы механизма мифологизации, который может быть заблокирован самосознанием, возможным в условиях наличия трансцендентного.

Учитывая то, что философские и научные концепции построения рационального общественного устройства, которые пришли на смену архаическим мифам и религии, были недоступны общественному большинству ввиду сложности и непонятности, потребовался механизм их упрощения и доведения до общественного сознания. Таким механизмом является идеология, основной задачей которой выступает превращение рационально непонятного в эмоционально понятное. Именно в подобном упрощенном виде историософские концепции воспринимаются общественным сознанием и запоминаются им. Идеологически упрощенные образы интегрируются в мифологемы и актуализируются при свершении удивляющего

исторического события, создавая, таким образом, новую «не-мифологическую» мифологию.

К наиболее ярким сюжетам мифологем, распространенным в индустриальном социуме, относятся идеологии панславизма или пангерманизма, на основании которых осуществлялась интерпретация значимых исторических событий. Здесь следует согласиться с В. Б. Устьянцевым и Д. А. Аникиным, которые указывают: «Национальная память выражает выборочное отношение к прошлому. Один и тот же исторический факт не только может поддаваться различным интерпретациям в зависимости от того, какими политическими и культурными предпочтениями обладает этнос, обращаясь к этому факту, но и само его существование как исторического факта подвержено структурным изменениям» [6, с. 67].

Таким образом, мифологическая интерпретация истории в доиндустриальном и индустриальном социумах осуществляется из дискурса мифологем. Трансформации их сюжетов взаимосвязаны с представлениями о социальной идентичности. В архаическом обществе идентичность определялась посредством соотнесения с божественными предками, что транслировалось на уровне мифологем через сюжеты ежесезонного возвращения богов-первопредков. Для религиозной парадигмы сознания характерна социальная идентификация через веру в монотеистическое божество, исходя из чего часть исторических событий приобретает символическую окраску греховности. Для индустриального общества характерным является самоидентификация через национальность, заключенную в границы государства, что ведет к трансформации сюжета мифологем и, следовательно, к изменению содержания мифоистории.

Список литературы

1. Гиренок Ф. *Метафизика пата* (косноязычие усталого человека). М., 2014. 236 с.
2. Мамардашвили М. К. *Очерки современной европейской философии*. СПб., 2012. 608 с.
3. Торчинов Е. А. *Религии мира: опыт запредельного*. Психотехника и трансперсональные состояния. М., 2007. 544 с.
4. Кант И. *Соч.*: в 6 т. М., 1966. Т. 6. 717 с.
5. Щеглова Л. В. *Значение этики в эпоху эстетизма* // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2003. № 2. С. 3–9.
6. Устьянцев В. Б., Аникин Д. А. *Социальная память в обществе риска: опыт философской реконструкции* // Философия и общество. 2011. № 4. С. 58–69.

**Social Identity and Myth History:
Transformational Changes in the Content of Mythologem**

A. S. Tsygankov

Volgograd State Social Pedagogical University
27, Lenina Prospect, Volgograd, 400066, Russia
E-mail: m1dian@yandex.ru

The phenomenon of mythologization of the history in its connection with ideas of social identity existing in the social conscience is analyzed in the article. Using the characteristics of the main models of these ideas, the transformation processes are explicated in the content of mythologems, from the discourse of which realizing the mythological interpretation of event history in preindustrial and industrial societies. The main thing to prove is that the transformation of the content of sceneries of the mythologies is connected with the change of the ideas of social identity which existing in the different historical periods.
Key words: mythologem, social identity, myth history, social conscience.

References

1. Girenok F. *Metafizika pata (kosnoyazychie ustalogo cheloveka)* [Metaphysics of stalemate (tongue-tie of tired man)]. Moscow, 2014. 236 p.
2. Mamardashvili M. K. *Ocherki sovremennoy evropeyskoy filosofii* (Studies of modern European philosophy). St.-Petersburg, 2012. 608 p.
3. Torchinov E. A. *Religii mira: opyt zapredelnogo. Psikhotehnika i tranpersonalnye sostoyaniya* (Religions of the world: the experience of the beyond. The psychotechnics and transpersonal states). Moscow, 2007. 544 p.
4. Kant I. *Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf*. Stuttgart, 2008. 87 s. (Russ. ed.: Kant I. *Soch.: v 6 t.* Moscow, 1966. 717 p.).
5. Sheglova L. V. *Znachenie etiki v epokhu estetizma* (The Meaning of ethics in the age of esthetic). *Izvestia Volgogradskogo State Pedagogical University*, 2011, no. 4, pp. 58–69.
6. Ustantsev V. B., Aninkin D. A. *Sotsialnaya pamyat v obshchestve riska: opyt filosofskoy rekonstruktsii* (Social memory in risk society experience of philosophical conceptualization). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and society), 2011, no. 4, pp. 58–69.

ПСИХОЛОГИЯ

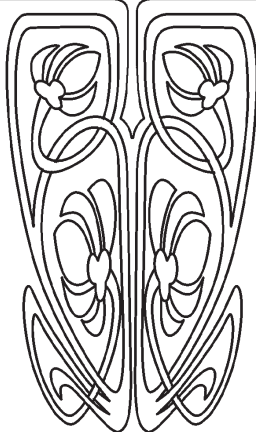
УДК 316.6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЛАГОПОЛУЧИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ

Вагапова Альфия Равилевна –
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии образования,
Саратовский государственный университет
E-mail Al_fiya@bk.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье изложены материалы эмпирического исследования, посвященного выявлению представлений о благополучии и их влиянию на эмоционально-оценочное отношение к Другим. Исследование выполнено на выборке представителей узбекской молодежи (Саратовская область, $n = 60$, 20–34 лет). Испытуемые – узбеки по национальности, проживают в России от 1 года и более, одной из главных причин миграции называют желание улучшить экономическое благосостояние. Применение комплекса методик: авторской анкеты (для изучения причин эмиграции в Россию), «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой), «Методика изучения ценностных ориентаций» (М. Рокича, адаптация Д. А. Леонтьева), методов сравнительного анализа (по t -критерию Стьюдента) – позволило описать особенности этнической идентичности и эмоционально-оценочного отношения к Другим (толерантности). Установлено, что мужчины в силу своей социально активной роли являются заметными и деятельными представителями узбекской национальности и обладают более высокой социальной и более низкой личностной толерантностью, чем женщины. Обнаружены следующие различия: женщины проявляют маскулинные черты, вынужденная эмансипация женщин приводит к смене традиционных гендерных ролей и стереотипов как мужских, так и женских. В значительной степени девальвировались многие ценности и стратегии поведения, ранее связанные только с мужским типом. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, а также в разработке программ молодежной политики.

Ключевые слова: личность, представители узбекской молодежи, представление о благополучии, субъективное благополучие, эмоционально-оценочное отношение к Другим, этническая идентичность.

Введение

Актуализация исследовательского интереса к проблеме представлений о благополучии и их влияния на эмоционально-оценочные отношения к Другим обусловлена, прежде всего, тем, что современная политическая ситуация на территории бывшего СССР, сопровождающаяся процессом образования новых государств, отделением республик, характеризуется усилением процесса миграции как вынужденной, так и трудовой. Все это накладывает тяжелый отпечаток на межэтнические отношения, зачастую усиливая межнациональное напряжение, в связи с этим, на наш взгляд, необходимо систематически и внимательно изучать

феномены этнического сознания, компоненты этнопсихологического статуса, национальные установки и стереотипы, обыденное сознание различных этносов.

Теоретический анализ проблемы

Прежде всего, необходимо отметить возросший интерес исследователей к феноменологии этнического, методологических подходов к его изучению, зафиксированный в работах Г. Н. Солдатовой, Р. М. Шамянова (этническая социализация личности), В. С. Агеева, Т. Г. Стефаненко (механизмы межэтнического взаимодействия), Е. Е. Бочаровой, Н. М. Лебедевой (этническая толерантность и идентичность) и т.д. Между тем проблема соотношения представлений о благополучии и эмоционально-оценочное отношение к Другим в настоящее время остается недостаточно разработанной.

Уточним, что эмоционально-оценочное отношение к Другим, т.е. толерантность – это уважение и принятие такого феномена как отличия людей – их убеждений, привычек, религиозных, политических, этических, культурных предпочтений. Под уровнем этнической толерантности Н. М. Лебедева понимает отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Выраженность и модальность этнической идентичности, уровень этнической толерантности, а также особенности мотивационно-смысловой сферы и ее трансформации являются компонентами этнопсихологического статуса личности.

Понятие о благополучии имеет неоднозначное толкование, мы акцентировали внимание на субъективной оценке благополучия. Так, большинство исследователей отмечают, что именно система субъективных отношений человека к внешнему миру и самому себе представляет собой средоточия «пусковых механизмов» его активности (Л. В. Куликов, Р. М. Шамянов, В. А. Ядов). В аспекте рассматриваемого нами вопроса эта активность связана с изменением места проживания и освоением новой культуры, уровень принятия которой может быть различным. Объективная действительность такова, что условия нахождения в ней устраивают индивидов не в равной мере, поэтому человек затрачивает большое количество усилий на определенного рода активность, сопровождающую действия и переживания по оптимизации состояния удовлетворенностью жизнью, т.е. оценку степени субъективного благополучия.

Анализ имеющихся в исследованиях теоретических и эмпирических данных позволил Е. Е. Бочаровой охарактеризовать субъективное благополучие как сложное образование, системное по своей природе: оно целостно и в то же время многоаспектно, имеет многокомпонентную структуру, включено во множество межсистемных связей с другими психическими образованиями, взаимодействие с которыми определяет ценность и значимость этого личностного образования как фактора саморегуляции [1, с. 57]. Е. Е. Бочарова обнаружила существенные различия в основаниях переживания субъективного благополучия: у представителей французской молодежи основанием переживания субъективного благополучия являются возможность расширения социальных контактов, достижение социального престижа и независимости; у представителей российской молодежи – социально активная позиция, стремление к независимости и гипертрофированное проявление этнической идентичности [2, с. 63]. В другом исследовании установлено, что основанием переживания субъективного благополучия в выборке русских и татар является удовлетворенность своей деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности. В оценке своего благополучия представители русского и татарского этносов ориентируются на внутренний критерий – удовлетворенность собой [3, с. 393]. Весьма показательны данные исследования, предпринятого М. А. Кленовой, свидетельствующие о специфике ценностной детерминации субъективного благополучия в разных этнических группах (немцев Поволжья, русских). Автор приходит к выводу, что группы различаются по ценностям, определяющим оценку субъективного благополучия [4, с. 95]. Таким образом, переживания субъективного благополучия, представления о нем в разных этнических группах имеют свои особенности, обусловленные социально-культурной средой. Анализируя жизненную ситуацию, некоторые жители бывшего СССР оценивают ее как крайне неудовлетворительную, при этом в «карте мира» у них есть представления о том, что за пределами государства проживания они могут существенно изменить в лучшую сторону качество своей жизни. Данные трансформации чаще всего касаются социально-экономического и политического аспектов жизни, что в силу существующих представлений оказывает заметное влияние на оценку субъективного благополучия.

Существующие представления, подкрепленные активной субъективной позицией и желанием улучшить переживания субъективного благополучия, являются в некоторых случаях

пусковым механизмом миграционного процесса. В нашем исследовании мы предприняли попытку изучить эмоционально-оценочное отношение к Другим в ситуации изменения места проживания, связанного с низкими оценками субъективного благополучия в случае дальнейшего проживания на Родине.

Выборка, методики и методы исследования

Общая выборка составила 60 человек, из них 31 женщина и 29 мужчин в возрасте от 20–34 лет. Испытуемые – узбеки по национальности, проживают в России от одного года и более, одной из главных причин миграции они называют желание улучшить экономическое благосостояние. В качестве диагностического инструментария применен комплекс методик: авторская анкета (для изучения причин эмиграции в Россию), «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой), «Методика изучения ценностных ориентаций» (М. Рокича, адаптация Д. А. Леонтьевой), методика «Кто я?», разработанная М. Куном и Т. Мак-Портландом, методы сравнительного анализа (по *t*-критерию Стьюдента).

Результаты исследования, их обсуждение

На первом этапе исследования результаты анкетирования респондентов с целью выяснения причин эмиграции в Россию показали, что большинство из них (95%) изменили свое прежнее место жительства (Республика Узбекистан) по причинам социально-экономического характера, основная группа ожиданий на новом месте жительства ориентирована на улучшение экономического положения семьи или помощи родственникам, оставшимся на Родине. Полученные результаты позволили нам предположить, что представления о благополучии в данной выборке тесно связаны с оценками социально-экономического статуса, данный фактор оказал существенное влияние на принятие решения об изменении места проживания.

На втором этапе мы изучили влияние этих представлений о благополучии на эмоционально-оценочное отношение к Другим. Для того чтобы определить уровень и характер этнической, социальной и личностной толерантности, сложившейся у узбекской молодежи, нами был использован экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой) (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели толерантности

Выборка	Толерантность	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Личностная толерантность
Мужчины	83,31	29,31	28	26
Женщины	84,29	28,87	25,81	29,94

Значимых различий в индексе общей толерантности между мужчинами и женщинами выявлено не было, а значения индекса были средними, у респондентов есть как толерантные, так и интолерантные черты. Вероятно, в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность, мы склонны видеть в этом явлении, скорее, «потребность в толерантном отношении» к себе, чем высокую толерантность у респондентов женского пола, так как социально одобряемое поведение женщин в Узбекистане ограничено жесткими моральными рамками традиционного патриархального общества. Неудивительно, что молодые женщины предпочитают более толерантное отношение, что позволило бы им вести себя более свободно, расширить спектр социальных ролей.

Нами выявлены некоторые различия между группами по социальной и личностной толе-

рантности ($t = 5,736$, число степеней свободы различия между женской и мужской группами значимы более чем на 0,1%). Мужчины обладают более высокой социальной и более низкой личностной толерантностью, чем женщины. На наш взгляд, данный факт объясняется такими особенностями узбекской культуры, как андроцентризм (узбекскую культуру можно обозначить как андроцентрическую, так как в значительной степени она ориентирована на мужчин) и полоролевая дифференциация. Мужчины – социально активные члены общества, им чаще в своей деятельности приходится сталкиваться с представителями различных социальных групп. К женщинам же применяются жесткие моральные требования: девушек с детства приучают держаться в рамках социально желательного поведения, поэтому им сложнее принимать «отклонения от нормы». Социально пассивные женщины, ориентированные на семью и

патриархальные традиции, более открыты для формирования личных отношений, в отличие от мужчин, склонных к регламентированным отношениям с иерархической структурой.

Для изучения этнического самосознания в условиях межэтнической напряженности и определения преобладающего типа этнической идентичности узбеков нами была использована методика «Типы этнической идентичности» Г. В. Солдатовой, С. В. Рыжовой (табл. 2).

Таблица 2

Средние показатели выраженности типов этнической идентичности

Типы этнической идентичности	Мужчины	Женщины
Этнонигилизм	3,79	3,19
Индифферентность	7,72	8,23
Положительная идентичность	16,72	16,74
Этноэгоизм	4,93	5,58
Этноизоляционизм	6,86	5,55
Этнофанатизм	10,00	8,13

Один из показателей трансформации этнической идентичности – это рост этнической нетерпимости (интолерантности). Толерантность/интолерантность – главная проблема межэтнических отношений в условиях роста напряженности между народами. Подавляющему большинству испытуемых свойственна положительная этническая идентичность. С одной стороны, преобладающим является сочетание позитивного отношения к собственному и другим народам (преобладает нормальная, позитивная идентичность). С другой стороны, средние показатели индифферентности показывают, что имеет место и негативная тенденция – размывания этнической идентичности, выраженная в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Молодые люди отрываются от своей этнической группы, теряют корни, ценности и идентичность. Если это продолжится, последствия будут негативными. Присутствует также тенденция к этнофанатизму – готовность идти на любые действия во имя этнических интересов, вплоть до «чисток» и угнетения других народов.

Различий между группами при анализе этого компонента этнопсихологического статуса выявлено не было. Своему народу молодые люди приписывают такие почитаемые в Узбекистане качества, как гордость, смелость и честность. Национальная принадлежность является одной из главных характеристик себя как личности ($t = 0,061, p < 0,01$). В полиэтничном обще-

стве позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству: она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Мужчины обладают более высоким этнофанатизмом, чем женщины ($t = 8,678, p < 0,01$).

Усиление деструктивности в межэтнических отношениях обусловлено трансформациями этнического самосознания по типу гиперидентичности, которая соответствует в опроснике трем шкалам: этноэгоизму, этноизоляционизму и этнофанатизму. По результатам нашего исследования, этноэгоизм обоих полов выражается в безобидной форме, как результат восприятия через призму конструкта «мой народ».

Для того чтобы получить данные, характеризующие особенности проявления мотивационно-смысловых ориентаций узбекской молодежи, нами была использована «Методика изучения ценностных ориентаций» (М. Рокич, адаптация Д. А. Леонтьева) (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения терминальных и инструментальных ценностей

Ценности	Мужчины	Женщины	<i>t</i>
Здоровье	3,38	5,26	2,24**
Красота природы и искусства	12,86	16,00	3,85*
Развитие	10,28	12,26	2,05**
Развлечения	13,14	11,42	1,95*
Аккуратность	6,17	8,77	2,47**
Продуктивность	11,14	10,19	0,96****
Непримиримость	12,45	14,58	2,12**
Образованность	8,59	10,48	1,93*
Ответственность	7,03	5,26	1,92*
Рационализм	13,21	10,35	2,94***
Самоконтроль	10,79	8,84	2,18**

Примечание. * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; **** – $p < 0,1$.

Для женщин более значимы, чем для мужчин, положительные черты: рационализм, самоконтроль, ответственность. Из этого можно сделать вывод, что девушки в своей деятельности более дальновидны и расчетливы. Менее значи-

мы для женщин: аккуратность, непримиримость, образованность, развитие, красота природы и искусства. Мужчины, более чем женщины, ценят такие черты, как аккуратность, непримиримость и стремление к красоте, развитию, образованности. Заметных тенденций к отвержению узбеками каких-либо ценностей не наблюдается и есть предпочтение нескольких ценностей – здоровья, воспитания, семьи и общения с друзьями. У мусульман самое главное – создание крепкой семьи: семья представляет огромную ценность не только для старшего поколения, но и для современной молодежи, поэтому эмигрируют в основном семьями, поддерживаются родственные связи.

Заключение

В настоящее время сложная экономическая ситуация и снижение на этом фоне индекса субъективного благополучия является для наиболее мобильной части населения причиной для эмиграции в другие государства. Происходят изменения в структуре представления о благополучии, в картине мира. Эти процессы вызывают чувство тревоги и озабоченности у коренных жителей, поэтому в настоящее время актуальны исследования этнической идентичности и толерантности. С одной стороны, они дают возможность лучше понять этнические особенности граждан многонационального Российского государства, с другой – снижают уровень напряженности и способствуют пониманию и по возможности принятию других этносов.

Безработица в Узбекистане имеет массовый характер, нелегальная трудовая миграция обрела черты семейного бизнеса. Молодежь больше склонна к переезду в стабильно развивающиеся Россию и Казахстан, там есть возможность для трудоустройства. Узбеки очень переживают отрыв от дома, от родных и близких, с родителями и родственниками они поддерживают тесные связи. Привыкание к новым трудовым условиям в большинстве случаев протекает довольно сложно: сказываются существенные различия в образе жизни при переезде в другой регион. Наше исследование показало, что большинству испытуемых свойственна положительная этническая идентичность, т.е. позитивное отношение к своему и другим народам, но средние показатели индифферентности показывают, что имеется и негативная тенденция – размывание этнической идентичности. Молодые люди отрываются от своей этнической группы, теряют корни, ценности и идентичность. Если это продолжится, последствия будут негативными. Современные узбекские женщины проявляют маскулинные

черты, вынужденная эмансипация женщин приводит к смене традиционных гендерных ролей и стереотипов как мужских, так и женских. В значительной степени девальвировались многие ценности и стратегии поведения, ранее связанные только с мужским типом; узбечки в современных условиях становятся более сильными, независимыми, стремятся работать, получать образование.

Познакомившись с особенностями этнопсихологического статуса, мы получили важную информацию, которая может не только помочь в бытовом общении со среднеазиатскими народами, но и снизить межэтническую напряженность, оградить от военных конфликтов и эффективнее решать проблемы, связанные с трудовой миграцией, беженцами и вынужденными переселенцами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (грант № 14-06-00250).

Список литературы

1. Бочарова Е. Е. Этнопсихологические характеристики взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 56–60.
2. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. М., 2012. № 4. С. 53–63.
3. Бочарова Е. Е. Универсальные и культурно-специфические особенности взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013, Т. 2, вып. 4. С. 387–393.
4. Кленова М. А. Ценностная детерминация субъективного благополучия в разных этнических группах // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2012. № 6 (64). С. 94–95.

Notions of Well-Being and its Impact on the Emotional and Evaluative Attitude Towards Others

A. R. Vagapova
Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: Al_fiya@bk.ru

The article describes the materials of empirical research on the identification of representations about well-being and its impact on the emotional and evaluative attitude towards Others. The study was performed on a sample of representatives of Uzbek youth (Saratov region, n = 60, range 20–34 years). The subjects are ethnic Uzbeks,

they live in Russia from 1 year or more, one of the main causes of migration called desire to improve the economic well-being. Using the complex methods: author profile (to study the causes of emigration in Russia), «Types of ethnic identity» (G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova), «tolerance index» (H. W. Soldatov, O. A. Kravtsov, O. E. Huhlaev, L. A. Shaygerova), «Methodology for the study of value orientations» (M. Rokeach, adaptation D. A. Leontiev), Methodology, methods of comparative analysis (by Student t-test), allowed to describe the features of ethnic identity and emotional-evaluative attitude towards Others (tolerance). Established that men by virtue of their socially active roles are most visible and active of representatives of Uzbek nationality and have higher social and lower personal tolerance than women. Found the following differences: women exhibit masculine traits, forced emancipation of women leads to a change in traditional gender roles and stereotypes, both male and female. Greatly devalued many of the values and strategies of behavior previously associated only with male type. Applied aspect of the research problem can be implemented in practice, psychological counseling services, as well as in the development of youth policy programs.

Key words: personality, representatives of Uzbek youth, notions of well-being, subjective well-being, emotional and evaluative attitude towards Other, ethnic identity.

References

1. Bocharova E. E. Etnopsikhologicheskie kharakteristiki vzaimosvyazi sotsial'noy aktivnosti i sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti (Ethnopsychological Characteristics of Interrelation of Social Activity and Subjective Wellbeing of the Personality). *Vektor nauki Tol'yatinskogo gos. un-ta. Ser. Pedagogika, psikhologiya* (Vector of Sciences of Tolyatin. State University. Ser. Pedagogics, Psychology), 2011, no. 3, pp. 56–60.
2. Bocharova E. E. Vzaimosvyaz' sub'ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noy aktivnosti lichnosti: krosskul'turnyy aspekt (Interrelation of subjective wellbeing and social activity of the personality: krosskul'turnyy aspekt). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society), 2012, no. 4, pp. 53–63.
3. Bocharova E. E. Universalnye i kulturno-spetsificheskie osobennosti vzaimosvyazi sotsialnoy aktivnosti i sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti (Universal and culture-specific peculiarities of interconnection between social activity and personal subjective well-being). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, vol. 2, iss. 4, pp. 387–393.
4. Klenova M. A. Tsennostnaya determinatsiya sub'ektivnogo blagopoluchiya v raznykh etnicheskikh gruppakh (Valuable determination of subjective wellbeing in different ethnic groups). *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* (Almanac of Modern Science and Education), Tambov, 2012, no. 6 (64), pp. 94–95.

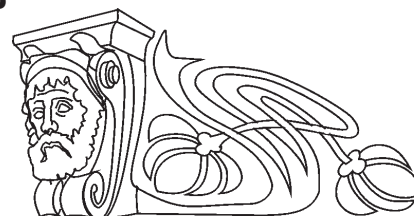
УДК 159.9:070

ОРДЕРНАЯ ДИАГНОСТИКА МЕДИЙНЫХ АСПЕКТОВ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Дорошин Илья Александрович –

аспирант кафедры общей и социальной психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: diajazz@yandex.ru

В статье приведены результаты анализа концептов «субкультура» и «оржкультура», а также исследования медиакультуры как аспекта оргкультуры, что помогло сделать модифицирование методики ордерной диагностики. Модификация заключалась в следующем: была добавлена позиция оценки составляющих оргкультуры, представленных в медиапространстве организации, и последующая оценка ее соответствия существующему и желательному состояниям оргкультуры. Для получения результатов применялись методы наблюдения, опроса и беседы. Кроме того, были проанализированы методологические системы, в которых можно рассмотреть и проинтерпретировать концепт организационной культуры. Результаты практического апробирования модифицированного варианта методики показали приемлемость и перспективы совершенствования инструментария. Методика, возможно, является предпосылкой к раскрытию феномена медиакультуры как аспекта организационной культуры и является толчком к поиску новых составляющих медиакультуры как части оргкультуры предприятия.

Ключевые слова: организационная культура, медиакультура, медийная субкультура, ордерная диагностика.

Введение

На современном этапе становления российской бизнес-среды внутрикорпоративные медиаинструменты не воспринимаются как что-то новое и экзотическое. Роль и влияние медиа в организации растет крайне быстрыми темпами, выступая в роли комплексного средства освоения человеком окружающего мира в его социальных, психологических и интеллектуальных аспектах. В связи с этим возникает задача управления организационно-культурными процессами с помощью медиакоммуникаций в организации. Решение такой задачи предполагает не просто внедрение медиаинструментов, но создания техноло-

гии формирования медиакультуры, включающей в себя определенный комплекс рабочих опций: методологию исследования, концептуальную модель медиакультуры как аспекта оргкультуры, технологию изменения, подкрепленную методическим инструментарием. На сегодняшний день можно констатировать отсутствие целостного и хорошо интегрированного подхода к изучению медиакультуры в социальной психологии. В статье мы изложим ход исследования медийной субкультуры как одного из аспектов медиакультуры, что поможет глубже понять роль медийных коммуникаций внутри организации.

Целью статьи является обсуждение результатов ордерной диагностики медийной субкультуры и организационной культуры предприятия в целом. Данная цель предполагает достижение следующих задач:

1) проведение теоретического анализа концептов оргкультуры, субкультуры и медиакультуры;

2) модифицирование методики ордерной диагностики организационной культуры для целей изучения медиакультуры организации;

3) подведение итогов, оценка и обсуждение соответствия существующего и желательного состояний составляющим оргкультуры, представленным в медиапространстве организации, и перспектив применения ордерной концепции для диагностики медиакультуры.

Теоретический анализ концептов оргкультуры, субкультуры и медиакультуры

Вначале проанализируем методологические системы, в которых можно рассмотреть и проинтерпретировать концепт организационной культуры. В рамках системного подхода организационная культура рассматривается как система, включающая в себя множество элементов различной природы, структура которых задает её интегральные качества [1]. Эти элементы, в свою очередь, являются подсистемой системы более высокого порядка культуры, следовательно, оргкультура может рассматриваться как состоящая из субкультур подразделений предприятия. Следует отметить, что необходимо определить «границы» оргкультуры и ее среды, а в составе последней выделить ее составляющие – профессиональную культуру, социальные субкультуры и др. Данный подход в социально-психологических исследованиях применялся В. Е. Семеновым [2], В. А. Богдановым [3], Я. Л. Коломинским [4].

Реализацию следующих методологических установок в изучении организационной культуры предполагает синергетический подход [5]:

1) оргкультура является сложноорганизованной системой и ей не должны быть «навязаны» пути развития;

2) хаос осуществляет связь разных уровней организации, и он может играть конструктивную роль в функционировании оргкультурной системы;

3) оргкультура как сложное эволюционное целое собирается из частей.

В рамках социально-психологического ракурса исследования оргкультуры следует отметить работы Л. Н. Аксеновской [6, 1], Т. Ю. Базарова [7], А. В. Булгакова [8], С. А. Липатова [9], Р. Рюттингера [10], Э. Шейна [11], Г. Хофстеде [12]. Л. Н. Аксеновская дает определение: организационная культура – это сложный социально-психологический порядок интеракций, конституируемых и регулируемыми системами этических смыслов участников взаимодействия [1]. Э. Шейн считает, что оргкультура – это система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются как ценность и передаются новым членам группы [11]. С. А. Липатов рассматривает оргкультуру как результат восприятия и понимания работниками организации окружения, свойственных ей ценностей и норм, форм общения и других протекающих в организации процессов [9]. Исследуя организационную культуру предприятия в рамках социально-психологического подхода, следует учитывать её культурный, экономический и политический аспекты формирования.

Переходя к рассмотрению концепта субкультуры в рамках организационной культуры предприятия, стоит отметить, что любая организационная культура потенциально состоит из множества субкультур [13]. При отсутствии внимания со стороны руководства организации к субкультурам в ней возможны превращение обозначенных различий в противоречия и возникновение открытых конфликтов, которые будут препятствовать эффективной работе и достижению корпоративных целей. Организационная культура предприятия является более адаптивной к внешней среде при наличии большого количества субкультур.

Наиболее полное развитие субкультуры получают в крупных организациях, они отражают общие проблемы, ситуации, с которыми сталкиваются сотрудники, или опыт их разрешения [9]. Существование субкультуры не свидетельствует, что та или иная группа выступает в оппозиции к основной организационной культуре [13]. Однако могут быть случаи, когда сотрудники предпри-

ятия относятся к другим субкультурам с неодобрением или недоверием. Эта проблема может возникнуть даже по отношению к уважаемым субкультурам руководителей или специалистов.

Понимание сущности субкультуры в организации невозможно без выделения понятия «профессиональная субкультура» [8]. Как правило, на любом предприятии объективно существует должностная и профессиональная дифференциация, которая является основой профессионального самоопределения, через такие субкультуры передается опыт, который позволяет синтезировать профессиональные и личностные свойства сотрудника.

Субкультурные различия довольно многообразны: в качестве основных «переменных» можно выделить [3]: роль лидера в группе, особые каналы коммуникации, наличие уникальных ценностей и норм. Субкультурные различия обуславливают различия в профессиональном менталитете [1]. Примером может служить то, что в одной и той же организации субкультура менеджеров отличается от субкультуры производственного персонала, это в ряде случаев затрудняет коммуникации. Медиакультура, под которой мы понимаем не только занимающиеся информационной поддержкой отделы, но и получателей этой информации, призвана при учете специфики профессиональных субкультур решать вопрос преодоления коммуникативных барьеров в медиакультуре, под которой мы понимаем совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности [3]. В современных исследованиях «медиа» и его производные используются для обозначения социокультурных феноменов, которые возникают в коммуникативных процессах современного общества и часто маркируются как «медийные», «медиаальные».

Модифицирование методики ордерной диагностики организационной культуры для целей изучения медиакультуры организации

Рассматривая непосредственно диагностику медийной субкультуры предприятия, мы остановимся на следующих деталях: мы применили методику Л. Н. Аксеновской, модифицированную для диагностики медиакультуры. Модификация заключалась в следующем: была добавлена позиция оценки составляющих оргкультуры, представленных в медиапространстве организации, и последующая оценка ее соответствия существующему и желательному состояниям оргкультуры.

Для получения результатов применялись методы наблюдения, опроса и беседы.

Была задана цель диагностики:

1) выявить структуру и содержательное наполнение корпоративной культуры на уровне руководителя структурного подразделения;

2) сравнить полученные результаты между собой;

3) оценить соответствие существующего и желательного состояний составляющим оргкультуры, представленным в медиапространстве организации.

Развитая оргкультура предприятия как целостная структура содержит три пропорциональных субордера: «семейный» (33%), «армейский» (33%), «религиозный» (33%). Их структура и содержание и оргкультуры в целом задаются моделями управленческого взаимодействия: «родительской», «командирской», «пастырской».

Методика исследования состоит из трех частей: первая включает диагностику каждого уровня по трем позициям: «как есть», «как должно быть» и «согласно корпоративному медиапространству»; вторая – сравнение результатов, полученных на каждом уровне, между собой и выявление расхождений с эталоном (первый уровень), в том числе и в медиасреде; третья – оценку соответствия существующего состояния и желательного, составляющих оргкультуру и представленных в медиапространстве организации.

Объектом эмпирического исследования был саратовский офис ЗАО «Видео Интернешнл» в лице технического директора. Эта организация является крупнейшим в Восточной Европе оператором медиарекламного рынка, предоставляющим профессиональные аутсорсинг-услуги в области реализации рекламных возможностей медиа; саратовский офис насчитывает около тридцати сотрудников.

По результатам исследования с помощью данной методики можно констатировать следующие результаты: пункт А («семья») во всех опросных листах набрал: по существующему состоянию (СС) – 67 баллов, по желательному состоянию (ЖС) – 86, согласно корпоративному медиапространству (КМ) – 67 баллов. Расхождение между СС и ЖС составляет 19 баллов, между СС и КМ – 0 баллов, между ЖС и КМ – 19 баллов. Пункт Б («армия») во всех опросных листах набрал: СС – 54 балла, ЖС – 98, КМ – 104. Расхождение между СС и ЖС составляет 44 балла, между СС и КМ – 50, между ЖС и КМ – 6 баллов. Пункт В («церковь») во всех опросных листах набрал: СС – 47 баллов, ЖС – 51, КМ – 49 баллов. Расхождение между СС и ЖС – 4 балла, между СС и КМ – 2, между ЖС и КМ – 2 балла.

Предпочтения технического директора относительно будущего (желаемое состояние) таковы: «церковный» субордер – 51 балл, «семейный» – 86, «армейский» – 98. Рассогласование ЖС с СС составляют уровень субъективной неудовлетворенности директора (соответственно, 19 баллов «церковному» субордер, 44 «семейный» и 4 «армейский»). Рассогласование СС и КМ показывает уровень рассогласованности в проекции существующей и подаваемой в медиaprостранстве информации (соответственно 2 балла «церковный» субордер, одинаковые баллы «семейный» и 50 «армейский»). ЖС и КМ показывают уровень ожиданий директора в желательном состоянии и отражаемом в медиасреде (соответственно 2 балла «церковный» субордер, 19 «семейный» и 6 «армейский»).

Важно учесть то обстоятельство, что ответы и оценки технического директора характеризуют его личное отношение к различным аспектам корпоративной культуры, которую он рассматривает более широко, чем просто культуру медиахолдинга и культуру отдельного филиала.

Интерпретируя основные субордеры корпоративной культуры, можно констатировать наличие хорошо сформированной и согласованной модели в личном отношении испытуемого к различным аспектам оргкультуры. По результатам анализа мы выявили отчетливую доминанту в виде «семейного» субордера. Так, организация для него – это «второй дом» (5 баллов), «организация поддерживает меня» (8 баллов). Можно предположить, что «семья» является ключевым элементом в организации самой личности директора, и поскольку для него «семья» – это основной способ самоорганизации и самомотивации, испытуемый легко переносит свои семейные традиции на различные аспекты сложившейся корпоративной культуры и подчеркивает их выраженность. Личные предпочтения скорее всего могут не отразиться на идеологии, транслируемой подчиненным. Если будет достигнута договоренность внутри топ-менеджмента о двух «верах» (для руководства и для подчиненных, и обязательства по отношению к генеральному директору будут выполняться), он постарается выполнить любую задачу, полученную от учредителей, по отношению к подчиненным. Поскольку данная доминанта тесно связана с потребностью в творчестве, то можно предположить, как связаны с этой потребностью, с «семейным» субордером, два других – «церковный» и «армейский». Чтобы «самовыражение» состоялось, нужны соответствующие условия и задачи. Анализ корпоративного медиaprостранства свидетельствует о том, что отношение к коллегам позиционируется как отношение к со-

служивцам, сосредоточенным на решении своих задач (9 баллов) Далее можно выделить существенное обстоятельство, позволяющее успешно выполнять «семейную» составляющую, – условия, в которых «комфорт», «как дома» обретают действенное подтверждение: это возможно при «служении» других и «самопожертвовании». Внутренняя модель директора, таким образом, построена вокруг «семейной» доминанты, содержанием которой является комфортность условий (как психологических, так и материальных) через выполнение целей предприятия, успех которой зависит от веры в возможность достижения личного успеха и материального благополучия.

Заключение

Результаты говорят о том, что директор считает определяющими в культуре предприятия «семейные» показатели, хотя можно констатировать небольшое преобладание «семейного» субордера над «армейским». В качестве желательной перспективы обозначено доминирующее влияние «армейского» субордера, усиление которого рассматривается как ключ к решению всех остальных проблем в организации, предполагается небольшое усиление «армейского» субордера и ослабление влияния «семейного». В корпоративном медиaprостранстве преобладает «армейский» тип взаимодействия, по сравнению с «семейным» или «церковным». Небольшое рассогласование между желательным состоянием и корпоративной медиасредой свидетельствует, что содержание коммуникаций в медиасубкультуре отражает желательное состояние оргкультуры для руководства компании. Оценив соответствие существующего и желательного состояний составляющим оргкультуры, представленным в медиaprостранстве организации, можно констатировать наличие медийной субкультуры в организации как продукта взаимодействия в Интернете сотрудников организации.

Теоретический анализ концептов «субкультура» и «оргкультура» и рассмотрение медиакультуры как аспекта оргкультуры помогли провести модифицирование методики ордерной диагностики. Результаты апробирования модифицированного варианта помимо безусловной практической ценности показали наличие медийной субкультуры на предприятии. Это, возможно, является предпосылкой к раскрытию данного феномена и толчком к поиску новых составляющих медиакультуры как части оргкультуры предприятия. Изучение инструментов работы с медиакulturой в организации является перспективным направлением и будет проведено нами в дальнейшем.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.
2. Семенов В. Е. Культура как социальный институт. М., 1995. 287 с.
3. Богданов В. А. Системологическое моделирование личности в социальной психологии. Л., 1987. 143 с.
4. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 2000. 432 с.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение : диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 4.
6. Аксеновская Л. Н. Социально-психологическая модель организационной культуры, концепция, методология, технология изменения (ордерный подход) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2008. 41 с.
7. Базаров Т. Ю. Управление персоналом. М., 2014. 381 с.
8. Булгаков А. В. Психология межгрупповой адаптации на кораблях Военно-Морского флота России : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 463 с.
9. Липатов С. А. Организационная культура : концептуальные модели и методы диагностики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 38–43.
10. Рюттингер Р. Культура предпринимательства. М., 1992. 237 с.
11. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002. 328 с.
12. Hofstede G. Cultures and organizations : Software of the mind. Glasgow, 1994. 576 p.
13. Кириллова Н. Б. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8 (дата обращения: 28.08.2013).

Order Diagnostics of Media Aspects in Organizational Culture

I. A. Doroshin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: diajazz@yandex.ru

Results of the analysis of concepts are given in article «subculture» and «organizational culture» and as media culture researches as aspect of organizational culture that helped to make modifying of a technique of order diagnostics. Modification consisted in the following: the position of an assessment of components of organizational culture, presented in organization media space, and the subsequent assessment of its compliance to an existing state and desirable states of organizational culture was added. Methods of supervision, poll and conversation were applied to receiving results. As methodological systems in which it is possible to consider and interpret a concept of organizational culture were analysed. Results of practical approbation of the modified option of a technique showed an acceptability and prospects of improvement of tools. The technique, probably, is the prerequisite to disclosure of

a phenomenon of media culture as aspect of organizational culture and is a push to search of new components of media culture as parts of organizational culture of the enterprises.

Key words: organizational culture, media culture, media subculture, order diagnostics.

References

1. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* (Order model of organizational culture). Moscow, 2007. 303 p.
2. Semenov V. E. *Kultura kak sotsialnyy institute* (Culture as social institute). Moscow, 1995. 287 p.
3. Bogdanov V. A. *Sistemologicheskoye modelirovaniye lichnosti v sotsialnoy psikhologii* (Sistemologicheskoye modeling of the personality in social psychology). Leningrad, 1987. 143 p.
4. Kolominskiy Ya. L. *Psikhologiya vzaimootnosheniy v malykh gruppakh* (Psychology of relationship in small groups). Minsk, 2000. 432 p.
5. Knyazeva Ye. N., Kurdyumov S. P. *Sinergetika kak novoye mirovideniye: dialog s I. Prigozhinym* (Synergetics as new mirovideniye: dialogue with I. Prigozhin). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1992, no. 12, pp. 3–20.
6. Aksenovskaya L. N. *Sotsialno-psikhologicheskaya model organizatsionnoy kultury, kontseptsiya, metodologiya, tekhnologiya izmeneniya (ordernyy podkhod): avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Social and psychological model of organizational culture, concept, methodology, technology of change (order approach): the abstract on competition of a scientific degree of the doctor of psychological sciences). Moscow, 2008. 41 p.
7. Bazarov T. Yu. *Upravleniye personalom* (Human resource management). Moscow, 2014. 381 p.
8. Bulgakov A. V. *Psikhologiya mezhrupovoy adaptatsii na korablyakh Voyenno-Morskogo Flota Rossii: dis. ... d-ra psikhol. nauk* (Psychology of intergroup adaptation by the ships of the Navy of Russia: The thesis on competition of degree of the doctor of psychological sciences). Moscow, 2007. 463 p.
9. Lipatov S. A. *Organizatsionnaya kultura: kontseptualnyye modeli i metody diagnostiki* (Organizational culture: conceptual models and diagnostics methods). *Vestnik Moscow University. Ser. 14. Psychology*, 1997, no. 4, pp. 38–43.
10. Ruttinnger R. *Unternehmenskultur. Neue Dimensionen des Erfolgs*. Dusseldorf, 1989. 237 p. (Russ. ed.: Ryttinger R. *Kultura predprinimatelstva* (Culture of business). Moscow, 1992. 237 p.
11. Sheyn E. Kh. *Organizational Culture and Leadership*. San Francisco, 2010. 328 p. (Russ. ed.: Sheyn E. Kh. *Organizatsionnaya kultura i liderstvo*. St.-Petersburg, 2002. 328 p.).
12. Hofstede G. *Cultures and organizations: Software of the mind*. Glasgow, 1994. 576 p.
13. Kirillova N. B. *Ot mediakultury k mediologii* (From media culture to a mediology). *Kulturologicheskiy zhurnal* (Journal of cultural research), 2011, no. 4 (6). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8 (accessed 28 August 2013).

УДК 159.99 + 343.953

ВОСПРИЯТИЕ НЕНАДЕЖНОСТИ РАБОЧЕГО МЕСТА (JOB INSECURITY) КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В БЕЛОВОРОТНИЧКОВУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Киселев Константин Анатольевич –

магистрант факультета психологии,
инженер лаборатории юридической психологии факультета психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: Saratovian@gmail.com

В статье рассматриваются сущность и определение понятия «беловоротничковая преступность», история возникновения данной научной проблемы. Приведены основные причины вовлечения в беловоротничковую преступность, ее основные характеристики, проблемы и специфика. Основными видами беловоротничковой преступности являются: махинации с финансовой отчетностью, противозаконные манипуляции на фондовой бирже, коммерческий подкуп и дача взяток государственным должностным лицам, введение в заблуждение в торговле, растрата. Дано определение понятию job insecurity – восприятия рабочего места как ненадежного, небезопасного. Приведена оригинальная гипотеза, согласно которой восприятие рабочего места как ненадежного, небезопасного (job insecurity) является одним из факторов вовлечения и самововлечения личности в криминальную деятельность; гипотеза основана на следующих идеях психологии и криминологии: научных позициях Р. Агню, Э. Сазерленда, Д. Матца, Г. Сайкса, теории эволюционной психологии.

Ключевые слова: беловоротничковая преступность, вовлечение, причины преступности, криминальная деятельность, job insecurity, ненадежность работы, теории беловоротничковой преступности.

Проблема преступности на рабочем месте в общем и так называемой «беловоротничковой» в частности представляет собой сложное и неоднозначное поле, которое не является в полной мере исследованным. Термин «белый воротничок» (white-collar worker) появился в начале XX в. и обозначает офисных работников, бизнесменов и руководителей, одевающихся обычно в белые рубашки [1]. Э. Сазерленд применил этот термин при исследовании правонарушителей – «беловоротничковых» преступников [2]. Он полагал, что необходимо выделить данный вид преступности в отдельный класс относительно других, так как он имеет свою специфику – такие деяния признаются криминальными именно исходя из действующего законодательства, а не только в качестве нарушающих социальные нормы поведения [3]. Если агрессивно-насильственное поведение имеет эволюционно и культурно приобретенное представление о своей нежелательности [4], биологические детерминанты, явные психические конструкторы, то так называемая бело-

воротничковая преступность не является столь однозначным феноменом, который к тому же не связан с психопатиями [5].

Беловоротничковая или корпоративная преступность (как ее определяет «Энциклопедия беловоротничковой преступности» («Encyclopedia of white-collar crime») [6, с. 13]) долгое время после смерти Э. Сазерленда в 1950 г. находилась вне поля внимания крупных исследователей, за исключением публикаций таких ученых, как М. Клиnard (M. Clinard), Д. Кресси (D. Cressey) [7], а особенно Г. Гейс (G. Geis) и Х. Эдельгерц (H. Edelhertz) [6, с. 12]. Однако в 1970-е гг. вернулся интерес к данной теме, а рост числа исследований произошел в 1980-е гг.

Стоит отметить, что в отечественной криминологии и криминальной психологии термин «беловоротничковая преступность» как слишком общий не прижился [8]. Вместо этого авторы предпочитают выделять отдельные виды преступности, входящие традиционно в понятие «беловоротничковая преступность», либо использовать аналогичные термины, например, «экономическая» или «корпоративная» преступность [9]. Хотя Е. Ю. Антонова предлагает не смешивать данные термины, а причислять к категории беловоротничковой просто «экономическую» и конкретно «корпоративную» (криминальные деяния, совершенные от имени корпорации) преступность.

К беловоротничковой преступности относятся действия криминального характера в области бизнеса и государственного управления: искажение финансовой отчетности корпораций, незаконные манипуляции на фондовой бирже, коммерческий подкуп, дача взяток государственным должностным лицам, прямо или косвенно, в целях обеспечения выгодных контрактов, введение в заблуждение в рекламе и торговле, растрата, мошенничество, превышение служебных полномочий [2]. Ряд авторов [10] добавляют такие виды противоправной деятельности, как компьютерные, банковские и налоговые преступления, нацеленные на ма-

териальную выгоду, совершаемые индивидами, занимающими высокое социально-экономическое положение, за счет государственной или частной компаний, в которых они трудятся.

Исследователи отмечают огромные финансовые убытки для региональной и мировой экономики, связанные с беловоротничковой преступностью [11, 12]. Так, ежегодные экономические потери от беловоротничковых преступлений, согласно С. Рософфу (S. Rosoff), Г. Понтеллу (G. Pontell) и Р. Тилману (R. Tillman), составляют более \$250 млрд [13]. Согласно другим данным, эти цифры достигают диапазона от 426 млрд до 1,7 трлн долл. США [12]. Подобный разброс данных объясняется разными методами подсчета и тем, что в оценку часто входят нераскрытые преступления.

Рядом исследователей [5] установлены такие важные психологические качества при совершении финансовых преступлений, как низкий поведенческий самоконтроль, высокий уровень гедонизма, нарциссизм. Также авторы отмечают разное чувство социальной желательности (данные лица криминализируются сознательно, ради повышения статуса), совмещенное с высокой добросовестностью. Такие преступники шли на нарушение законодательства ради обогащения своей компании (уход от налогов, сокрытие доходов и т.п.). П. Х. Брессер (P. H. Bresser) [5] установил высокий уровень целеустремленности, настойчивости у руководителей высшего звена, совершивших преступление: такие люди продуманно пошли на этот шаг, прекрасно осознавая последствия.

Ряд криминологов [14–17] среди детерминантов, способствующих росту преступности среди сотрудников организаций, называют ощущение безнаказанности. Дж. Палмер [18], ссылаясь на У. Томпсона, полагает, что рост криминализации в социуме детерминирован уменьшением вероятности взаимопомощи между «донором» альтруистического поведения и «реципиентом». Снижение пользы от альтруизма приводит к уменьшению силы сдерживающих факторов, останавливающих потенциальных преступников от правонарушений, и росту криминализации общества.

М. Клиnard и Р. Куинни [19] заменяли термин «беловоротничковое преступление» двумя другими категориями – «корпоративная преступность» и «профессиональная преступность». Корпоративное преступление представляет собой криминальное поведение от лица корпоративных предприятий, в то время как профессиональное преступление является противоправным поведением индивидов в пределах их профессионального статуса.

Согласно Я. И. Гилинскому, одна из причин вовлечения в криминал состоит в том, что у личности может возникнуть стремление удержать или повысить свой социальный статус любой ценой. В итоге индивид может начать брать или давать взятки, подставлять, утаивать реальный доход и т.п. [20].

Согласно теории Е. Гоффмана (E. Goffman) [21], основная социально-психологическая причина преступности, в том числе и беловоротничковой, состоит в отсутствии барьеров и существовании возможностей для криминального акта, что также соответствует теориям сдерживания В. Реклесса (W. Reckless) [22], Р. Патерностера (R. Paternoster) [23], М. Стаффорда (M. C. Stafford), М. Варра (M. Warr) [24].

С. Бюлла (S. W. Buell) [25] связывает проблему определения феномена беловоротничковой преступности с рядом факторов: а) социальное окружение (сеттинг), в котором преступное деяние от непроступного (ошибки, например) может отличаться лишь умыслом самого сотрудника; б) трудность установления вины преступника, когда он взимает лишнюю эмиссию при платежах сверх нормативов; в) трудность дефиниции криминального акта, по сравнению с уличной преступностью: сложно определить продуманную мошенническую схему и доказать факт взяточничества или принуждения в виде вымогательства, по сравнению с обычным грабежом; г) зачастую не учитывается степень осознания деяний сотрудником [25].

Исследователи выделяют такой феномен, как *job insecurity* [26, 27]. Согласно словарю американской психологической ассоциации [28], *insecurity* обозначает чувство несоответствия, отсутствие уверенности в себе и беспокойство о целях, способностях или отношениях с другими. Понятие «*job insecurity*» было введено в науку Л. Гринхалом и З. Розенблатом (L. Greenhaigh и Z. Rosenblatt) [29], которое они определяли как воспринимаемую невозможность (бессилие, беспомощность) поддержания преимущества и стабильности в ситуации угрозы рабочему месту. Оценка угрозы зависит от восприятия индивидом возможных потерь и субъективной вероятности их возникновения [30–32]. С. Свит (S. Sweet) [33] и И. А. Петрова [34] указывали в данном случае на любую угрозу стабильности, определенности. Таким образом, данное понятие связано с негативным переживанием риска потери работы.

Испытывая феномен «*job insecurity*», личность теряет ориентиры, чувство безопасности, потребность в защищенности остается неактуализированной. Такой человек стремится сохранить и восстановить свой социальный статус,

что снижает его сопротивляемость как влиянию извне, так и самого подталкивает к ответным мерам. Неуверенность в гарантированной занятости и восприятие своей работы как ненадежной, небезопасной, на наш взгляд, может привести человека к действиям криминального характера. Данное утверждение основывается на ряде теорий криминальной психологии и криминологии.

1. Теория нейтрализации Д. Матца и Г. Сайкса (D. Matza и G. Sykes [35], согласно которой индивид учится нейтрализовать свою приверженность общественным моральным нормам. Это осуществляется через ряд техник мотивировок (самооправданий) путем рационализации:

а) отрицание, отказ от ответственности (The Denial of responsibility) – индивид приписывает событиям «волю случая», заявляет о неподконтрольности событий, касающихся деликта;

б) отрицание ущерба, вреда (The Denial of injury) – личность считает, что от её противоправных действий на самом деле никто не пострадал;

в) отрицание жертвы (The Denial of the victim) – преступник заявляет, что «жертва сама во всём виновата», заслужила наказание;

г) осуждение осуждающих (The condemnation of the condemners) – индивид переключает свое внимание на тех, кто осуждает его делинквентное поведение, обвиняет других в замаскированной девиантности, лицемерии либо личной неприязни по отношению к нему;

д) апелляция к высшим соображениям, верности (The appeal to higher loyalties) – данный способ нейтрализации внешнего и внутреннего контроля состоит в том, что личность действует в ущерб интересам большой группы ради интересов малой – собратьев по преступной группе, подельников [35]. Однако это не означает, что личность непременно отказывается от императивов доминирующей нормативной системы, несмотря на свой провал в попытке следовать им. Скорее всего, перед ней встает дилемма, которую должно разрешить, что приводит к нарушению закона [35].

2. Теория дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда, согласно которой преступность является результатом дифференциальных связей и контактов, научения личности противоправному типу поведения: индивид ведет себя в соответствии с представлениями о норме в данном коллективе [36]. Личность криминализируется при большом количестве факторов, способствующих вовлечению в преступление, и малом – удерживающих от него [37], что может наблюдаться при восприятии рабочего места как ненадежного и небезопасного.

3. Р. Агню критиковал классическую теорию напряжения и создал свою социально-психологическую модель, которую назвал «Общая теория напряжения». Согласно этой теории есть три главных типа напряжения: а) невозможность достигнуть положительно оцененных целей; б) потеря положительных стимулов; в) представления об отрицательных стимулах [38], фрустраторах [39]. Агню отрицал идею об абсолютном влиянии эгоизма и корыстности человека на преступное поведение. Напряжения в данной теории наиболее вероятно приводят к преступлению, когда:

а) ситуация, воспринимается как несправедливая;

б) ситуация напряжения оказывает сильное воздействие и становится заметной;

в) имеется низкий общественный контроль;

г) создается некоторое давление или стимул участвовать в преступном поведении [40].

Изучая явление социального беспокойства (social concern), он отметил положительную корреляцию с самоконтролем. Социальное беспокойство, согласно автору, состоит из четырех элементов:

а) забота о благосостоянии других;

б) желание тесной связи с другими;

в) склонность следовать определенной моральной интуиции;

г) тенденции соответствовать взглядам и поведению других.

Однако при определенных условиях социальное беспокойство может, наоборот, детерминировать совершение преступления, например, при попадании в делинквентную группу, неблагополучный район. Кроме того, другие лица с преступными намерениями могут вовлечь личность в криминальную деятельность, уменьшая силу социального беспокойства [41]. Идеи Агню восходят к концепции аномии Р. Мертонa [42] и фрустрационной теории Дж. Долларда [43] и Л. Берковица [44].

4. Теория эволюционной психологии [45] оценивает преступное поведение как форму неспецифической адаптации к враждебной социальной среде. Воздействие среды на эволюционно приобретенные психологические механизмы активизирует деятельность и вызывает определенную реакцию, которая зависит от выбора стратегии поведения. Однако беловоротничковая преступность, как сказано выше, часто отличается от «традиционных» видов криминальной деятельности, таких как изнасилования, грабежи и убийства, которые в любой культуре воспринимаются крайне негативно [45]. Здесь преступления больше связаны с эксплуататорской стратегией приобретения

ресурсов [46, 47], необходимостью в неблагоприятных условиях конкурировать за власть, богатство и статус [48].

5. Ситуационная теория действия П.-О. Викстрёма: индивид при воздействии окружающей среды оценивает ситуацию [49], возможные риски [50] и совершает действие криминального или социально приемлемого характера на основе руководящих им моральных принципов и норм либо в соответствии со склонностью к преступлению. Ситуационная теория действия основана на рациональной теории выбора, согласно которой личность способна действовать рационально и управлять собой [49]. Однако длительная жизнь в неблагоприятных районах, девиантной социальной среде способна сформировать преступные наклонности [50]. На наш взгляд, особенно ярко это может проявиться в ситуации анонии и неопределенности.

Проблема job insecurity широко исследуется в традиционной организационной психологии и менеджменте, но существует крайне мало публикаций, освещающих влияние данного феномена на риск вовлечения в беловоротничковую преступность. Выдвинутая нами гипотеза требует более подробной эмпирической проверки. Исследователи в области криминальной и юридической психологии, криминологии, социологии выделяют различные основные причины преступности среди рабочих: субъективную оценку ненадежности работы и риск ее потерять, низкую заработную плату, ощущение безнаказанности, потерю социальных связей.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в анонимном российском обществе» (грант № 13-06-00491).

Список литературы

- White collar // Oxford English Dictionary On-line. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/white-collar?q=white-collar> (дата обращения: 26.02.2014).
- Sutherland E. H. White collar criminality // American Sociological Review. 1940, Vol. 5. P. 1–12.
- Sutherland E. H. Is «White collar crime» crime? // American Sociological Review. 1944. Vol. 10, № 2. P. 132–139.
- Ward T., Durrant R. Evolutionary behavioural science and crime : Aetiological and intervention implications. // Legal and Criminological Psychology. 2011. Vol. 16, iss. 2. P. 193–210.
- Blickle G., Schlegel A., Fassbender P., Klein U. Some Personality Correlates of Business White-Collar Crime // Applied Psychology: An International Review. 2006. Vol. 55, iss. 2. P. 220–233.
- Encyclopedia of white-collar crime / ed. by J. Gerber, E. L. Jensen. Westport ; L., 2007. 336 p.
- Braithwaite J. White Collar Crime // Annual Review of Sociology. 1985. Vol. 11. P. 1–25.
- Антонова Е. Ю. Понятие корпоративной преступности // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2011. № 1. С. 51–59.
- Криминология XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб., 2000. 554 с.
- Никуфоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. М., 1990. 253 с.
- McGurrin D., Melissa J., Amber J., Brandy C. White Collar Crime Representation in the Criminological Literature Revisited, 2001–2010 // Western Criminology Review. 2013. № 14 (2). P. 3–19. URL: <http://wcr.sonoma.edu/v14n2/McGurrin.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).
- Helmkamp J. C., Townsend K. J., Sundra J. A. How much does white collar crime cost? morgantown, wv. 1997. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Photocopy/167026NCJRS.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).
- Holtfreter K., Van Slyke S., Bratton J., Gertz M. Public perceptions of white-collar crime and punishment // J. of Criminal Justice. 2008. Vol. 36. № 1. P. 50–60.
- Collins J. M., Schmidt F. L. Personality, integrity, and white-collar crime: A construct validity study // Personnel Psychology. 1993. Vol. 46, iss. 2. P. 295–311.
- Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2005. 800 с.
- Букалерева Л. А., Полукаров А. В. Проблемы противодействия отдельным видам преступлений // Криминологический журнал. 2013. № 4. С. 94–103.
- Агыбаев А. Беловоротничковая преступность. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30186141 (дата обращения: 25.02.2014).
- Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб., 2007. 384 с.
- Encyclopedia of White-Collar and Corporate Crime / ed. by L. M. Salinger. Thoasands Oaks, 2005. 974 p.
- Гилинский Я. И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. 2012. URL: <http://zakon.ru/Blogs/OneBlog/3108> (дата обращения: 06.02.2014).
- Engdahl O. Barriers and back regions as opportunity structures for white-collar crime // Deviant Behavior. 2009. Vol. 30. P. 115–143.
- Reckless W. C. A new theory of delinquency and crime // Federal Probation. 1961. Vol. 25, № 4. P. 42–46.
- Paternoster R., Bushway S. Desistance and the «Feared Self» toward an identity theory of criminal desistance // The J. of criminal law & criminology. 2009. Vol. 99, №. 4. P. 1103–1156.
- Stafford M. C., Warr M. A reconceptualization of general and specific deterrence // J. of Research in Crime and Delinquency. 1993. Vol. 30, № 2. P. 123–135.

25. Buell S. W. Is the white collar offender privileged? // Duke Law Journal. 2014. Vol. 63, № 4. P. 823–889.
26. Heaney C., Israel B., House J. Chronic job insecurity among automobile workers: Effects on job satisfaction and health // Social Science and Medicine. 1994. Vol. 38, iss. 10. P. 1431–1437.
27. Vulkan P. Labour Market Insecurity: The Effects of Job, Employment and Income Insecurity on the Mental Well-being of Employees // Revista Internacional de Organizaciones. 2012. № 9, Diciembre. P. 169–188.
28. APA Concise Dictionary of Psychology by American Psychological Association / ed. G. R. Vandenbos. 2008. 596 p.
29. Greenhaigh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: toward conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9, iss. 3. P. 438–448
30. Sverke M., Hellgren J., Näswall K. No security: a meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // J. of Occupational Health Psychology. 2002. Vol. 7. P. 242–264.
31. Borg I. Ueberlegungen und untersuchungen zur messung der subjektiven unsicherheit der arbeitsstelle // Zeitschrift fur arbeits – und organisationspsychologie. 1992. Vol. 36, iss. 3. S. 107–116.
32. De Witte H. Job insecurity: Review of the international literature on definitions, prevalence, antecedents and consequences // SA J. of Industrial Psychology. 2005. Vol. 31, iss. 4. P. 1–6.
33. Sweet S. Job insecurity. A sloan work and family encyclopedia entry. 2006. URL: <https://workfamily.sas.upenn.edu/glossary/j/job-insecurity-definitions> (дата обращения: 02.03.2014).
34. Петрова И. А. Психологические эффекты пребывания личности в неопределённой жизненной ситуации (на примере ситуации ненадёжной работы) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011. 26 с.
35. Sykes G. M., Matza D. Techniques of a Neutralization: A theory of Delinquency // American Sociological Review. 1957. Vol. 22, iss. 6. P. 664–670. URL: <http://www.socqrl.niu.edu/miller/courses/soci380/sykes&matza.pdf> (дата обращения: 12.03.2014).
36. Cressey D. R. The differential association theory and compulsive crimes // J. of Criminal Law and Criminology. 1954. Vol. 45, iss. 1. P. 29–40. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4221&context=jclc> (дата обращения: 16.03.2014).
37. Sutherland E. H., Cressey D. R., Luckenbill D. F. Principles of Criminology (The Reynolds series in sociology) / ed. by L. T. Reynolds. Lanham, 1992. 704 p.
38. Agnew R. Delinquency and the desire for money // Justice quarterly. 1994. Vol. 11, iss. 4. P. 411–427.
39. Хагуров Т. «Человек потребляющий» Антропологическая девиантология массовой культуры. Saarbrucken, 2011. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Khagurov-Chelovek_potreblyayuschiy.pdf (дата обращения: 22.03.2014).
40. Agnew R. Building on the foundation of general strain theory : specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency // J. Of Research in Crime and Delinquency. 2001. Vol. 38, iss. 4. P. 319–361.
41. Agnew R. Social concern and crime : moving beyond the assumption of simple self-interest // Criminology. 2014. Vol. 52, iss. 1. P. 1–32.
42. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 880 с.
43. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия : теоретические подходы. М., 2002. 287 с.
44. Berkowitz L. Frustrations, appraisals, and aversively stimulated aggression // Aggressive Behavior. 1988. Vol. 14. P. 3–11. URL: <http://rzukausk.home.mruni.eu/wp-content/uploads/berkowitz-frustration-appraisals-and-aversively-stimulated-aggression.pdf> (дата обращения: 22.03.2014).
45. Buss D. The Evolutionary Psychology of Crime // J. of Theoretical and Philosophical criminology – Commentary Special edition. 2012. Vol. 1, iss. 1. P. 90–98.
46. Cohen L. E., Machalek R. A general theory of expropriative crime: An evolutionary ecological approach // American J. of Sociology. 1988. № 94. P. 465–501.
47. Vila B. J., Cohen L. E. Crime as strategy: testing an evolutionary ecological theory of expropriative crime // American J. of Sociology. 1993. Vol. 98, № 4. P. 873–912.
48. Walsh A. Evolutionary Psychology and Criminal Behavior // Missing the Revolution : Darwinism for social scientists / ed. J. H. Barkow. Oxford, 2006. 312 p.
49. Situational Action Theory // Criminology Wiki. URL: http://criminology.wikia.com/wiki/Situational_Action_Theory (дата обращения: 17.03.2014).
50. Wikström P.-O.H., Sampson R. J. Social mechanisms of community influences on crime and pathways in criminality // Causes of conduct disorder and juvenile delinquency / eds. B. B. Lahey, T. E. Moffitt, A. Caspi. N.Y., 2003. 370 p.

Job Insecurity as the Factor of Involvement of the Person in White-collar Crime

K. A. Kiselev

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia

E-mail: Saratovian@gmail.com

The article deals with considered the substance and concept «White-collar Crime» definitions and history of emergence of this scientific problem. The general reasons of involvement in white-collar crime, main characteristics, problems and specificity of this phenomenon are given. The main types of white-collar crimes are: frauds with financial statements, illegal manipulations on stock exchange, commercial corruption and bribery to the state officials, deception in trade, defalcation. A definition of the concept Job insecurity is given – perceptions of a workplace as unreliable, unsafe. In the article was given the original hypothesis according to which the Job Insecurity is one of the factors of involvement yourself into criminal activity. The hypothesis relies on the following ideas of psychology and criminology: R. Agnew, E. Sutherland, G. M. Sykes, D. Matza scientifics' positions, theory of evolutionary psychology.

Key words: white-collar crime, involvement, crime reasons, criminal activity, job insecurity, unreliability of work, theory of white-collar crime.

References

- White collar. *Oxford English Dictionary On-line*. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/white-collar?q=white-collar> (accessed 26 February 2014).
- Sutherland E. H. White collar criminality. *American Sociological Review*. 1940, vol. 5, pp. 1–12.
- Sutherland E. H. Is «White collar crime» crime? *American Sociological Review*, 1944, vol. 10, no. 2, pp. 132–139.
- Ward T., Durrant R. Evolutionary behavioural science and crime: Aetiological and intervention implications. *Legal and Criminological Psychology*, 2011, vol. 16, iss. 2, pp. 193–210.
- Blickle G., Schlegel A., Fassbender P., Klein U. Some personality correlates of business white-collar crime. *Applied Psychology: An International Review*, 2006, vol. 55, iss. 2, pp. 220–233.
- Encyclopedia of white-collar crime*. Ed. by J. Gerber, E. L. Jensen. Westpot, London, 2007. 336 p.
- Braithwaite J. White Collar Crime. *Annual Review of Sociology*, 1985, Vol. 11, pp. 1–25.
- Antonova E. Yu. Ponyatiye korporativnoy prestupnosti (The notion of corporate crime). *Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo gos. un-ta ekonomiki i prava* (Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law), 2011, no. 1, pp. 51–59.
- Kriminologiya XX vek (Criminology of XX century)*. Ed. by V. N. Burlakov, V. P. Salnikov. St.-Petersburg, 2000. 554 p.
- Nikiforov B. S., Reshetnikov F. M. *Sovremennoye amerikanskoye ugovnoye pravo (Modern American criminal law)*. Moscow, 1990. 253 p.
- McGurrin D, Melissa J., Amber J., Brandy C. White collar crime representation in the criminological literature revisited, 2001–2010. *Western Criminology Review*, 2013, vol. 14 (2), pp. 3–19. Available at: <http://wcr.sonoma.edu/v14n2/McGurrin.pdf> (accessed 20 March 2014).
- Helmkamp J. C., Townsend K. J., Sundra J. A. *How Much Does White Collar Crime Cost?* Morgantown, WV. National White Collar Crime Center, 1997. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Photocopy/167026NCJRS.pdf> (accessed 20 March 2014).
- Holtfreter K., Van Slyke S., Bratton J., Gertz M. Public perceptions of white-collar crime and punishment. *Journal of Criminal Justice*, 2008, vol. 36, no. 1, pp. 50–60.
- Collins J. M., Schmidt F. L. Personality, integrity, and white-collar crime: A construct validity study. *Personnel Psychology*, 1993, vol. 46, iss. 2, pp. 295–311.
- Kriminologiya: uchebnik (Criminology: textbook)*. Ed. by V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminova. Moscow, 2005. 800 p.
- Bukalerova L. A., Polukarov A. V. Problemy provodeystviya otdelnym vidam prestupleniy (Problems counter certain types of crimes). *Kriminologicheskiy zhurnal (Criminological Journal)*, 2013, no. 4, pp. 94–103.
- Agybayev A. *Belovorotnichkovaya prestupnost (White Collar Crime)*: Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30186141 (accessed 25 February 2014).
- Palmer J., Palmer L. *Evolutionary psychology: the ultimate origins of human behavior*. New Jersey, 2001, 304 p. (Russ. ed.: Palmer Dzh., Palmer L. Evolyutsionnaya psikhologiya. Sekrety povedeniya Homosapiens. St.-Petersburg, 2007. 384 p.).
- Encyclopedia of White-Collar and Corporate Crime*. Ed. by L. M. Salinger. Thoasands Oaks. 2005. 974 p.
- Gilinskiy Ya. I. *Genezis prestupnosti. Problema prichinnosti v kriminologii (Genesis of crime. Problem of causality in criminology)*. 2012. Available at: <http://zakon.ru/Blogs/OneBlog/3108> (accessed 06 February 2014).
- Engdahl O. Barriers and back regions as opportunity structures for white-collar crime. *Deviant Behavior*, 2009, vol. 30, pp. 115–143.
- Reckless W. C. A new theory of delinquency and crime. *Federal Probation*. 1961, vol. 25, no. 4, pp. 42–46.
- Paternoster R., Bushway S. Desistance and the «Feared self» toward an identity theory of criminal desistance. *The Journal of criminal law & criminology*, 2009, vol. 99, no. 4, pp. 1103–1156.
- Stafford M. C., Warr M. A reconceptualization of general and specific deterrence. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1993, vol. 30, iss. 2, pp. 123–135.
- Buell S. W. Is the white collar offender privileged? *Duke Law Journal*, 2014, vol. 63, no 4, pp. 823–889.
- Heaney C., Israel B., House J. Chronic job insecurity among automobile workers: Effects on job satisfaction and health. *Social Science and Medicine*. 1994, vol. 38, iss. 10, pp. 1431–1437.
- Vulkan P. Labour Market Insecurity: The effects of job, employment and income insecurity on the mental well-being of employees. *Revista Internacional de Organizaciones*. 2012, no. 9, pp. 169–188.
- APA Concise dictionary of psychology by american psychological association*. Ed. G. R. Vandenbos. 2008. 596 p.
- Greenhaigh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: toward conceptual clarity. *Academy of Management Review*, 1984, vol. 9, iss. 3, pp. 438–448.
- Sverke M., Hellgren J., Näswall K. No security: a metaanalysis and review of job insecurity and its consequences. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2002, vol. 7, pp. 242–264.
- Borg I. Ueberlegungen und untersuchungen zur messung der subjektiven unsicherheit der arbeitsstelle. *Zeitschrift fur arbeits – und organisationspsychologie*. 1992, vol. 36(3), s. 107–116.
- De Witte H. Job insecurity: Review of the international literature on definitions, prevalence, antecedents and

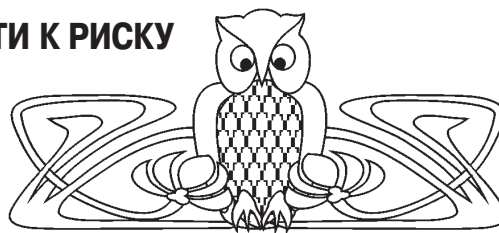
- consequences. *SA Journal of Industrial Psychology*, 2005, vol. 31, iss. 4, pp. 1–6.
33. Sweet S. *Job insecurity*. A Sloan Work and Family Encyclopedia Entry. 2006. Available at: <https://workfamily.sas.upenn.edu/glossary/j/job-insecurity-definitions> (accessed 02 March 2014).
34. Petrova I. A. *Psikhologicheskiye efekty prebyvaniya lichnosti v neopredelennoy zhiznennoy situatsii (na primere situatsii nenadezhnoy raboty): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* (Psychological Effects of stay of the person in uncertain situations (for example, the situation of unreliable)): abstract of dissertation of the cand of psychology. Krasnodar, 2011. 26 p.
35. Sykes G. M., Matza D. Techniques of a neutralization: a theory of delinquency. *American Sociological Review*, 1957, vol. 22, iss. 6, pp. 664–670. Available at: <http://www.socqrl.niu.edu/miller/courses/soci380/sykes&matza.pdf> (accessed 12 March 2014).
36. Cressey D. R. The differential association theory and compulsive crimes. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1954, vol. 45, iss. 1, pp. 29–40. Available at: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4221&context=jclc> (accessed 16 March 2014).
37. Sutherland E. H., Cressey D. R., Luckenbill D. F. *Principles of Criminology* (The Reynolds Series in Sociology). Ed. by L. T. Reynolds. Lanham. 1992, 704 p.
38. Agnew R. Delinquency and the desire for money. *Justice quarterly*, 1994, vol. 11, iss. 4, pp. 411–427.
39. Khagurov T. «Chelovek potrebyayushchiy» *Antropologicheskaya deviantologiya massovoy kultury* («Human consumes» Anthropological deviantology of mass culture). Saarbrücken, 2011. Available at: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Khagurov-Chelovek_potrebyayushchiy.pdf (accessed 22 March 2014).
40. Agnew R. Building on the foundation of general strain theory: specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency. *journal of research in crime and delinquency*, 2001, vol. 38, iss. 4, pp. 319–361.
41. Agnew R. Social Concern and crime: moving beyond the assumption of simple self-interest. *Criminology*, 2014, vol. 52, iss. 1, pp. 1–32.
42. Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. London, 1968. 713 p. (Russ. ed.: Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura*. Moscow, 2006. 880 p.).
43. Andreyeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. *Zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya XX stoletiya: Teoreticheskiye podkhody* (Foreign social psychology of the twentieth century: Theoretical approaches). Moscow, 2002. 287 p.
44. Berkowitz L. *Frustrations, appraisals, and aversively stimulated aggression*. *Aggressive behavior*, 1988, vol. 14, pp. 3–11. Available at: <http://rzukausk.home.muni.eu/wp-content/uploads/berkowitz-frustration-appraisals-and-aversively-stimulated-aggression.pdf> (accessed 22 March 2014).
45. Buss D. The Evolutionary Psychology of Crime. *Journal of Theoretical and Philosophical criminology – Commentary Special edition*, 2012, vol. 1(1), pp. 90–98.
46. Cohen L. E., Machalek R. A general theory of expropriative crime: An evolutionary ecological approach. *American Journal of Sociology*, 1988, no. 94, pp. 465–501.
47. Vila B. J., Cohen L. E. Crime as strategy: testing an evolutionary ecological theory of expropriative crime. *American Journal of Sociology*, 1993, vol. 98, no. 4, pp. 873–912.
48. Walsh A. Evolutionary psychology and criminal behavior. *Missing the Revolution: Darwinism for social scientists*. Ed. by J. H. Barkow. Oxford, 2006. 312 p.
49. Situational Action Theory. *Criminology Wiki*. Available at: http://criminology.wikia.com/wiki/Situational_Action_Theory (accessed 17 March 2014).
50. Wikström P.-O.H., Sampson R. J. Social Mechanisms of Community Influences on Crime and Pathways in Criminality. *Causes of Conduct Disorder and Juvenile Delinquency*. Eds. by B. B. Lahey, T. E. Moffitt, A. Caspi. New York, 2003. 370 p.

УДК 159.922

САМООТНОШЕНИЕ КАК ФАКТОР ГОТОВНОСТИ К РИСКУ

Кленова Милена Александровна –
кандидат психологических наук,
ассистент кафедры социальной психологии образования и развития,
Саратовский государственный университет
E-mail: milena_d@bk.ru

Статья посвящена исследованию зависимости готовности к риску от компонентов самоотношения личности. Целью исследования является выявление взаимосвязи готовности к риску и компонентов самоотношения в трех поколениях. Проанализирована структура самоотношения в трех поколениях. Дан сравнительный анализ выраженности компонентов самоотношения у мужчин и женщин; установлены различия в оценке компонентов самоотношения в зависимости от возраста испытуемых: молодое поколение высоко оценивает самоинтерес, пожилые – самопоследовательность; определены гендерные различия в оценке компонентов самоотношения: мужчины высоко оценивают самоуважение, женщины – самоинтерес. Применение психодиагностического инструментария – «Опросника самоотношения» (В. В. Столина, Р. С. Панталева), «Шкалы готовности к риску» (Г. Шуберта) позволило установить, что готовность к риску зависит от таких компонентов самоотношения, как глобальное самоотношение, отношение других, самоинтерес.

Ключевые слова: самоотношение, готовность к риску, гендерные особенности.

Введение

В современной науке в последние годы стало уделяться внимание такой проблеме, как «риск». Понятия «рискология», «психология риска», «социология риска», «восприятие риска» все чаще стали вплетаться в структуру социально-психологических исследований. Изучение готовности к риску, комплексное исследование личности, склонной к риску, социальные представления о риске – все это ставится предметом исследования современной науки. В своей работе мы уделяем внимание такой проблеме, как взаимосвязь компонентов самоотношения с готовностью к риску. Проблема, нас интересующая: как выглядит структура самоотношения у личности, проявляющей склонность к риску?

Теоретический анализ проблемы

Взаимосвязь самоотношения и готовности к риску кажется весьма очевидной. Предполагается, что личность, проявляющая высокую степень готовности к рискованному поведению, обладает определенными качествами, о чем свидетельствуют ранее проведенные нами

исследования [1, 2]. В социальной психологии самоотношение, как правило, включается в структуру самосознания. Исследуя содержание самосознания, можно объяснить поведение человека, в том числе в кризисных, экстремальных ситуациях. В основе формирования готовности к деятельности в экстремальных условиях лежат адаптивные возможности человека. Исследование об адаптивных возможностях в структуре готовности к риску проводилось нами ранее [3]. Одним из условий полного представления об адапционных возможностях личности является исследование ее самоотношения и самосознания. Например, в исследованиях А. Р. Вагаповой раскрыта структура адаптивных возможностей на основе творческого приспособительного потенциала личности студента [3]. Кроме того, автором рассматриваются особенности конструирования жизненного поля молодежи на основе профессионального и личностного самоопределения [4].

Способность самосознания, обеспечивающая возможность для индивида выделить свою личность из объективного мира, обеспечить ее субъектность и индивидуальность – необходимые условия ее становления. Самосознание в этом случае является определенным ядром личности [5].

Определение самосознания как осознания человеком своего социального статуса и своих потребностей приводится С. Ю. Головиным. Самосознание лежит в основе интеллектуальной активности личности. Отношение к себе и образ себя, как понимается самосознание, связаны, по мнению автора, со стремлением личности к самосовершенствованию. Попытка найти смысл своей деятельности, в конечном счете, приводит к поиску смысла жизни [6].

По мнению В. И. Моросановой, в структуре самосознания можно выделить три функции. Первая из них связана со способностью человека к самооценке себя и своего отношения к миру, другими словами – с поддержанием внутреннего мира и самоидентификацией. Вторая функция отражает способность человека к направленному изменению себя, её проявление связано с самосовершенствованием. Третья связана с контролем

своего поведения, по мнению автора, она является наименее исследованной [7].

Смысловое связывание – один из основных механизмов самосознания, по мнению Б. В. Зейгарник, он способствует поддержанию самоидентичности личности [8]. Особая роль этого механизма проявляется также в преодолении критических жизненных ситуаций, когда эта функция самознания становится наиболее важной. Преодоление себя и осмысление своего поведения в опасных жизненных ситуациях – одна из составляющих самосознания в целом.

Понимание самоотношения как акмеологического феномена приводится в работах Е. В. Селезневой. Основная её мысль заключается в том, что самоотношение задает направление процессов самореализации, самоактуализации [9].

Социально-психологические исследования самоотношения, проведенные ранее, свидетельствуют о том, что: во-первых, оно служит необходимым фактором для самоидентификации личности, играет одну из главных ролей в формировании Я-концепции. Во-вторых, исследование этого феномена необходимо для прогнозирования и анализа поведения человека, в частности, в ситуациях, носящих рискованный, экстремальный характер.

Подводя итог теоретическому обзору исследуемой нами проблематики, можно обозначить цель нашего исследования – изучение взаимосвязи самоотношения и готовности к риску.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическая база исследования: 307 испытуемых в возрасте от 18 до 70 лет; были использованы методы опроса и анкетирования: опрос проводился при помощи методик «Тест-опросник самоотношения» В. В. Столина, Р. С. Пантелеева, «Шкала готовности к риску» (Г. Шуберт).

Результаты исследования и их обсуждение

Опросник самоотношения составлен в соответствии с моделью самоотношения В. В. Столина. Он позволяет выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: 1) глобальное самоотношение; 2) самоотношение, дифференцируемое по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; 3) уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я».

Проанализируем данные, полученные при помощи опросника самоотношения (таблица).

Среднее значение показателей по шкалам опросника самоотношения

Уровни самоотношения	Средний показатель	Накопленные частоты, %
Глобальное самоотношение	19,6352	90,67
Глобальные шкалы		
Самоуважение	9,7394	71,33
Аутосимпатия	9,2541	39,67
Ожидаемое отношение других	9,7036	92,33
Самоинтерес	5,6710	65,67
Конкретные шкалы		
Самоуверенность	4,863	32,00
Отношения других	6,1140	89,67
Самопринятие	5,3648	73,67
Самопоследовательность	4,2704	60,33
Самообвинение	4,2150	43,33
Самоинтерес	5,1954	54,67
Самопонимание	3,4951	68,67

Из представленных данных видно: интегральное самоотношение испытуемых имеет высокие показатели, что может говорить о гармоничности внутреннего мира исследуемых и о внутренне недифференцированном чувстве «за» и «против» самого себя. По мнению В. В. Столина, глобальное самоотношение представляет собой некую сумму компонентов самосознания, которые способны к взаимозамещению для поддержания интегрального самоотношения на достаточном уровне [10]. Говоря иначе, предполагается, что при снижении показателей одних компонентов самоотношения будут расти показатели других, поддерживающие интегральное самоотношение на достаточном уровне.

По результатам нашего исследования, глобальное самоотношение испытуемых находится на высоком уровне, что говорит о внутренней гармоничности самосознания. Что же касается глобальных шкал самоотношения, то можно заметить некоторую несогласованность: высокие показатели по одним и низкие показатели по другим признакам. Одни из самых низких показателей по шкале аутосимпатии, она отражает дружественность/враждебность по отношению к своему «Я», кроме того, это также – эмоциональное отношение к собственной личности. Показатели аутосимпатии, находящиеся на негативном полюсе, говорят о сосредоточенности на собственных недостатках, низкой

самооценке, готовности к самообвинению. Самоотношение принято рассматривать как состоящее из оценочных (уважение/неуважение) и эмоциональных (симпатия/антипатия) суждений о себе. Е. Т. Соколова на основе данной теории предлагает типологию, в которой самоотношение представлено шестью позициями, в зависимости от преобладания того или иного компонента [11]. Соотнося результаты нашего исследования с предложенной типологией, можно сказать, что испытуемые относятся к категории, отражающей низкий уровень аутосимпатии и высокий уровень самоуважения, обозначенной Е. Т. Соколовой как «плохой и сильный». В данном случае респонденты относятся к себе без симпатии, однако считают себя достаточно сильными, о чем говорят высокие показатели по шкале «самоуважение». Представление о своей личности по схеме антипатия/уважение дает возможность предположить, что испытуемые, несмотря на то, что относятся к себе с некоторой долей неприязни, довольно высоко оценивают себя с позиции самоуважения. Это может быть связано со многими причинами: успешностью в профессиональной деятельности, уважением со стороны окружающих, определенной позицией по морально-нравственным вопросам и пр.

Рассмотрим результаты по другим шкалам. Одни из самых высоких показателей были обнаружены по шкале «ожидаемое отношение других», или отраженное самоотношение. Этот компонент самоотношения отражает представление человека о том, насколько его личность и деятельность способны вызвать симпатию или антипатию со стороны окружающих [12]. Необходимо обратить внимание на то, что речь в данном случае идет не о действительном отношении других людей, а о представлении испытуемых об отношении к ним других субъектов. Высокие показатели по данной шкале отражают точку зрения респондентов, что они способны вызвать симпатию и уважение других людей.

По шкале «самоинтерес» выявлены достаточно высокие показатели; он выражает близость к самому себе, интерес к своим мыслям и чувствам, уверенность в своей интересности для других.

В нашем исследовании были обнаружены низкие показатели по шкале «самообвинение»; самообвинение, или инрапунитивность – показатель того, насколько личность готова принять на себя ответственность за неудачи и ошибки.

Проследим различия в показателях самоотношения в зависимости от пола и возраста испытуемых: различия у мужчин и женщин были обнаружены по следующим шкалам: самоуважение ($t = 1,973$), самоинтерес ($t = 3,531$), от-

ношение других ($t = 2,685$). Следуя полученным данным, можно говорить, что женщины, в отличие от мужчин, проявляют больший интерес к своей личности. Это связано не только с особенностями самовосприятия, но и с гендерной психологией в целом. По результатам исследования С. Р. Пантилеева и А. В. Визгиной, касающегося особенностей самоописания мужчин и женщин, было установлено, что женщины в большей степени ориентированы на межличностное общение; они проявляют импульсивность и склонность к субъективизму; эмоциональное самопредъявление, поведение, привлекающее внимание к своей личности присущи, прежде всего, женщинам [13]. Действительно, самоинтерес как компонент самоотношения, органично вписывается в самовосприятие женщины в целом. Общеизвестным фактом является то, что женщины в большей степени, нежели мужчины, склонны к самоанализу, рефлексии. Стремление женщин к самопознанию неизбежно приводит к высоким показателям по шкале самоинтереса в нашем исследовании.

Показатели самоуважения у мужчин несколько выше, чем у женщин. Вновь обращаясь к результатам исследования, приведенным выше, отметим, что, по мнению С. Р. Пантилеева, мужчины ориентированы на деятельность и склонны к объективизму: для них важны способность к достижению успеха и результативность. Кроме того, мужчин в большей степени отличает проявление социальной желательности [13]. В данном случае самоуважение объединяет утверждения, касающиеся «внутренней последовательности», «самопонимания», «самоуверенности». Эти компоненты самоотношения – контроль, самопоследовательность, самоуверенность – в большей степени свойственны мужчинам. Представление гендерной психологии о восприятии мужчинами своей личности по большей части сводится к сумме объективных компонентов, т.е. тех структур, которые можно проанализировать в действительности – успешность, уважение, социальная значимость и пр.

Одной из особенностей являются и более низкие показатели мужчин по шкалам, касающимся отношения других людей. Несмотря на то, что в группах мужчин и женщин показатели отношения и ожидаемого отношения других достаточно высоки, в выборке мужчин они ниже. Принято считать, что социальная желательность в большей степени свойственна женщинам, однако данные исследований последних лет позволяют опровергнуть это утверждение. Например, в работе А. В. Бочарова, посвященной оценке связей между агрессивностью, социальной желательностью в зависимости от пола и возраста,

достоверно установлено, что эффект социальной желательности присущ лишь мужчинам [14]. Этот факт противоположен сложившимся представлениям о гендерных ролях, но в настоящее время наблюдается тенденция сглаживания гендерных ролей. В нашем исследовании фактор социальной желательности не учитывался, поэтому, принимая во внимание теоретические предпосылки, отметим, что более низкие показатели мужчин по шкалам, касающимся отношения других, могут свидетельствовать о некоторой боязни переоценки ими отношения к ним других людей. Другими словами, мужчины, показывающие высокий уровень самоуважения, в своем представлении об отношении к ним других людей склонны к низким оценкам.

Проведем сравнительный анализ компонентов самооотношения в трех возрастных группах. Достоверные различия в двух выборках – между испытуемыми младшего и самого старшего поколений – были обнаружены по следующим шкалам: аутосимпатия ($t = 2,386$), самоинтерес ($t = 2,610$); самопоследовательность ($t = 3,862$). Данные результаты позволяют говорить о том, что с возрастом снижаются аутосимпатия и самоинтерес. Самопоследовательность как компонент самосознания, наоборот, повышается. Таким образом, юноши относятся с большим интересом к своей личности, однако уделяют недостаточное внимание самопоследовательности, в отличие от пожилых людей, которые предпочитают самоинтересу самопоследовательность.

Соотнесем полученные данные по методике самооотношения со шкалой готовности к риску. Корреляционные связи были обнаружены по следующим пунктам: глобальное самооотношение ($r = 0,250$); ожидаемое отношение других ($r = 0,393$); самоинтересы ($r = 0,296$); отношение других ($r = 0,430$); самопринятие ($r = 0,236$); самоинтерес ($r = 0,378$). Как видно из представленных данных, самооотношение и готовность к риску имеют прямые связи. Прежде всего отметим, что готовность к риску связана с самоинтересом. Как показывает наше исследование, те испытуемые, которые проявляют интерес к своей личности в большей степени, чем другие, оказываются более готовы к риску. Самоинтерес как качество личности отражает не только близость своим мыслям и чувствам, но и уверенность в своей интересности для других. Готовность к риску как бы вплетается в самоинтерес: человек, готовый к рискованному поступку и осознающий эту готовность, самому себе представляется интересной личностью. Примерно то же самое можно сказать и о связи готовности к риску с самопринятием. Самопринятие, или внутреннее ощущение гармонии отражает принятие, осно-

ванное на достаточно объективной оценке своих способностей. Объективная оценка своих возможностей в нашем случае представляется как фактор готовности к риску. Кроме того, высокие показатели взаимосвязи готовности к риску со шкалой глобального самооотношения позволяют говорить о действительно существующей связи между самооотношением и таким компонентом риска, как готовность. Интересен тот факт, что склонность к риску положительно коррелирует со шкалами самооотношения, касающимися отношения других. У испытуемых, высоко оценивающих отношение к ним со стороны других людей, высокие показатели склонности к риску. Уверенность в общественном принятии и одобрении, по результатам нашего исследования, является фактором склонности к риску.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что готовность к риску зависит от компонентного состава самооотношения. Высокие показатели по шкалам самооотношения предполагают более высокий уровень готовности к риску. Структура самооотношения испытуемых, принявших участие в нашем исследовании, выстроена в соответствии с иерархией его компонентов, предложенной авторами методики. Самоотношение отличается стройностью и полнотой, обнаружены некоторые гендерные отличия в описании компонентов: у женщин выше самоинтерес, у мужчин – самоуважение. В разных возрастных группах существуют различия в структуре самооотношения: молодому поколению более свойственны самоинтерес, старшему – самопоследовательность.

Список литературы

1. Кленова М. А. Самоактуализация личности и готовность к риску // Вестн. Ун-та (Государственный университет управления). 2011. № 6. С. 50–51.
2. Кленова М. А. Социально-психологическая адаптация молодежи и склонность к риску // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 79–82.
3. Кленова М. А. Личностная креативность и мотивация достижения как компоненты готовности к риску // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Акмеология образования. Психология развития. 2011. Т. 4, вып. 2. С. 69–72.
4. Ваганова А. Р. Экопсихологические характеристики процесса адаптации студентов первого курса к образовательной среде вуза // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Акмеология образования. Психология развития. 2011. Т. 4, вып. 2. С. 50–57.

5. Ваганова А. Р. Особенности конструирования жизненного поля как аспект личностного и профессионального самоопределения в юношеском возрасте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2008. Т. 1, вып. 1–2. С. 60–63.
6. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. 2-е изд. Минск, 2003. 976 с.
7. Моросанова В. И., Аронова Е. А. Саморегуляция и самосознание субъекта // Психологический журн. 2008. Т. 29, № 1. С. 14–22.
8. Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б., Мазур Е. С. Саморегуляция поведения в норме и патологии // Психологический журн. 1980. Т. 10, № 2. С. 122–131.
9. Селезнева Е. В. Самоотношение как акмеологический феномен // Мир психологии. 2008. № 4. С. 238–249.
10. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
11. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989. 215 с.
12. Кольшико А. М. Психология самоотношения. Гродно, 2004. 102 с.
13. Визгина А. В., Пантлеев С. Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопр. психологии. 2001. № 3. С. 91–100.
14. Бочаров А. В. Связь между эксплицитными и имплицитными оценками агрессивности : влияние пола, возраста, социальной желательности // Бюл. Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2007. № 3 (125). С. 41–45.
- for risk). *Vestnik Universiteta (GUU) (The Bulletin of University {State University of Management})*, 2011, no. 6, pp. 50–51.
2. Klenova M. A. Sotsialno-psihologicheskaya adaptatsiya molodezhi i sklonnost k risku (Social and psychological adaptation of youth and tendency to risk). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 3, pp. 79–82.
3. Klenova M. A. Lichnostnaya kreativnost i motivatsiya dostizheniya kak komponentyi gotovnosti k risku (Personal creativity and motivation of achievement as components of readiness for risk). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2011, vol. 4, iss. 2, pp. 69–72.
4. Vagapova A. R. Ekopsihologicheskie harakteristiki protsessa adaptatsii studentov pervogo kursa k obrazovatelnoy srede vuza (Ecopsychological characteristics of process of adaptation of first-year students to the educational environment of higher education institution). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2011, vol. 4, iss. 2, pp. 50–57.
5. Vagapova A. R. Osobennosti konstruirovaniya zhiznennogo polya kak aspekt lichnostnogo i professionalnogo samoopredeleniya v yunosheskom vozraste (Features of designing of a vital field as aspect of personal and professional self-determination at youthful age). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2008, vol. 1, iss. 1–2, pp. 60–63.
6. *Slovar psikhologa-praktika* (Dictionary of the expert psychologist). Sost. S. Yu. Golovin. 2-e ed. Minsk, 2003. 976 p.
7. Morosanova V. I., Aronova E. A. Samoregulyatsiya i samosoznanie subekta (Self-control and consciousness of the subject). *Psihologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 2008, vol. 29, no. 1, pp. 14–22.
8. Zeygarnik B. V., Holmogorova A. B., Mazur E. S. Samoregulyatsiya povedeniya v norme i patologii (Behavior self-control in norm and pathology). *Psihologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 1980, vol. 10, no. 2, pp. 122–131.
9. Selezneva E. V. Samootnoshenie kak akmeologicheskij fenomen (Self-relation as akmeologicheskij phenomenon). *Mir psihologii* (The World of Psychology), 2008, no. 4, pp. 238–249.
10. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* (Consciousness of the personality). Moscow, 1983. 284 p.
11. Sokolova E. T. *Samosoznanie i samoosenka pri anomalnykh lichnosti* (Consciousness and self-assessment at anomalies of the personality). Moscow, 1989. 215 p.
12. Kolyshko A. M. *Psikhologiya samootnosheniya* (Self-relation psychology). Grodno, 2004. 102 p.
13. Vizgina A. V., Pantileev S. R. Proyavlenie lichnostnykh osobennostey v samoopisaniyah muzhchin i zhenshin (Manifestation of personal features in self-descriptions of men and women). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psichologii), 2001, no. 3, pp. 91–100.

Self-relation as Factor of Readiness for Risk

M. A. Klenova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: milena_d@bk.ru

This article presents the analysis of interconnection between readiness to risk and self-relation. The self-relation structure is analyzed in three generations. The comparative analysis of expressiveness of components of the self-relation is given at men and women. Distinctions are established in an assessment of components of the self-relation depending on age of examinees: the young generation appreciates highly self-interest, elderly – self-sequence. Gender distinctions are established in an assessment of components of the self-relation. Men appreciate highly self-esteem, women – self-interest. Using of psychodiagnostic tools of «A self-relation questionnaire» (V. V. Stolin, R. S. Pantileev), «Readiness for risk» (G. Schubert) allowed to establish readiness for risk depends on such components of the self-relation as: global self-relation, relation of others, self-interest.

Key words: self-relation, readiness for risk, gender features.

References

1. Klenova M. A. Samoaktualizatsiya lichnosti i gotovnost k risku (Self-updating of the personality and readiness

14. Bocharov A. V. Svyaz mezhdru eksplitsitnyimi i implitsitnyimi otsenkami agressivnosti: vliyaniye pola, vozrasta, sotsialnoy zhelatel'nosti (Communication between explicit and implitsitny estimates of aggression: influence

of a sex, age, social desirability). Byulleten Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk (Bulletin of the Siberian Branch of Russian Academy of Medical Sciences), 2007, no. 3(125), pp. 41–45.

УДК 159.923.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ИНФОКОММУНИКАЦИИ

Костанова Любовь Юрьевна – ассистент кафедры психологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: tanya69@mail.ru 89054997650

В статье представлены данные исследования, направленного на выявление специфики интеграции психодинамических и личностных свойств в структуре интегральной индивидуальности старших школьников с различной степенью включенности в интернет-коммуникацию. В зависимости от степени включенности в процесс инфокоммуникации характер внутриуровневых и межуровневых связей в структуре индивидуальности старших школьников имеет существенные различия, которые определяют факторы актуализации адаптивных возможностей личности в условиях информатизации образования. Психолого-педагогическое сопровождение процесса информатизации образования должно обеспечивать актуализацию адаптивного потенциала в зависимости от уникальных психодинамических и личностных резервов школьников с разной степенью включенности в процесс инфокоммуникации.

Ключевые слова: структура интегральной индивидуальности, адаптационные возможности личности, субъект инфокоммуникации, психодинамические свойства индивидуальности.

Внедрение инфокоммуникационных технологий в образовательный процесс ставит перед педагогами и психологами современной школы задачу совершенствования системы психологического сопровождения процесса информатизации с целью развития субъектных свойств личности, способствующих актуализации интегративных адаптационных ресурсов личности.

Как считают Л. Н. Юрьева и Т. Ю. Больбот, «постепенно информационная среда приобретает характер базисной среды обитания для пользователя компьютером, а межличностные и социальные взаимодействия приобретают характер вторичных, а порою и малозначимых интеракций. То есть происходит смена среды обитания современного человека, сопровождающаяся трансформацией сознания, рационализацией психической деятельности, эмоциональным отчуждением, десоциализацией, деструктивными изменениями психики» [1,

с. 8]. Необходимо отметить, что подростки становятся все более активными пользователями сети Интернет и, как показывают данные современных исследований, аудиторией, наиболее подверженной личностным трансформациям в зависимости от степени погруженности в интернет-коммуникацию [2, 3].

Цель нашего исследования – изучение взаимосвязи разноуровневых показателей (на психодинамическом и личностном уровнях) в структуре интегральной индивидуальности старших школьников, обеспечивающих особенности актуализации интегративных показателей адаптивных возможностей личности с разным уровнем включенности в интернет-коммуникацию. С позиции теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина вклад биологически и социально детерминированных свойств личности в поведенческих проявлениях имеет многозначный характер. Именно наличие много-многозначных связей между показателями разных уровней интегральной индивидуальности определяет уникальное своеобразие проявления личности в деятельности, когда возникает возможность стать субъектом этой деятельности, проявляя созидательную активность и осуществляя саморазвитие многоуровневой системы – индивидуальности человека.

В старшем школьном возрасте субъектные свойства личности, определяющие достижение ею интегрального характера индивидуальности развиты недостаточно, хотя процесс их развития осуществляется непрерывно в условиях учебной и воспитательной деятельности институтов социализации. Современное образование создает новые вызовы личности, моделирует новую образовательную среду – инфокоммуникационную, привлекательную, открывающую массу возмож-

ностей для самореализации в познавательной и предметной деятельности, но при этом повышающую требования к самоорганизации, самоконтролю, самоограничению личности в новых для нее условиях. Личность, включенная в процесс инфокоммуникации, стоит перед выбором: погружение в новую привлекательную среду, где есть уникальные возможности по созданию новой идентичности, с отказом от имеющегося контактного взаимодействия, или сохранение реальной интеракции и развитие собственной идентичности, с использованием всех прогрессивных ресурсов инфокоммуникации. Решение задачи профилактики интернет-аддикции в таком ключе – задача современных психологических служб сферы образования.

Для изучения взаимосвязи показателей психодинамического и личностного уровней в структуре индивидуальности старших школьников применялись методы: опросник «Формально-динамические свойства В. М. Русалова» (для анализа использовались индексы актив-

ности в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах, а также индекс общей адаптивности) и многоуровневый личностный опросник (МЛЮ) «Адаптивность», разработанный А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным (использовались интегративные показатели – поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала, а также выраженность астенических и психотических реакций и состояний). Методика «Восприятие Интернета», разработанная Е. А. Щепиловой, позволила выявить две группы школьников – с высокой и низкой степенью включенности в процесс инфокоммуникации.

Исследование проводилось в 2013 г. на базе лицея № 15 г. Ставрополя, в исследовании приняли участие школьники в возрасте 14–16 лет в количестве 158 человек.

Рассмотрим данные корреляционного анализа показателей двух уровней в структуре индивидуальности у школьников с высокой степенью включенности в процесс инфокоммуникации (табл. 1).

Таблица 1

Внутриуровневые корреляционные связи показателей психодинамического и личностного уровней у старших школьников с высокой степенью включенности в инфокоммуникацию

Уровни интегральной индивидуальности	Показатели	Коэффициент корреляции при $p \leq 0,5$
Психодинамический Индекс интеллектуальной активности	Индекс: общей активности	0,57
	общей адаптивности	0,73
Личностный Поведенческая регуляция	Коммуникативный потенциал	0,65
	Астенические реакции и состояния	-0,67
	Психотические реакции и состояния	-0,82
Коммуникативный потенциал	Астенические реакции и состояния	-0,61
	Психотические реакции и состояния	-0,57
Астенические реакции и состояния	Психотические реакции и состояния	0,63

Как видно из приведенных данных (см. табл. 1), взаимосвязанными на психодинамическом уровне являются показатели интеллектуальной, общей активности и общей адаптивности. На личностном уровне выявлена следующая зависимость: при увеличении поведенческой регуляции у школьников с высоким уровнем включенности в интернет-коммуникацию увеличивается коммуникативный потенциал и уменьшается выраженность астенических и психотических реакций, в то время как при увеличении астенических реакций усиливается выраженность психотических проявлений личности.

Проанализируем данные межуровневых связей в структуре индивидуальности старших

школьников с высокой степенью включенности в инфокоммуникацию (табл. 2).

При наличии высоких показателей индекса психомоторной, интеллектуальной и общей активности, а также индекса общей психодинамической адаптивности у школьников данной группы проявляются большие возможности для осуществления поведенческой регуляции, при этом увеличение индекса коммуникативной активности приводит к увеличению коммуникативного потенциала. Увеличение показателей психомоторной и общей активности приводит к снижению астенических реакций и состояний (см. табл. 2).

Полученные данные позволяют говорить о наличии большого адаптационного потенциала

Таблица 2

Межуровневые корреляционные связи показателей психодинамического и личностного уровней у старших школьников с высокой степенью включенности в инфокоммуникацию

Показатели		Коэффициент корреляции при $p \leq 0,5$
Личностного уровня	Психодинамического уровня	
Поведенческая регуляция	Индекс психомоторной активности	0,71
	Индекс интеллектуальной активности	0,57
	Индекс общей активности	0,54
	Индекс общей адаптивности	0,84
Коммуникативный потенциал	Индекс коммуникативной активности	0,76
	Индекс общей активности	0,59
	Индекс общей адаптивности	0,62
Астенические реакции и состояния	Индекс психомоторной активности	-0,67
	Индекс общей активности	-0,79
	Индекс общей адаптивности	-0,55

у школьников с высокой степенью погруженности в процесс инфокоммуникации, так как их увлеченность интернет-коммуникацией базируется на развитых, биологически детерминированных особенностях, обеспечивающих высокие показатели психомоторной, интеллектуальной и общей активности, но при этом снижение способности к поведенческой регуляции

и слабый коммуникативный потенциал могут приводить к астеническим и психотическим состояниям и реакциям.

Для сравнения приведены данные изучения внутриуровневых и межуровневых показателей в структуре индивидуальности школьников с низкой степенью погруженности в интернет-коммуникацию (табл. 3).

Таблица 3

Внутриуровневые и межуровневые корреляционные связи показателей интегральной индивидуальности старших школьников с низким уровнем включенности в инфокоммуникацию

Уровни интегральной индивидуальности	Показатели	Коэффициент корреляции при $p \leq 0,5$
Психодинамический Индекс психомоторной активности	Индексы: общей активности	0,64
	интеллектуальной активности	0,75
	коммуникативной активности	0,53
	общей эмоциональности	-0,87
	общей адаптивности	0,85
Индекс интеллектуальной активности	Индексы: общей активности	0,65
	общей адаптивности	0,58
Личностный Поведенческая регуляция	Индексы: психомоторной активности	0,68
	коммуникативной активности	0,78
	общей активности	0,80
	общей эмоциональности	-0,79
	общей адаптивности	0,65
Астенические реакции и состояния	Индексы: психомоторной активности	-0,62
	коммуникативной активности	-0,68
	общей активности	-0,76
	общей эмоциональности	0,64
	общей адаптивности	-0,72

Количество внутриуровневых связей на психодинамическом уровне в данной выборке, по сравнению с предыдущей, существенно больше (3 и 9 соответственно), что говорит о большей плотности корреляционных зависимостей, обеспечивающих детерминацию психодинамической адаптивности личности.

В отличие от первой выборки у школьников данной группы ярко выраженными являются такие показатели, как: индекс коммуникативной активности, имеющий положительную корреляционную зависимость с индексом психомоторной активности, и индекс общей эмоциональности, имеющий отрицательные корреляционные связи с индексом психомоторной и общей активности, т.е. при увеличении эмоциональности снижается выраженность психомоторной и общей активности личности.

Характер межуровневых связей показал, что у школьников с низкой включенностью в интернет-коммуникацию способность к поведенческой регуляции уменьшается по мере взросления эмоциональной активности, при этом появляется риск возникновения астенических реакций и состояний при одновременном снижении показателей психомоторной, коммуникативной, общей активности и общей адаптивности. Склонности к проявлению психотических реакций и состояний у школьников данной подгруппы не были выявлены.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. В зависимости от степени включенности в процесс инфокоммуникации характер внутриуровневых и межуровневых связей в структуре индивидуальности старших школьников различается.

2. Адаптивные возможности личности, предпочитающей интернет-коммуникацию, обеспечиваются высокими показателями психодинамической активности и могут быть повышены за счет развития способности к саморегуляции поведения и коммуникативного потенциала с целью профилактики возникновения астенических, психотических реакций и интернет-аддикции.

3. Школьники с низкой включенностью в интернет-коммуникацию демонстрируют наличие более разнообразных взаимно-однозначных межуровневых связей в структуре психодинамического уровня индивидуальности, обеспечивающих большую возможность к сопротивлению социальному и информационному стрессу. При этом обнаруживается, что повышение психодинамической эмоциональности может быть связано с уменьшением способно-

сти к поведенческой регуляции и увеличению вероятности развития астенических реакций и состояний.

4. Психолого-педагогическое сопровождение процесса информатизации образования должно строиться с учетом выявленных особенностей взаимодействия разноуровневых показателей в структуре индивидуальности и способствовать актуализации адаптивного потенциала с опорой на уникальные психодинамические и личностные резервы школьников с разной степенью включенности в процесс инфокоммуникации.

Список литературы

1. Юрьева Л. Н., Болбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск, 2006. 196 с.
2. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Тр. по социологии образования. 2000. Т. 5, вып. 7. С. 34–40.
3. Наумова Т. А. Образ «Я» интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007. 18 с.

Personal Relationship and Psychodynamic Indicators Adaptability in the Structure of the Individuality of the Subject of Infocommunication

L. Yu. Kostanova

North Caucasus Federal University
186, Otyabrskaya, Stavropol, 355000, Russia
E-mail: tanya69@mail.ru

This article presents data from a study aimed at identifying the specifics of the integration of psychodynamic and personal properties in the structure of integral individuality older students with varying degrees of involvement in online communication. Depending on the degree of involvement in the process Infocommunication character of intra and inter-layer connections in the structure of personality older students has significant differences that define the factors update the adaptive capabilities of the individual in terms of education informatization. Psycho-pedagogical support of the process of informatization of education should ensure actualization of adaptive capacity, depending on the unique psychodynamic and personal allowance students with varying degrees of involvement in the process of information communications.

Key words: structure of integrated identity, adaptation possibilities of the personality, subject of an infokommunikation, psychodynamic properties of identity.

References

1. Yuryeva L. N., Bolbot T. Yu. *Kompyuternaya zavisimost: formirovaniye, diagnostika, korrektsiya i profilak-*

tika (Computer addiction: the formation, diagnostics, correction and prevention). Dnepropetrovsk, 2006. 196 p.

- Zhichkina A. E., Belinskaya Ye. P. *Samoprezentatsiya v virtualnoy kommunikatsii i osobennosti identichnosti podrostkov-polzovateley Interneta* (Self-presentation in virtual communication and identity of adolescents especially users Internet). *Trudy po sotsiologii obrazovaniya* (Education and information culture. Sociological as-

pects. Works on the sociology of education), Moscow, 2000, vol. 5, iss. 7, pp. 34–40.

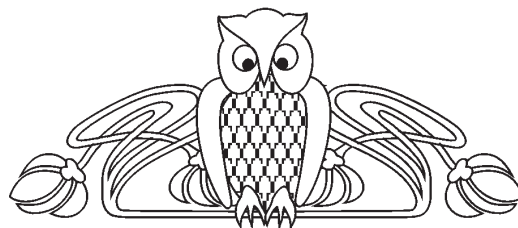
- Naumova T. A. *Obraz «Ya» Internet-zavisimykh i Internet-nezavisimykh sotsialnykh agentov v virtualnom prostranstve*: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (The image of the «I» Internet-dependent and independent Internet social agents in virtual space: author's abstract of dissertation of candidate of psychological sciences). Yaroslavl, 2007. 18 p.

УДК 159.99 + 343.953 + 316.62

ГЕНЕЗИС ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Романова Наталья Михайловна –

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

В статье рассматривается проблема генезиса вовлечения личности в криминальную деятельность. Проблема анализируется в связи с характером субъектности криминального деликта (индивидуальное либо групповое преступление); выделены индивидуальные и групповые разновидности генезиса. Для индивидуальных преступлений: а) реализация сформировавшейся в процессе личностного развития криминальной жизненной программы; б) отреагирование интенсивного источника психического напряжения (внутриличностного конфликта, стресса, фрустрации); в) переструктурирование, переоценка личностью ценностных оснований психики; г) разрешение когнитивного диссонанса личности. Для групповых преступлений: а) реализация актуальных базовых психологических потребностей личности посредством групповой принадлежности; б) несформированность навыков противостояния группе; в) функционирование личности в зоне социальных практик криминального доминирования; г) результат взаимодействия в системе личность – малая социальная группа.

Ключевые слова: генезис, вовлечение, криминальная деятельность, субъектность преступления.

Преступность – одна из наиболее значимых социальных проблем современности. Фактор интенсивных социальных трансформаций является одним из детерминантов высокого уровня и темпов прироста преступности в современном обществе. Применительно к анализу человеческого поведения это означает, что все большее количество людей выбирает в качестве способа достижения своих целей криминальный. Расширение побудительных и смысловых оснований криминального поведения является одной из

причин вовлечения в преступную деятельность людей с самыми разными психологическими, социальными и правовыми характеристиками.

Важным в понимании психологических оснований приобщения личности к преступности является познание генезиса вовлечения личности в криминальную деятельность. В переводе с греческого генезис (genesis) означает происхождение, возникновение. Исследование генезиса предполагает поиск закономерностей зарождения, развития и становления некоего явления. Исходя из этого, исследование генезиса вовлечения личности в криминальную деятельность предполагает изучение динамики этого явления: истории формирования криминального поведения и особенностей приобщения личности к ней. Раскрытие, решение данной проблемы поможет ответить на вопрос, как и почему преступное поведение становится привлекательным для личности.

Понятие «вовлечение личности в криминальную деятельность» понимается нами как приобщение субъекта к преступному поведению в форме возникновения преступного намерения и последующего совершения преступления. Следует отметить, что онтологический статус понятия «вовлечение» является недостаточно определенным в науке. Наиболее исследовано это понятие в области права, где вовлечение понимается как физическое либо психическое

влияние, направленное со стороны вовлекающего на убеждения вовлекаемого [1–7]. В психологической науке понятие «вовлечение» используется лишь в отдельных исследованиях [8–11]. Между тем, на наш взгляд, это понятие является подходящим конструктом для решения проблемы выявления социально-психологических механизмов криминального поведения личности в современном мире и объяснения наблюдающегося в современном российском обществе феномена расширения социальной базы преступности.

Следует отметить, что научные изыскания проблемы вовлечения личности в совершение преступления, выполненные исследователями в правовом контексте, традиционно касаются только одной возрастной группы – несовершеннолетних. Однако, как нам представляется, область изучения проблемы вовлечения является более широкой в плане объекта исследования.

Как показывает практика, не только несовершеннолетние (подростки) в силу недостаточной зрелости их психической сферы становятся объектами вовлечения, но и представители других возрастных групп. Речь идет, прежде всего, о молодежи, юношестве, а также о морально неустойчивых, латентно криминальных лицах зрелого возраста. На наш взгляд, податливость, чувствительность человека к вовлекающим стимулам связана не только, а в некоторых случаях и не столько с возрастом, сколько с особенностями личности (морально-правовой, эмоциональной, регулятивной ее сферами). Мы считаем, что вовлечение в преступление может иметь в качестве детерминант внешние, внутренние либо комплексные (содержащие и те, и другие) источники. В первом случае речь идет о наличии внешней силы – «вовлекателя» (отдельной личности или группы), оказывающей целенаправленное воздействие на личность вовлекаемого. Внешняя сила представлена конкретными действиями «вовлекателя»: психологическим давлением, психологическим насилием, принуждением, «затягиванием», «соблазнением», манипуляциями. «Вовлекатель» регулирует и направляет поведение вовлекаемого.

Результатом действий «вовлекателя» является «затягивание» вовлекаемого в «криминальное поле», приобщение последнего к совершению преступления. В качестве субъекта вовлечения («вовлекателя») может выступать отдельная личность либо группа, при этом вовлекаемый приобщается к преступлению либо стихийно (на эмоциональной основе), либо рационально, вследствие сознательного принятия криминальной идеи, транслированной со стороны субъекта вовлечения.

При наличии внутренней детерминанты вовлечение личности в криминальную деятельность происходит посредством самомотивации, самодетерминации. В этом случае субъект автономен, он самостоятельно принимает решение о совершении преступления, рассматривая преступный способ в качестве наиболее приемлемого, привлекательного с точки зрения достижения поставленных целей. У него возникает намерение совершить преступление. При этом криминальная норма – возможность и допустимость достижения цели преступным способом – становится для человека внутренней ценностью, а преступное поведение – его жизненным выбором.

Комплексные (содержащие как внутренние, так и внешние) источники детерминации представлены вариантом взаимодействия в системе личность – малая социальная группа. Речь идет об асоциальной группе, постепенно «продвигающейся» к криминальности от совершения мелких правонарушений до серьезных преступлений. Взаимодействия членов такой общности строятся на эмоциональной основе: в группе доминируют отношения привязанности, дружбы, взаимной личностной привлекательности. Между ее членами есть взаимопонимание, учет мотивов и целей действий своих товарищей и идентификация с ними. Криминальное вовлечение личности внутри такой группы является следствием социально-психологических процессов, происходящих в ней. Каждый член группы «впитывает» криминальные идеи, и постепенно они становятся частью его собственной личности.

Первые правонарушения могут выполнять функцию социальных «проб», своеобразных рискованных «игр», поисков себя. «Заражение» криминальными идеями, приобщение к криминальным поступкам происходит постепенно. В процессе совместного времяпрепровождения, общего досуга (совместный просмотр фильмов с криминальной тематикой, их обсуждение, зарождение и обсуждение криминальных идей, намерений и целей) члены группы осуществляют криминальное «продвижение». На момент совершения деликта каждый из членов группы демонстрирует готовность к своему участию в нем.

Рассмотрим понятие «вовлечение» с точки зрения научных подходов, используемых в психологии. Функциональный подход [12–13] сосредоточивается на активности личности. В этом случае функция вовлечения может быть рассмотрена как активность двух видов: а) активность вовлекающего субъекта, приобщающего вовлекаемого к криминальному поведению; б) ответная активность объекта вовлечения благодаря активным действиям вовлекателя, выра-

женная в форме возникновения криминального намерения и последующего совершения преступления. При этом содержание компонентов активности вовлекающего и вовлекаемого будет отличаться: активность вовлекающего первична, она контролируется сознанием и регулируется его волей. Активность вовлекаемого вторична – она является реакцией на действия субъекта вовлечения. Вовлекаемый может осознавать факт вовлечения в криминальную ситуацию, но может и не осознавать (в случае, когда вовлекающий использует особо изощренные способы вовлечения, например, внушение или манипуляцию). В случае осознания воля вовлекаемого остается активной, и он может контролировать собственное поведение. В противном случае факт наличия вовлечения может остаться незамеченным.

С точки зрения процессуального подхода [14–18] психическое представляет собой не только результат, но и процесс. Применение процессуального подхода к действию вовлечения позволяет рассмотреть этот феномен одновременно и как *процесс*, имеющий свою последовательность, продолжительность и развивающийся во времени, и как *результат* действия этого процесса.

Именно в процессе реализации действия вовлечения: 1) создаются подходящие психологические условия для его осуществления (с точки зрения целей вовлекающего); 2) вовлекающий осуществляет «проникновение» в психическую сферу вовлекаемого и частично или полностью «захватывает» ее, направляя сознание и волю в определенное русло, способствуя формированию у вовлекаемого криминальных намерений; 3) в личности объекта вовлечения формируется новое психологическое образование – намерение совершить преступление; 4) возникает специфический психологический продукт их взаимодействия (результат) в виде приобщения вовлекаемого к криминальной деятельности.

Одним из условий реализации действия вовлечения как процесса является потенциальная способность психики человека к изменчивости. В этом процессе можно выделить динамические (скорость «продвижения» – формирования криминальных намерений и криминального реагирования – интенсивность) и субъективные параметры (эмоциональное отношение личности к факту вовлечения в преступление, готовность к совершению преступлений). Результативной стороной вовлечения личности в криминальную деятельность являются вовлеченность в нее разной степени выраженности. В этой связи целесообразно выделить такие параметры вовлечения, как глубина, активность и обратимость. Первая отражает степень проникновения криминально-

сти в личность вовлекаемого. Вторая проявляется в инициативной, деятельной, субъектной стороне криминальной самореализации личности. Под обратимостью мы понимаем возможность психологического «возвращения» субъекта к установкам законопослушной личности и возвращение в исходное дискретное состояние его ценностно-нормативной и психолого-правовой сферы (потенциально такая возможность имеется у каждого преступника).

Вовлечение как процесс классифицируется нами по психологическому основанию: эмоциональное, рациональное, социально опосредованное. В основу классификации положено представление о том компоненте (сфере) психического, который «ответственен» за вовлечение личности в преступление.

Эмоциональное вовлечение в преступление может быть в определенном смысле «вынужденным» для некоторых личностей в особых, психотравмирующих ситуациях в связи с невозможностью регулировать и контролировать переживаемые ею эмоции. Речь идет о тех случаях, когда субъект не может контролировать негативные эмоции, противостоять им (эмоции «захлестывают»).

Эмоциональное вовлечение может быть результатом некритического восприятия ситуации. Особенно актуально это для молодых людей: в силу возрастных особенностей их несложно вовлечь, вдохновить (призывом, примером) в эмоционально насыщенную, связанную с легкостью удовлетворения желаний и потребностей деятельность, в том числе и криминального характера. В условиях группового эффекта у молодых людей повышаются энтузиазм, оптимизм, желание рискнуть, возрастает уверенность в безнаказанности деяния у каждого из участников.

Рациональное вовлечение личности в криминальную деятельность происходит под влиянием логических умозаключений, осмысления преступником ситуации, когнитивной переработки связанной с совершением преступления информации. Рациональное вовлечение может быть реализовано в следующих случаях: 1) вследствие отреагирования сформировавшейся в течение предшествующей жизни (в связи с особенностями социализации, воспитания, социальных влияний и специфики жизненного опыта) криминальной направленности личности; 2) в результате постепенного «продвижения» личности в направлении криминальной самореализации.

Социально опосредованное вовлечение является следствием аффилиативной привязанности вовлекаемого к значимому социальному объекту. Вовлекаемый дает ответную реакцию в форме приобщения к преступлению в связи с апелля-

цией «вовлекателя» к «благородным» мотивам: любви, дружбы, социальной ответственности, сострадания, помощи. При этом вовлекатель доминирует, искушает, а вовлекаемый демонстрирует уступчивость, конформность.

Таким образом, вовлечение личности в криминальную деятельность рассматривается нами в контексте характера субъектности криминального деяния (действие внешней/внутренней детерминанты, индивидуальное/ групповое преступление). В связи с этим мы можем выделить индивидуальные и групповые разновидности генезиса вовлечения личности в преступление.

Применительно к индивидуальным преступлениям мы выделили следующие классы индивидуальной разновидности генезиса вовлечения личности в криминальную деятельность: а) актуализация (реализация) сформировавшейся в процессе личностного развития криминальной жизненной программы субъекта преступления; б) отреагирование личностью интенсивного источника психического напряжения (внутриличностного конфликта, стресса, фрустрации), в принятии решения субъект руководствуется эмоциями; в) переоценка ценностных оснований личности, пересмотр системы своих жизненных целей и ценностей в пользу криминальных; г) разрешение личностью когнитивного диссонанса, связанного с проблемой приемлемости – неприемлемости криминальных форм поведения.

Применительно к групповым преступлениям выделяются классы групповой разновидности генезиса вовлечения личности в криминальную деятельность: а) реализация актуальных базовых психологических потребностей личности – в групповой принадлежности, эмоциональном принятии, уважении; б) подверженность личности влиянию группы, несформированность навыков противостояния ей вследствие доминирования конформности; в) функционирование («погружение», существование) личности в зоне социальных практик криминального доминирования и, как следствие, её постепенное «растворение» в криминальной среде; г) результат взаимодействия в системе личность – малая социальная группа.

Таким образом, вовлечение личности в преступную деятельность может осуществляться как под влиянием других (человека или группы), так и под влиянием процессов самодетерминации, обусловленных её активностью. В первом случае речь идет о «затягивании» вовлекаемого, приобщении его к преступному поведению путем оказания на него психологического или иного, физического воздействия, например, со стороны вовлекателя. Действия вовлекателя направлены на сознание, эмоции и волю вовлекаемого. Ре-

зультатом деятельности вовлекателя является возникновение у объекта вовлечения представления о преимуществах, необходимости, ценности и желательности криминального поведения. У вовлекаемого возникает намерение приобщиться к преступлению, вовлекатель в данном случае является субъектом, а вовлекаемый – объектом такого воздействия. Следствием деятельности вовлекателя является формирование у вовлекаемого особого психологического образования – вовлеченности (разной степени выраженности) в криминальную деятельность.

Во втором случае речь идет о самововлечении – процессе, предполагающем самодетерминацию криминального поведения субъекта. Значение использования местоимения «сам» – указать направленность действий на того, кто их осуществляет: в данном случае человек одновременно выступает в роли и субъекта, и объекта вовлечения. Результатом самововлечения является формирование у человека криминальной установки и намерения совершить преступление.

Возможность вовлечения в криминальную деятельность зависит от разных причин и факторов, связанных с особенностями конкретной ситуации и личности вовлекаемого. В структуре личности важны особенности развития ценностно-нормативной, морально-нравственной и правовой сфер, а также степень удовлетворения значимых мотивов и потребностей, при этом есть различающиеся социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность применительно к разным группам преступников.

Таким образом, генезис вовлечения личности в криминальную деятельность рассматривается нами как детерминированный характером субъектности криминального деликта; разновидности генезиса классифицированы в соответствии с характером совершенного преступления – индивидуального либо группового.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Социально-психологические механизмы вовлечения личности в криминальную деятельность в анонимном российском обществе» (грант № 13-06-00491).

Список литературы

1. Арсланбекова Р. А. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией (Уголовно-правовые и криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. 192 с.
2. Билык Л. Н. Криминологическое исследование вовлечения рецидивистами несовершеннолетних в

преступную деятельность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.

3. Жилина Н. Ю. Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств : уголовно-правовой и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 22 с.
4. Косова Н. Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и (или) иных антиобщественных действий : уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 26 с.
5. Кошевой И. О. Особенности вовлечения подростков в террористическую деятельность // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 1. С. 99–103.
6. Мировский Э. Л. Криминологическое исследование социально отклоняющегося поведения несовершеннолетних и обеспечение их безопасности от криминального влияния и вовлечения в преступную деятельность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.
7. Николаева Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 62 с.
8. Бархаев А. Б. Социально-психологические условия вовлечения волонтеров в деятельность общественных организаций // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психологические науки. 2009. Т. 1, № 3. С. 79–87.
9. Зинченко Ю. П. Методологический анализ причин и условий, способствующих вовлечению в террористическую деятельность // Материалы Четвертой междунар. науч. конф. по проблемам безопасности и противодействия терроризму (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г.). М., 2009. С. 381–388.
10. Маслюк О. Н. Технология вовлечения подростков в социально значимую деятельность // Мир психологии. 2007. № 4. С. 99–109.
11. Романов А. В. Психологические причины вовлечения в деструктивные религиозные культы // Журнал практического психолога. 2000. № 1–2. С. 35–39.
12. Джеймс У. Психология / под ред. Л. А. Петровской. М., 1991. 368 с.
13. Пастушеня А. Н. Системно-функциональный подход к личности в психологии // Психологический журн. 2004. № 1(1), С. 44–51.
14. Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973. 288 с.
15. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избр. психол. тр. М. ; Воронеж, 1999. 224 с.
16. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журн. 1991. Т. 12, № 6. С. 3–11.
17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. 720 с.
18. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. 354 с.

Genesis of the Involvement of the Person in Criminal Activity

N. M. Romanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

In article is considered the problem of genesis of involvement of the person in criminal activity. Genesis of involvement is considered in link with character of subjectivity of the criminal delict (an individual or group crime). Individual and group kinds of genesis of involvement of the person in criminal activity are allocated. For individual crimes: a) implementation of the criminal biotic program created in the course of personal development; b) reaction of an intensive source of mental tension (interpersonal conflict, stress, frustration); c) restructuring, revaluation by the person of the valuable bases of mentality; d) permission of a cognitive dissonance of the person. For group crimes: a) realization of actual basic psychological needs of the person by means of group accessory; b) not formation at the person of skills of opposition to group; c) functioning of the person in a zone of a social practice of criminal dominance; d) result of the interaction in the system identity (person) – small social group.

Key words: genesis, involvement, criminal activity, subject of crime.

References

1. Arslanbekova R. A. *Vovlecheniye v zanyatiye prostitutsiyey i organizatsiya zanyatiya prostitutsiyey* (Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy): dis. ... cand. jurid. nauk (Involvement in prostitution and organizing prostitution {Criminally-legal and criminological problems}: Dissertation of the candidate of legal sciences). Makhachkala, 2004. 192 p.
2. Bilyk L. N. *Kriminologicheskoye issledovaniye vovlecheniya retsidivistami nesovershennoletnikh v prestupnyuyu deyatelnost*: dis. ... cand. jurid. nauk (Criminological research involving recidivist minors in criminal activity: Dissertation of the candidate of legal sciences). Moscow, 2005. 195 p.
3. Zhilina N. Yu. *Vovlecheniye nesovershennoletnikh v nezakonnyy oborot narkoticheskikh sredstv: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiye aspekty*: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk (Involvement of minors in drug trafficking: criminally-legal and criminological aspects: The abstract of the candidate of legal sciences). Tambov, 2009. 22 p.
4. Kosova N. N. *Vovlecheniye nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy i (ili) inykh antiobshchestvennykh deystviy: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiye aspekty*: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk (Involvement of minors in crimes and (or) other anti-social activities: criminal and criminological aspects: The abstract of the candidate of legal sciences). Yekaterinburg, 2002. 26 p.
5. Koshevoy I. O. *Osobennosti vovlecheniya podrostkov v terroristicheskuyu deyatelnost* (Features involving teenagers in terrorist activities). *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* (Laws of Russia: experience, analysis, practice), 2010, no. 1, pp. 99–103.

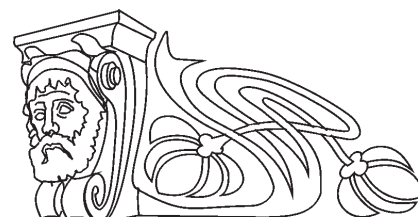
6. Mirovskiy E. L. Kriminologicheskoye issledovaniye sotsialno otklonayayushchegosya povedeniya nesovershennoletnikh i obespecheniye ikh bezopasnosti ot kriminalnogo vliyaniya i вовлечениya v prestupnyuyu deyatel'nost': dis. ... cand. jurid. nauk (Criminological research socially deviant behavior of minors and to ensure their safety from criminal influence and involvement in criminal activity: Dissertation of the candidate of legal sciences). Moscow, 2005. 195 p.
7. Nikolayeva Yu. V. Differentsiatsiya otvetstvennosti za posyagatel'stva na interesy nesovershennoletnikh v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk (Differentiation of responsibility for attacks on the interests of juveniles in the criminal law of Russia: The abstract of the dissertation of the doctor of legal sciences). Moscow, 2012. 62 p.
8. Barkhayev A. B. Sotsialno-psikhologicheskkiye usloviya вовлечениya volonterov v deyatel'nost obshchestvennykh organizatsiy (Socio-psychological conditions involving volunteers in the activities of public organizations). *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser. Psikhologicheskkiye nauki* (Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. Psychological Science), 2009, vol. 1, no. 3, pp. 79–87.
9. Zinchenko Yu. P. Metodologicheskii analiz prichin i usloviy, sposobstvuyushchikh вовлечениyu v terroristicheskuyu deyatel'nost (Methodological analysis of the causes and conditions conducive to involvement in terrorist activity). *Materialy Chetvertoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeystviya terrorizmu. Moskovskiy gos. un-t im. M. V. Lomonosova. 30–31 October 2008*. Moscow, 2009, pp. 381–388.
10. Maslyuk O. N. Tekhnologiya вовлечениya podrostkov v sotsialno znachimuyu deyatel'nost (Technology involving adolescents in socially meaningful activities). *Mir psikhologii* (World of Psychology), 2007, no. 4, pp. 99–109.
11. Romanov A. V. Psikhologicheskkiye prichiny вовлечениya v destruktivnyye religioznyye kulty (Psychological reasons for involvement in causes destructive religious cults). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* (Journal of Practical Psychology), 2000, no. 1–2, pp. 35–39.
12. James W. *Psychology: The Briefer Course*. New York, 2001. 343 p. (Russ. ed.: U. Dzheyms. *Psikhologiya* / ed. L. A. Petrovskaya. Moscow, 1991. 368 p.).
13. Pastushenya A. N. Sistemno-funktsionalnyy podkhod k lichnosti v psikhologii. *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2004, no. 1 (1), pp. 44–51.
14. Abulkhanova K. A. *O subyekte psikhicheskoy deyatel'nosti* (About the subject of mental activity). Moscow, 1973. 288 p.
15. Abulkhanova K. A. *Psikhologiya i soznaniye lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya realnoy lichnosti): izbr. psikhol. tr.* (Psychology and consciousness of the person {Problems of methodology, theory and research on the real person}: selected psychological works). Moscow; Voronezh, 1999. 224 p.
16. Brushlinskiy A. V. Problema subyekta v psikhologicheskoy nauke (statya pervaya) (Problem of the subject in psychological science (first article)). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 1991, vol. 12, no. 6, pp. 3–11.
17. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* (Fundamentals of general psychology). St.-Petersburg, 2002. 720 p.
18. Rubinshteyn S. L. *Printsipy i puti razvitiya psikhologii* (Principles and the development of psychology). Moscow, 1959. 354 p.

УДК 159.9:316.6

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ТИПОВ ПРОФЕССИЙ

Семёнова Елена Михайловна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: sem-elen@bk.ru

В статье рассматривается толерантность специалистов разных профессиональных групп как элемент общего конструктивного профессионального развития субъекта труда. Целью работы было уточнить определение толерантности, конкретизировать ее психологическое содержание относительно разных сфер профессиональной деятельности, выявить релевантные психологические характеристики личности, обеспечивающие высокий, средний или низкий уровень ее проявления. Исследование базируется на системогенетическом подходе к становлению личности

профессионала. Предметом изучения явилось психологическое содержание толерантности у представителей разных типов профессиональной деятельности. В работе использовались опросные психодиагностические методы, позволяющие осуществить диагностику детерминант толерантности как системообразующего личностного качества. Результаты исследования могут использоваться в процессе профессиональной подготовки и психологического сопровождения специалистов рассматриваемых сфер деятельности.

Ключевые слова: толерантность, типы профессий, профессиональное развитие, профессиональные деформации, специалист, становление личности профессионала, профессионально важные качества.

Процесс профессионального становления предполагает не только трансформацию внутренних характеристик личности под влиянием профессии, но и ее приспособление к факторам профессиональной среды. В структуре профессионального развития выделяют прогрессивные и регрессивные тенденции. Модель прогрессивного профессионального развития характеризует конструктивный путь личности в профессии: например, профессиональное развитие может представлять собой постепенный рост профессионализма. В рамках деструктивного направления могут быть выделены такие формы профессионального развития, которые сопровождаются психическим выгоранием, хронической усталостью, негативными изменениями личности, разрушением сформированных профессиональных качеств, появлением стереотипов профессионального поведения и рядом других феноменов [1, 2]. Профессиональная стагнация характеризуется резким снижением показателей здоровья (невротизацией, психосоматическими заболеваниями и др.), что обусловлено доминирующим чувством профессиональной неудовлетворенности.

Установлено, что профессиональным деятелям чаще всего подвержены представители социомических профессий, предполагающих работу с людьми и оказание им помощи [1]. Однако специалисты и других сфер профессиональной деятельности (реалистического, конвенционального, исследовательского и других типов по Дж. Голланду) должны быть подготовлены не только в «техническом», но и в личностном, «человеческом» плане. В любой сфере деятельности возможны «непредвиденные» ситуации, ставящие в тупик профессионала. Даже если специалисты работают с символами, цифрами, формулами, это взаимодействие происходит на уровне отношений «человек – человек», т.е. они также должны быть толерантны к людям (например, потенциальным заказчикам).

Выявлено, что существуют качества личности, которые способствуют проявлению психологической устойчивости специалиста к негативным явлениям профессионального развития, они затрудняют возникновение профессиональных деструкций: одним из таких качеств является толерантность. Она жизненно необходима любому специалисту и, возможно, имеет специфическое психологическое содержание, проявления и развитие в разных типах профессий. Это качество личности является компетентностным основа-

нием для целой серии профессий, необходимой основой конструктивного профессионального развития специалиста.

Несмотря на все многообразие подходов, исследующих феномен толерантности, еще остается недостаточно изученным психологическое содержание толерантности, нет её однозначного определения.

Концепции и подходы определения толерантности, представленные в научных работах, разнообразны. Толерантность определяется как терпимость в диалоге с другим, характеристика ценностной сферы личности, снижение эмоциональной чувствительности, установка, нравственная устойчивость, способность организма к адаптации, психологическая устойчивость и др. Рассматривая всё многообразие форм и проявлений толерантности, можно заключить, что её психологическое содержание не сводится к отдельному свойству – это сложный феномен, представленный несколькими базовыми, фундаментальными «измерениями». Интегральность толерантности была отмечена еще в пятидесятые годы Г. Олпортом, считавшим, что эта характеристика – совокупность многих сил, действующих в личности в одном направлении: темперамента, социальной среды и воспитания в семье, приобретенного опыта, социокультурных факторов [3, с. 288]. Это свидетельствует о том, что толерантность невозможно изучить в одном измерении, поэтому необходимо выявить основные, фундаментальные измерения, которые позволят в дальнейшем определить приоритетные направления её развития.

Существуют широкое и узкое понимание этого феномена. Второе предлагается в естественных науках (иммунологии, фармакологии, биологии), где толерантность интерпретируется как адаптация организма к факторам внешней среды, а её наличие выражается в ослаблении иммунологического ответа на какое-либо воздействие при сохранении гомеостаза. Толерантность с точки зрения психофизиологического подхода рассматривается как ослабленное реагирование на неблагоприятные факторы внешней среды за счет низкой чувствительности к ним. Внешне это проявляется в выносливости организма, устойчивости к неблагоприятным воздействиям без снижения адаптационных возможностей к воздействию [4, с. 401].

В психологии личности толерантность рассматривается как интегральная личностная характеристика, определяющая способность в сложных ситуациях успешно адаптироваться к внешней среде, активно с ней взаимодействовать и развивать позитивные взаимоотношения с окружающим миром [5, с. 64]. Личностный компонент по отношению ко всем другим со-

ставляющим толерантности рассматривается как «системообразующий фактор», способствующий интеграции и регулированию действия всех других психологических, её составляющих. Толерантная личность противопоставляется с интолерантной [6–8].

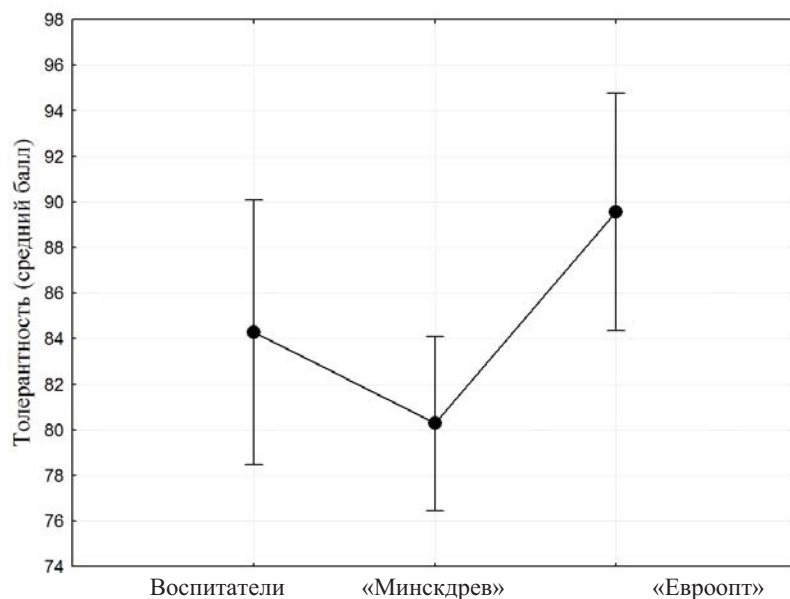
На сегодняшний день существует множество исследований, раскрывающих понятие толерантности: оно изучается в менеджменте, педагогике, медицине. В немногочисленных исследованиях профессиональной толерантности ее понимают как совокупность проявлений, характерных для специалиста – компетентного профессионала [7–11]. Закономерно предположить, что психологическое содержание и проявления толерантности у специалистов в разных профессиональных областях будут меняться.

В нашем исследовании толерантность рассматривается в структуре профессионально важных качеств специалистов разных типов профессий как элемент общего конструктивного профессионального развития человека. Базируясь на основных положениях концепции ориентации личности на определенную профессиональную среду Дж. Голланда, мы провели исследование психологического содержания профессиональной толерантности в разных (противоположных) видах профессиональной деятельности: реалистический (сотрудники ООО «Минск-древ»), социальный (воспитатели дошкольных образовательных учреждений), предпринимательский (менеджеры в сети магазинов «Евроопт»).

Согласно теоретическому конструкту, исследование толерантности специалистов разных видов профессий осуществлялось по следующим

показателям: общий уровень толерантности личности (экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаевой, Л. А. Шайгеровой); индивидуальная степень выраженности способности к самоанализу и пониманию своего состояния, а также способности к пониманию действий и поступков других людей («Методика оценки рефлексивности» А. В. Карпова); уровень интернальности («Опросник уровня субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда); пять базовых личностных характеристик: экстраверсия, нейротизм, сотрудничество, добросовестность, открытость опыту («Опросник диагностики личностных особенностей профессионала» В. Е. Орла, И. Г. Сенина); эмпатия личности («Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиана, Н. Эпштейна); уровень развитости общей саморегуляции (опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой); эмоциональное выгорание («Опросник психического выгорания» К. Маслач (MBI – GS); совладающее со стрессом поведение (опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т. А. Крюковой).

В исследовании приняло участие 354 человека (182 женщины и 172 мужчины). Возрастной диапазон респондентов, принявших участие в исследовании, был от 19 до 55 лет (средний возраст – 37 лет). Сравнение трёх профессиональных групп осуществлялось путём использования двухфакторного дисперсионного анализа. Рассмотрим результаты дисперсионного анализа, полученные по рассматриваемой методике (рисунок).

Средние значения по переменной «толерантность» у представителей разных профессиональных групп

Рисунок наглядно демонстрирует, что наиболее толерантными являются менеджеры – представители ОАО «Евроопт». Их показатели значительно отличаются от показателей исследуемых реалистического типа профессий ($p = 0,01$), т.е. работники предприятия «Минскдрев» оказались самыми нетолерантными. На втором месте по степени проявления толерантности – воспитатели дошкольных учреждений, но их показатели значимо не отличаются от представителей первой и третьей групп испытуемых.

Возможно, полученные различия обусловлены спецификой профессиональной деятельности опрошенных. Так, например, труд менеджера носит явно выраженную социально-психологическую направленность, характеризуется высоким уровнем ответственности, серьезными психоэмоциональными и интеллектуальными нагрузками. Это – особая область деятельности, которая требует от специалиста высокой толерантности.

В деятельности воспитателя дошкольного учреждения осуществляется постоянное общение с ребенком, педагог выполняет материнскую функцию, заменяет маму в её отсутствие; дети ждут от него проявления внимания, теплоты, заботы, готовности прийти на помощь, защитить, утешить, поэтому в данном типе профессий толерантность выступает как профессионально значимое качество личности.

Далее было выдвинуто предположение, что некоторые из измеренных нами переменных должны быть сильно связаны с толерантностью, другие в меньшей мере и т.д. Если, действительно, некий уровень толерантности обеспечивается применением определенных копинг-стратегий, определенным уровнем выгорания, интернальностью и другими переменными, то можно предсказать проявление уровня толерантности, опираясь на эти характеристики.

Чтобы проверить наше предположение, мы использовали дискриминантный анализ (зависимая переменная – толерантность в уровнях, независимая переменная – все остальное). Основным показателем для нас было количество правильных предсказаний (66% по всей выборке). Наибольший вклад в психологическое содержание толерантности вносят восемь переменных, среди них наиболее значимые: добросовестность, саморегуляция, копинг-избегание и эмоциональное истощение, чуть менее – экстраверсия, нейротизм, рефлексивность (таблица).

Охарактеризуем полученные данные по уровням толерантности – степени наполняемости их разными уровнями независимых переменных.

Структурная матрица дискриминантных функций

Переменные	Функция 1	Функция 2
Нейротизм	0,41	0,45
Саморегуляция	0,30	-0,55
Добросовестность	-0,32	-0,03
Рефлексивность	-0,43	0,16
Эмоциональное истощение	0,37	0,48
Копинг-избегание	0,17	-0,44
Экстраверсия	-0,03	-0,24
Интернальность	-0,33	-0,30

Низкий уровень толерантности характеризуется высокими значениями нейротизма, связан с сильным эмоциональным истощением и предпочтениями выбора стратегии избегания в стрессовых ситуациях, а также низкой рефлексивностью, экстернальностью, низкой саморегуляцией поведения и проявлениями интроверсии.

Толерантность средней степени выраженности характеризуется средними значениями всех выделенных переменных. *Высокая толерантность* проявляется в низком уровне нейротизма и эмоционального истощения, но в высокой степени рефлексивности и добросовестности (сознательности), развитых умениях саморегуляции и интернальности поведения, а также выбором копинг-стратегии избегания.

Структурная матрица (см. таблицу) показывает, что высокие показатели толерантности не отличаются от низких по шкале 1, но они примерно на одном уровне по шкале 2: значит полюсы толерантности появляются из-за различий в показателях добросовестности и рефлексивности.

Результаты проведенного дискриминантного анализа свидетельствуют об интегративной природе толерантности, разной степени представленности ее психологических характеристик при различных уровнях развития, специфике ее проявления в зависимости от степени рефлексивности, способности контролировать импульсивность своего поведения, проявлять ответственность и добросовестность (сознательность) в работе.

Рассмотрим далее результаты, полученные по показателю рефлексивности (по методике А. В. Карпова). Для сравнительного анализа данных нами использовался двухфакторный дисперсионный анализ для связанных выборок. Согласно результатам дисперсионного анализа

существует наличие значимого взаимодействия между профессиональным типом испытуемых и уровнем рефлексивности. ($F[2,72] = 5,63, p = 0,0053$). Это говорит о том, что сравниваемые группы испытуемых отличаются по уровню рефлексивности: самыми нерефлексивными оказались представители предприятия «Минскдрев»: их данный показатель ($p < 0,05$) значительно отличается от аналогичного работников «Евроопт» ($p = 0,01$) и педагогов дошкольных образовательных учреждений ($p = 0,02$). Воспитатели и менеджеры по рассматриваемому показателю не отличаются значимо друг от друга ($p = 0,68$), характеризуются достаточно выраженными проявлениями рефлексивности, т.е. они более способны к самоанализу поведения, к пониманию индивидуальных проявлений других людей.

По показателю добросовестности обнаружены высокие оценки у представителей компании «Евроопт» и статистически значимые различия с показателями представителей организации «Минскдрев» ($p = 0,03$) и воспитателями ($p = 0,004$). Это характеризует руководителей как обладающих организованностью, ответственностью, самодисциплиной, пунктуальностью, настойчивостью, усердностью. У них выражена общая тенденция самоконтроля поведения и развитости умений проявлять ответственность и добросовестность в работе. Воспитателям и работникам реалистического типа профессий свойственны более низкая требовательность к себе и низкий уровень самоконтроля.

Таким образом, в исследовании выявлена определённая специфика психологического содержания толерантности у представителей разных типов профессий. Несмотря на определённый интерес к проблеме толерантности исследователей разных научных направлений, она недостаточно разработана, поэтому комплексный, системный подход к изучению профессиональной толерантности позволит перенести рассмотрение данной проблемы на более высокий концептуальный уровень, создать универсальную технологию ее формирования и повысить экономическую эффективность деятельности специалиста любой профессии.

Список литературы

1. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций : учеб. пособие для вузов. М., 2005. 240 с.
2. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. Ярославль, 2005. 330 с.
3. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2000. 608 с.

4. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 494 с.
5. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М., 2008. 172 с.
6. Барднер Г. Л. Социальная психология толерантности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2007. 45 с.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 431 с.
8. Цуканова А. П. Толерантность в структуре социально-психологической адаптации личности (на примере студентов) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2006. 23 с.
9. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессиональной толерантности учителя // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2005. № 1. С. 66–70.
10. Культура толерантности : опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем : учеб. пособие / под ред. И. Г. Тюлина. М., 2004. 304 с.
11. Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности : учеб. пособие. М., 2004. 176 с.

The Specificity of the Tolerance Manifestation and its Determinants in Representatives of Different Types of Professions

E. M. Semyonova

Saratov State Technical University Named after Gagarin Yu. A.
77, Politekhnicheskaya, Saratov, 410054, Russia
E-mail: sem-elen@bk.ru

This article deals with tolerance of different specialists professional groups as part of the general subject of constructive professional work development. The aim of the work was to clarify the definition of tolerance, specify its psychological content applicable to different spheres of professional activity, to identify relevant psychological characteristics of the individuality, providing a high, medium or low level of its manifestation. The study is based on systemogenetic approach to becoming a professional. The object of study was the psychological content of tolerance among members of different types of professional activities. We used questionnaire psychodiagnostic methods to diagnose the determinants of tolerance as a system of personal qualities. Results of the study can be used in the process of training and psychological support of specialists in discussed fields.
Key words: tolerance, types of occupations, professional development, professional deformation, specialist, professional formation of personality, professional qualities.

References

1. Zeer E. F., Symanyuk E. E. *Psikhologiya professional'nykh destruktivnykh: ucheb. posobie dlya vuzov* (The psychology of self-destruction: the textbook for high schools). Moscow, 2005. 240 p.
2. Orel V. E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* (Syndrome mental burnout personality). Yaroslavl, 2005. 330 p.
3. Kh'ell L., Zigler D. *Teorii lichnosti* (Theories of personality). St.-Petersburg, 2000. 608 p.

4. *Psikhologiya: slovar* (Psychology. Dictionary). Ed. by A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. 2nd ed. Moscow, 1990. 494 p.
5. *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* (Psychodiagnosics of tolerance personality). Ed. by G. U. Soldatovoy, L. A. Shaygerovoy. Moscow, 2008. 172 p.
6. Bardier G. L. *Sotsial'naya psikhologiya tolerantnosti: avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk* (Social psychology of tolerance: the abstract of the dissertation of the doctor of of psychological sciences). St.-Petersburg, 2007. 45 p.
7. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskikh ot-nosheniy v situatsii sotsial'noy nestabil'nosti: dis. ... d-ra psikh. nauk* (Psychology of ethnic relations in the situation of social instability: the dissertation of the doctor of of psychological sciences). Moscow, 2001. 431 p.
8. Tsukanova A. P. *Tolerantnost' v strukture sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti (na primere studentov): avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* (Tolerance in the structure of socio-psychological adaptation of personality (for example, students): the abstract of the dissertation of the doctor of of psychological sciences). Khabarovsk, 2006. 23 p.
9. Povarenkov Yu. P. *Psikhologicheskoe sodержanie professional'noy tolerantnosti uchitelya* (The psychological content of professional tolerance teachers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2005, no. 1, pp. 66–70.
10. *Kul'tura tolerantnosti: opyt diplomatii dlya resheniya sovremennykh upravlencheskikh problem: ucheb. posobie* (Culture of tolerance: the experience of diplomacy to address management problems: tutorial). Ed. by I. G. Tyulina. Moscow, 2004. 304 p.
11. Kleptsova E. Yu. *Psikhologiya i pedagogika tolerantnosti: ucheb. posobie* (Psychology and pedagogics of tolerance). Moscow, 2004. 176 p.

ПЕДАГОГИКА

УДК 51(072.8)

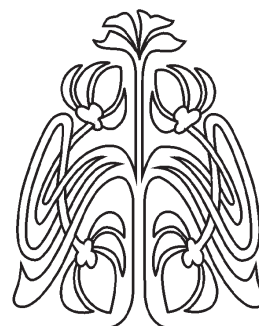
О ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПРОФИЛЮ «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Игошин Владимир Иванович –
доктор педагогических наук,
кандидат физико-математических наук,
профессор кафедры геометрии,
Саратовский государственный университет
E-mail: igoshinvi@mail.ru

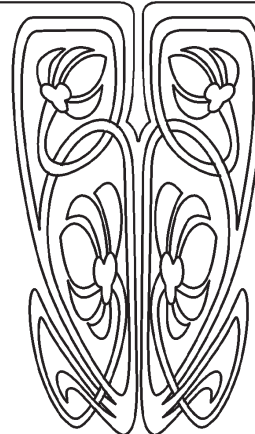
В статье предлагается модель подготовки специалистов по направлению «педагогическое образование» (профиль «математическое образование») в рамках бакалавриата и магистратуры. Определяются три ступени такой подготовки и даются характеристики выпускаемых специалистов – учителей математики и информатики. Отмечается одна особенность данной модели – акцентирование внимания на глубоких и существенных межпредметных связях курса математической логики со всеми профессионально ориентированными дисциплинами, изучаемыми будущими учителями математики и информатики. Эти связи делают математическую логику одним из важнейших системообразующих факторов в системе подготовки будущих учителей математики и информатики как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры.

Ключевые слова: бакалавр педагогического образования, магистр педагогического образования, математическое образование, предметная подготовка, математическая логика, теория алгоритмов, дискретная математика, межпредметные связи.

Высшее образование России полностью и окончательно приняло Болонскую концепцию двухуровневой подготовки специалистов, в нём введены два образовательных уровня – бакалавра и магистра. Не претендуя на анализ данной образовательной системы во всех сферах, ограничимся лишь сферой подготовки учителей математики и информатики средней школы (по профилю «математическое образование»). По замыслу творцов реформы двухуровневая структура высшего образования призвана дать возможность выбора каждому студенту индивидуальной траектории получения образования и тем самым сделать высшее образование более индивидуально направленным. И это, конечно, хорошо, но в то же время реформаторы не дали чёткой характеристики того, чем с государственной точки зрения статус пришедшего в школу бакалавра педагогического образования будет отличаться от статуса магистра педагогического образования. Более того, специалистами уровней бакалавра и магистра в сфере педагогического образования могут быть не только учителя каких-либо предметов, но и тьюторы, помогающие учащимся сформировать свою образовательную траекторию, специалисты по внеклассной работе, по связям с общественностью (родителями) и т.п. Конечно, и такие специалисты в школе нужны, но не они будут определять

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

уровень образования в стране, а по-прежнему – Учитель. Особенно велика роль личности учителя в обучении математике. Его никогда не смогут заменить самые новейшие информационные образовательные технологии: все они могут быть лишь одним из инструментов в его умелых руках. Одни только информационные образовательные технологии не могут научить ребёнка определять понятия, формулировать суждения, делать умозаключения, анализировать и синтезировать, рассуждать, доказывать и опровергать.

За две с половиной тысячи лет человечество пережило несметное количество научно-технических революций, но ни одна из них не отменила этих незыблемых основ человеческого мышления. Более того, именно потому, что эти основы сохранялись, развивались, передавались следующим поколениям и смогли произойти всё более и более впечатляющие революции в науке и в технике. Обучить этим фундаментальным основам человеческого мышления сможет только учитель, профессионально к этому подготовленный и обученный. Вместе с таким обучением происходит неотделимое от него воспитание творческой мыслящей и созидательной личности. Всякий другой путь образования ведёт к деструкции, к разрушению, именно поэтому в современную школу (не просто в «образовательное учреждение», где оказывают образовательные услуги, а именно в школу, где учат и воспитывают) должны прийти не просто бакалавры и магистры педагогического образования, но Учителя математики и информатики XXI в. – учителя-бакалавры и учителя-магистры. Их статус должен быть определён на государственном уровне, в соответствии с ним должна вестись и их подготовка в высших учебных заведениях. Можно заметить, что сейчас бакалавров уже готовят не только высшие учебные заведения, но и учреждения (опять учреждения!) среднего профессионального образования – бывшие техникумы.

Каков же должен быть статус учителя-бакалавра и учителя-магистра по математике и информатике? Для подготовки учителей средней школы и, в частности, учителей математики и информатики двухуровневая структура может оказаться весьма естественной и даже плодотворной, если придерживаться следующего подхода к ней: уровень бакалавра следует условно подразделить на две ступени: первая ступень (1–2 курсы) – образовательная, преследующая также цели выравнивания и профориентации; вторая (3–4 курсы) обеспечивает образовательную и профессиональную подготовку наиболее массовой категории учителей-предметников

для неполной средней школы. В зависимости от выбранного направления и успехов в обучении выпускник получает образовательную квалификацию «бакалавр педагогического образования» (по соответствующей специальности) и профессиональную квалификацию «учитель-бакалавр 5–9 классов». Третью ступень (магистратура 1, 2 года) заканчивают около 25% получивших степень бакалавра, они получают профессиональную квалификацию «учитель-магистр 10–11 классов». Учителя магистерского уровня призваны также пополнять контингент учителей, работающих в лицеях, гимназиях, колледжах и прочих специализированных школах и классах с углублённым изучением математики. Кроме того, магистратура позволит готовить преподавателей (учителей) для всех типов средних учебных заведений («магистр образования»), а также преподавателей вузов и научных работников в области методики преподавания соответствующих дисциплин («магистр наук»).

После того, как цели подготовки учителя-бакалавра и учителя-магистра по математике и информатике определены, следует приступить к разработке учебных планов их подготовки. Уровневая дифференциация всей системы образования требует глубокой переработки учебных планов и рабочих программ изучаемых дисциплин, в частности, соответствующей уровневой дифференциации изучаемых предметов. Учебные планы подготовки учителя-бакалавра и учителя-магистра по математике и информатике должны быть тщательно согласованы и скоординированы, чтобы подготовка учителя-магистра явилась естественным продолжением, развитием и углублением подготовки учителя-бакалавра в соответствии с теми задачами, которые предстоит решать будущему специалисту в образовательном процессе.

Кратко коснусь в аспекте обсуждаемой проблемы вопроса о подготовке в условиях бакалавриата и магистратуры будущих учителей математики и информатики в области дисциплин дискретной математики. В настоящее время фундаментальные разделы дискретной математики сосредоточены в курсах «Математическая логика», «Дискретная математика», «Теория алгоритмов». Все они должны присутствовать в подготовке будущих учителей математики и информатики как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры. Совокупность этих математических дисциплин имеет ярко выраженную двоякую природу и двоякий характер. С одной стороны, источником этих дисциплин является, несомненно, математическая логика, выросшая из Аристотелевой логики как науки о законах и способах правильного мышления, рассуждений

и доказательств. С другой стороны, открытые колоссальные прикладные возможности математической логики, связанные с конструированием и функционированием компьютеров, привели к возникновению и развитию на её основе теории алгоритмов и ряда математических дисциплин, получивших общее название «Дискретная математика». Во второй половине XX в. все эти разделы математики стали весьма бурно развиваться и приобрели ярко выраженную прикладную направленность на информатику, программирование и компьютеры. Вне всякого сомнения, если в XVIII–XIX вв. главным прикладным разделом математики был математический анализ и связанные с ним дисциплины, использующие для построения математических моделей явлений природы методы непрерывной математики, то в XX в. таким важнейшим прикладным разделом математики стали дисциплины дискретной математики.

Таким образом, при подготовке будущих учителей математики и информатики возникает следующая двуединая научно-методическая проблема: с одной стороны, такой учитель при обучении учащихся математике должен владеть методами логики как науки о законах и способах правильного мышления, рассуждений и доказательств; понимать существо взаимодействия математики и логики в процессе развития математики как науки и осуществлять в своей педагогической деятельности вытекающее отсюда дидактическое взаимодействие математики и логики в процессе обучения математике [1, 2]. С другой стороны, учитель математики и информатики должен овладеть прикладными аспектами дисциплин дискретной математики, понять и донести до своих будущих учеников знания, как эти методы работают при конструировании компьютеров, как они направляют работу компьютеров, используются при программировании, какую роль они играют в информатике, т.е. при сборе, хранении и обработке информации.

Автором разработана модель фундаментальной математической подготовки будущих учителей математики и информатики в педагогическом вузе в области дисциплин дискретной математики, позволяющая в большей или меньшей степени решать поставленную двуединую научно-методическую проблему [3]. Система двухуровневой подготовки специалистов накладывает на решение этой проблемы свои дополнительные условия: содержание курсов дискретных математических наук «Математическая логика», «Дискретная математика», «Теория алгоритмов» должно быть разделено на две составные части – уровень бакалавра и

уровень магистра, на первом две модификации: общее обучение и углублённое. Общее обучение применимо на первом, образовательном уровне, углублённое может быть применено в курсах по выбору (спецкурсах и спецсеминарах) на втором, профессиональном уровне (ступень бакалавра). Наконец, высший уровень может быть достигнут при обучении ограниченного числа студентов на третьей ступени, в магистратуре. Такая дифференциация позволит основной массе будущих учителей математики и информатики освоить элементарные основы дискретных математических наук, а некоторым из них дойти до понимания весьма глубоких результатов, полученных этими математическими науками. При этом из фундаментальности подготовки будущего учителя математики и информатики в области оснований математики, т.е. фактически в области математической логики, что необходимо ему как преподавателю математики, будет проистекать фундаментальность его подготовки в сфере приложений методов дискретной математики.

Исходя из этих предпосылок и разрабатывалась модель фундаментальной математической подготовки будущих учителей математики и информатики в педагогическом вузе в области дисциплин дискретной математики в системах бакалавриата и магистратуры. Отметим лишь одну особенность данной модели – акцент на глубоких и существенных межпредметных связях курса математической логики со всеми профессионально ориентированными дисциплинами, изучаемыми будущими учителями математики и информатики. Здесь прежде всего будущий преподаватель математики должен осознать и уяснить связующую и цементирующую роль логики и математической логики в ходе исторического развития математики как науки в целом, а также роль и значение математической логики в процессе изучения математики и в процессе обучения. Своего рода духовная связь логики и математической логики с различными разделами математики может быть выражена в следующих принципах логики, которые при изучении математики необходимо иметь в виду, а при обучении математике – неукоснительно соблюдать: 1) обучение строению математических определений и теорем; 2) обучение понятию доказательства математических теорем; 3) обучение методам доказательства математических теорем; 4) обучение строению математических теорем. Фундаментальность этих принципов для методики обучения математике состоит в том, что при несоблюдении их в процессе изучения и обучения математике последняя утрачивает

свои основные черты как наука, т.е. те качества, которые, собственно, и выделяют её из системы прочих наук. Эти принципы указывают основные направления проникновения логики в педагогику математики, служат дополнением к общедидактическим принципам педагогики применительно к педагогике математики, уточняют структуру той части педагогической науки, которая связана с обучением математике и её преподаванием.

Материальная связь логики и математической логики с различными разделами математики состоит в том, что идеи и методы второй глубоко проникают во все профессионально ориентированные дисциплины, изучаемые будущими учителями математики и информатики – в алгебру, теорию чисел, числовые системы, геометрию, математический анализ, методику обучения математике, психолого-педагогические основы обучения математике, историю и методологию математики, основы математической обработки информации, философию и другие. Таким образом, математическая логика предстаёт одним из системообразующих факторов в системе подготовки будущих учителей математики и информатики как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры, особое значение имеют содержательно-методические аспекты предметной подготовки бакалавров педагогического образования (профиль «математическое образование») [4].

Список литературы

1. Игошин В. И. Дидактическое взаимодействие логики и математики // Педагогика. 2002. № 1. С. 51–55.
2. Игошин В. И. Математическая логика в обучении математике. Логико-дидактическая подготовка учителя математики. Saarbruken, 2012. 517 с.
3. Игошин В. И. Подготовка будущих учителей математики и информатики в области дисциплин дискретной математики в условиях бакалавриата и магистратуры // Образование и наука. 2013. № 7 (106). С. 85–100.
4. Игошин В. И., Капитонова Т. А., Лебедева С. В. Содержательно-методические аспекты предметной подготовки бакалавров педагогического образования (профиль – математическое образование) // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1 (9). С. 14–17.

About Learning of Bachelors and Post-graduated Students of Pedagogical Education (Mathematical Education)

V. I. Igoshin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: igoshinvi@mail.ru

The model of fundamental mathematics and informatics teachers mathematical education in discrete mathematical science (mathematical logic, discrete mathematics, algorithm theory) in three levels: secondary education and special education of bachelors, post-graduated education is characterized in this paper. The connections between mathematical logic and professionally oriented subjects – algebra, number theory, geometry, mathematical analysis, methods of mathematical deduction, history and methodology of mathematics – make mathematical logic by one of the most important system based factors in mathematics and informatics teachers education.

Key words: bachelors of pedagogical education, post-graduated students of pedagogical education, model of fundamental mathematical education for future mathematics and informatics teachers, mathematical logic, discrete mathematics, algorithm theory, connections between subjects.

References

1. Igoshin V. I. Didakticheskoe vzaimodeistvie logiki i matematiki (Didactic interaction of logic and mathematics). *Pedagogika* (Pedagogy), 2002, no. 1, pp. 51–55.
2. Igoshin V. I. *Matematicheskaya logika v obuchenii matematike. Logiko-didakticheskaya podgotovka uchitelia matematiki* (Mathematical logic in mathematical education. Logical-didactic training for mathematical teacher). Saarbruken, 2012. 517 p.
3. Igoshin V. I. Podgotovka budushchikh uchiteley matematiki i informatiki v oblasti distsiplin diskretnoy matematiki v usloviyakh bakalavriata i magistratury (Bachelors and post-graduated education of mathematics and informatics teachers in discrete mathematical science). *Obrazovanie i nauka* (The Education and Science journal), 2013, no. 7 (106), pp. 85–100.
4. Igoshin V. I., Kapitonova T. A., Lebedeva S. V. Soderzhatelno-metodicheskie aspekty predmetnoy podgotovki bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya (profil – matematicheskoe obrazovaniye) (The contain-methodical aspects of subject training for bachelors in pedagogics {mathematical education type}). *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* (Humanitary sciences and education), 2012, no. 1(9), pp. 14–17.

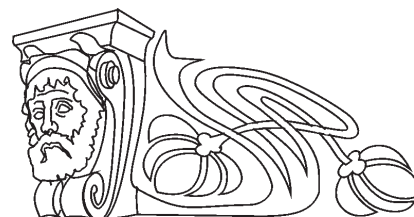

УДК 374.1

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Грецова Анастасия Павловна –

ассистент кафедры информатики и программирования,
аспирант кафедры физики и методико-информационных технологий,
Саратовский государственный университет
E-mail: gretsova_nastya@mail.ru

Современный образовательный процесс требует поиска новых возможностей для развития познавательных способностей старшеклассников, так как именно в этом возрастном периоде жизни интенсивно формируются основные качества личности и закладываются основы для раскрытия уникальных индивидуальных способностей. В статье предложено использование педагогического дизайна как наиболее современного и эффективного средства для создания и поддержки учебной среды, которая представляет собой систему развивающих занятий, средств и условий, направленных на развитие познавательных процессов. Представлен научно-педагогический анализ зарубежной и отечественной литературы по проблеме использования педагогического дизайна, приведены различные точки зрения; обоснован вывод о целесообразности использования педагогического дизайна для развития познавательных способностей старшеклассников.

Ключевые слова: педагогический дизайн, познавательные способности старшеклассников.

В современных условиях модернизации системы среднего (полного) общего образования, связанной с внедрением новых образовательных стандартов, учитель сталкивается с необходимостью проектировать и конструировать развивающую образовательную среду, обеспечивать активную учебно-познавательную деятельность, строить процесс обучения с учетом индивидуальных возрастных особенностей обучающихся.

Современный ученик должен уметь ориентироваться в большом многообразии информации, воспринимать и перерабатывать ее, исходя из собственных возможностей и потребностей, чтобы активно участвовать во всех сферах жизни общества. При этом он должен быть способным к личностному самоопределению, целенаправленной познавательной деятельности, непрерывному образованию и умению применять полученные знания на практике.

Для повышения эффективности учебного процесса и развития познавательных способностей учащихся учителям необходимо тщательно продумывать и планировать свою деятельность, поэтому каждый из них так или иначе осуществляет педагогическое проектирование и

определяет технологии урока, т.е. разрабатывает педагогический дизайн. Понятие «instruction design» («педагогический дизайн») впервые появилось в зарубежной литературе во времена Второй мировой войны, спустя несколько лет его активно стали использовать в повседневной практике образовательных учреждений, при создании учебников, а впоследствии и при разработке онлайн-обучения.

В зарубежных источниках его определение связано с системным подходом к планированию и выработке эффективных учебно-методических материалов [1], линейной и нелинейной навигацией в определенном пространстве передвижения [2], человеческой деятельностью, общая цель которой заключается в оказании содействия, поддержке обучения человека и его производительности [3].

В работе «Возвращение педагогического дизайна» [4] авторы дают понять, что педагогический дизайн – это не просто философия или набор процедур, а совокупность научных принципов и технологий для реализации этих принципов в развитии учебного опыта и окружающей среды. Педагогическое проектирование включает в себя проверенные стратегии обучения, которые делают учебный процесс эффективным, действенным и привлекательным.

П. Смитт и Т. Раган [5] в своей статье, употребляя термин «педагогический дизайн», подразумевают систематический и интенсивно спланированный мыслительный процесс, предшествующий выполнению конкретного плана и решению проблемы. Любые виды дизайна имеют много общего в разных сферах деятельности, в том числе и в обучении. При этом используется высокий уровень точности, внимательности и опыта в систематическом развитии обучения. Важнейшую роль в дизайне играет творчество, в противовес «шаблонной» деятельности, поэтому и в педагогике существует острая необходимость в воображении и изобретательности при разработке учебных программ и учебного процесса.

Наиболее полно и обстоятельно история педагогического дизайна рассмотрена в работе Р. Райзера [6], где автор, давая определение педагогического дизайна, повествует об истории развития средств обучения и педагогического дизайна. Области педагогического дизайна и технологий, по мнению автора, включают в себя анализ обучения, проблемы производительности и проектирования, разработки, внедрения, оценки и учета учебных и неучебных процессов, а также ресурсов улучшения обучения и производительности в различных условиях, в частности, в образовательных учреждениях. Профессионалы в области педагогического дизайна и технологий часто используют процедуры педагогического проектирования и различные методические средства обучения для достижения своих целей.

Педагогический дизайн разделяют на шесть видов деятельности: разработка, развитие, реализация, управление, оценка и анализ; важную роль играют практика, процесс и ресурсы обучения. Кроме того, учитель применяет два самостоятельных метода работы: использует средства обучения для учебных целей и проектные процедуры – для систематического обучения. Практические задания являются ключевыми элементами в области педагогического дизайна и технологий. Исследователи проводят значительную часть своего времени за работой либо со средствами обучения, либо с задачами, связанными с систематическим обучением с помощью процедур проектирования, или же с тем и другим.

Автор размышляет над вопросом, почему следует использовать термин «педагогический дизайн и технологии», а не «учебные технологии». И дает ответ на него, основываясь на мнениях обычных людей, не связанных с преподаванием. Если человека спросить, что он понимает под «учебными технологиями», он вспомнит компьютеры, видео, проекторы, программное обеспечение, т.е. большинство людей воспринимает «учебные технологии» как средства обучения. Термин же «педагогический дизайн» непосредственно относится к ключевым концепциям, упомянутым ранее – педагогическому проектированию и технологиям обучения. Более того, описание истории учебного проектирования указывает на многие понятия последних лет, связанные с прогрессом технологий, регулярно используемых дизайнерами учебных программ.

За последние четыре десятилетия различные наборы/модели для систематического обучения процедурам проектирования были разработаны и названы: системным подходом,

педагогическим проектированием систем (ISD), учебным развитием и педагогическим дизайном (последний термин, который, как правило, использует Р. Райзер). Большинство моделей включают анализ учебной проблемы и проектирование, разработку, осуществление и оценку учебных процедур и материалов, предназначенных для решения этих проблем, хотя конкретные сочетания процедур часто меняются от одной учебной модели проектирования к другой.

На развитие педагогического дизайна имели влияние многие факторы, например, появление микрокомпьютеров, что вызвало интерес разработчиков, направленный на использование его в учебных целях. Другим фактором, который повлиял на область педагогического дизайна, был растущий интерес к конструктивизму. Учебные принципы, связанные с конструктивизмом, включали требования к учащимся: а) решать сложные и реалистичные проблемы; б) работать вместе, чтобы решить эти проблемы; в) рассматривать проблемы с разных точек зрения; г) брать на себя ответственность в процессе обучения (не быть пассивными получателями обучения); д) осознать свою роль в процессе строительства знаний.

Стремительный рост в области использования и развития электронных систем поддержки производительности также привел к изменениям в характере работы, выполняемой многими учебными дизайнерами. Большинство учебных организаций и педагогических дизайнеров перенесли свое внимание с разработки учебных программ на проектирование электронных продуктов системы поддержки. Тенденцией, которая повлияла на профессию педагогического дизайнера, был растущий интерес к использованию Интернета для дистанционного обучения.

Следует заметить, что между средствами обучения и педагогическим дизайном есть очевидные взаимосвязи. Многие учебные решения достигнуты путем использования процессов педагогического дизайна и требуют применения различных средств обучения.

В последнее десятилетие термин «педагогический дизайн» стал часто встречаться и в отечественной литературе (у М. В. Моисеевой, К. Г. Кречетникова, А. Ю. Уварова, Д. А. Ковалева, И. М. Радченко, И. Г. Александровой и др.). Педагогический дизайн рассматривается как область, в которой происходят конкретные педагогические действия, направленные на достижение желаемых педагогических результатов, а также как процесс принятия решений по выбору наилучших учебных методов для достижения целей – знаний и навыков с учетом специфики курса и целевой аудитории.

С точки зрения А. Ю. Уварова, педагогический дизайн – это систематический подход в использовании принципов эффективной учебной работы в процессе проектирования, разработки и оценки учебных материалов [7]. По мнению М. В. Моисеевой [8, с. 42–43], это целенаправленный процесс построения учебных систем, условий и сред. Е. Тихомирова рассматривает педагогический дизайн как системный подход к построению педагогического процесса. Благодаря ему можно выстроить единую систему из целей обучения, учебных материалов и инструментов, которые доступны для передачи знаний. Педагогический дизайн рассматривает содержательную часть обучения и мало внимания уделяет технологиям. В его основе лежит важность содержания курса, стиля, последовательности и способов представления материала [9].

Исследователи педагогического дизайна М. Н. Краснянский и И. М. Радченко [10, с. 8] в своих трудах отталкиваются от понятия *design*, который обозначает науку и «план действий, осуществляемых с определенной целью». В. Н. Подковыркова [11, с. 2] термин «педагогический дизайн» рассматривает с разных точек: как науку – область знаний и научных исследований, направленных на достижение педагогических результатов; как процесс – разработку на основе педагогических теорий среды обучения для обеспечения его эффективности и качества; как реальность – то, что может начинаться в любой момент, с появления идеи, которая закладывается в основу педагогической ситуации; как дисциплину – область знаний, в рамках которой изучается теория учебных стратегий, включая процесс разработки и реализации этих стратегий в обучении. К. Г. Кречетников [12] определяет педагогический дизайн как области науки и практической деятельности, которые основываются на теоретических положениях психологии, педагогики и эргономики. Педагогический дизайн, с его точки зрения, занимается вопросами разработки учебного материала, который должен обеспечивать наиболее рациональный, эффективный и комфортный образовательный процесс и основывается на принципах научности, наглядности, доступности, непрерывности и преемственности.

Анализ понятия «педагогический дизайн» в зарубежной и отечественной литературе позволяет сделать некоторые выводы: во-первых, педагогический дизайн представляет собой технологию (или проектирование, планирование), включающую известные и проверенные стратегии (способ достижения сложной цели, план на длительный период, искусство планирования и руководства, основанное на правильных и дале-

ко идущих прогнозах); во-вторых, современные средства обучения: цифровые и электронные образовательные ресурсы – используются для разработки педагогического дизайна с целью обеспечения качества и эффективности обучения; в-третьих, «педагогический дизайнер» (учитель, педагог) разрабатывает наиболее эффективные методы и средства обучения, направленные на расширение когнитивных возможностей учащихся, увеличение объема и качества усваиваемой ими информации, обучение при этом становится системно спланированным; в-четвертых, основной целью педагогического дизайна является выстраивание последовательности учебного материала и мероприятий для эффективного достижения целей обучения посредством тщательной проработки материала, постоянного анализа результатов обучения, оценки и усовершенствования. Можно констатировать, что «педагогический дизайн» представляет собой сложную совокупность научных принципов и технологий, которая включает в себя разработку, развитие, реализацию, управление, оценку и анализ эффективных и комфортных способов, методов и систем обучения, направленных на повышение качества учебного процесса.

Подробное изучение сущности понятия «педагогический дизайн» позволяет нам предположить, что в настоящее время он может быть успешно использован для создания и поддержки среды, которая представляет собой систему развивающих занятий, средств и условий, направленных на развитие познавательных процессов (воображения, мышления, памяти, внимания) и опыта самопознания. Педагогический дизайн с использованием современных информационных образовательных технологий может оказывать непосредственное влияние на мотивацию учащихся, скорость восприятия учебного материала, утомляемость и ряд других важных показателей.

Список литературы

1. *Siemens G.* Instructional design in elearning. URL: <http://www.elearnspace.org/Articles/InstructionalDesign.htm> (дата обращения: 28.04. 2014).
2. *Martin F.* Effects of practice in a linear and non-linear web-based learning environment // *Educational Technology & Society*, 2008. Vol. 11 (4). P. 81–93.
3. *Spector J. M.* Theoretical foundations // *Handbook of research on educational communications and technology*. Ed. by M. J. Spector, M. D. Merrill, J. van Merriënboer, M. P. Driscoll. 3d ed. N.Y., 2007. P. 21–28.
4. *Merrill M. D., Drake L., Lacy M. J., Pratt J. & the ID2 Research Group* Utah State University Educational Tech-

nology. Reclaiming instructional design // Educational Technology. 1966. Vol. 36 (5). P. 5–7.

5. Smith P. L., Ragan T. J. Instructional Design. 2nd ed. N.Y., 1999. 399 p.
6. Reiser R. A. A History of instructional design and technology: in 2 pt. Pt. II : a history of instructional design // Educational Technology, Research and Development. 2001. Vol. 49. № 2. P. 57–67.
7. Уваров А. Ю. Педагогический дизайн // Информатика. 2003. № 30. С. 1–32.
8. Интернет обучение : технологии педагогического дизайна / под ред. М. В. Моисеевой. М., 2004. 216 с.
9. Тихомирова Е. 800 слов про педагогический дизайн. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=11059> (дата обращения: 28.04.2014).
10. Краснянский М. Н., Радченко И. М. Основы педагогического дизайна и создания мультимедийных обучающих аудио/видео материалов : учеб.-метод. пособие. Тамбов, 2006. 56 с. URL: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=23512 (дата обращения: 28.04.2014).
11. Подковыркова В. Н. Основы педагогического дизайна. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/cd9ae8e0-6880-4ee5-9e6ff46b7629d00b/podkovirova-dezign.pdf> (дата обращения: 03.05.2014).
12. Кречетников К. Г. Педагогический дизайн и его значение для развития информационных образовательных технологий. URL: <http://ito.edu.ru/2005/Troitsk/2/2-0-9.htm> (дата обращения: 29.04.2014).

The Instructional Design in the Aspect of Cognitive Development of Senior School Pupils

A. P. Gretsova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: gretsova_nastya@mail.ru

Modern educational process requires the search of new opportunities for the development of cognitive abilities of senior school pupils, because in this age period of life main personal qualities are forming strongly and the foundation for the disclosure of unique individual abilities is laid. The use of instructional design is suggested as the modern and effective means of creating and support of study environment that contains a system of developing knowledge, means and conditions aimed on the development of cognitive processes. The scientific and pedagogical analysis of foreign and domestic literature of the use of instructional design and different points of view are presented. The conclusion of advisability of the use of instructional design for the development of cognitive abilities of senior school pupils is substantiated.

Key words: instructional design, cognitive abilities of senior school pupils.

References

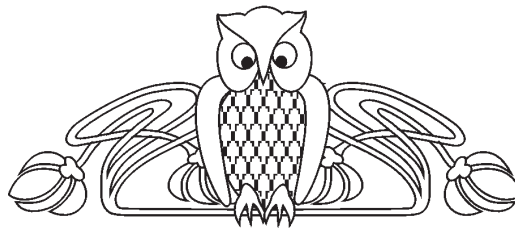
1. Siemens G. *Instructional design in elearning*. Available at: <http://www.elearnspace.org/Articles/InstructionalDesign.htm> (accessed: 28 April 2014).
2. Martin F. Effects of practice in a linear and non-linear web-based learning environment. *Educational Technology & Society*, 2008, vol. 11 (4), pp. 81–93.
3. Spector J. M. Theoretical Foundations. *Handbook of Research on Educational Communications and Technology*. Ed. by M. J. Spector, M. D. Merrill, J. van Merriënboer, M. P. Driscoll. 3d ed. New York, 2007, pp. 21–28.
4. Merrill M. D., Drake L., Lacy M. J., Pratt J. & the ID2 Research Group Utah State University Educational Technology. Reclaiming Instructional Design. *Educational Technology*, 1966, vol. 36 (5), pp. 5–7.
5. Smith P. L., Ragan T. J. Instructional Design. 2nd ed. New York, 1999. 399 p.
6. Reiser R. A. A History of instructional design and technology: in 2 part. Part II. A History of instructional design. *Educational Technology, Research and Development*, 2001, vol. 49, no. 2, pp. 57–67.
7. Uvarov A. Yu. *Pedagogicheskiy dizayn* (Instruction design). *Informatika*, 2003, no. 30, pp. 1–32.
8. *Internet obuchenie: tekhnologii pedagogicheskogo dizayna* [Online learning: instructional design technology]. Pod red. M. V. Moiseevoy. Ed. by M. V. Moiseevoy. Moscow, 2004. p. 216.
9. Tikhomirova E. *800 slov pro pedagogicheskiy dizayn* [800 words about instructional design]. Available at: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=11059> (accessed 28 April 2014).
10. Krasnyanskiy M. N., Radchenko I. M. *Osnovy pedagogicheskogo dizayna i sozdaniya mul'timediynykh obuchayushchikh audio/video materialov: ucheb.-metod. posobie* (Fundamentals of Instructional Design and create multimedia training audio/video materials: teaching manual). Tambov, 2006. 56 p. Available at: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=23512 (accessed 28 April 2014).
11. Podkovyrkova V. N. *Osnovy pedagogicheskogo dizayna* (Fundamentals of instructional design). Available at: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/cd9ae8e0-6880-4ee5-9e6ff46b7629d00b/podkovirova-dezign.pdf> (accessed 3 May 2014).
12. Kречетников К. Г. Педагогический дизайн и его значение для развития информационных образовательных технологий [Instructional design and its importance for the development of information technology education]. Available at: <http://ito.edu.ru/2005/Troitsk/2/2-0-9.htm> (accessed 29 April 2014).

УДК 378.147

ЛИЧНОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА МУЗЫКИ

Сергиенко Ирина Николаевна – ассистент кафедры музыкально-инструментальной подготовки Института искусств, аспирант кафедры методологии образования, Саратовский государственный университет
E-mail: Siren.com@yandex.ru

В статье анализируется одна из ведущих категорий компетентностного подхода в образовании – профессиональная компетентность, в структуру которой автор предлагает включить «компетентностно значимые» качества личности, необходимые для успешного выполнения профессиональной деятельности на современном этапе развития общества. Развитию компетентностно значимых качеств личности педагога музыки, по мнению автора, способствует профессиональный клуб как оптимальная форма сочетания учебной, научно-исследовательской и внеучебной деятельности студентов. В работе представлен опыт внедрения формы «профессиональный клуб» в рамках организации учебного процесса в Институте искусств.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, форма обучения, профессиональный клуб, качества личности, система высшего музыкального образования.

Последние десятилетия все учреждения высшего образования, продолжая реформирование своей педагогической системы на компетентностной основе, накопили богатый опыт подготовки профессионально компетентного специалиста и продолжают поиск новых эффективных путей достижения этой цели. Об этом свидетельствуют многочисленные труды: В. И. Байденко, А. Г. Бермуса, В. А. Болотова, Ю. В. Варданян, Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, В. А. Козырева, А. К. Марковой, Н. Ф. Родионовой, В. В. Серикова, А. И. Субетто, Ю. Г. Татура и др. Изучая профессиональную компетентность как одну из ведущих категорий компетентностного подхода в образовании, исследователи понимают под ней систему знаний, умений, навыков, конгломерат психологических качеств (А. К. Маркова, А. А. Вербицкий), внутренних психических состояний и свойств личности специалиста (Ю. В. Варданян) [1, с. 12], профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих возможность выполнения профессиональных обязанностей определенного уровня (Н. И. Запрудский).

Ученые едины в том, что представляют профессиональную компетентность как систему, которая в большей степени находится не в когнитивной, а в сфере личностно-психологических качеств, позволяющих специалисту быть

успешным в выполнении профессиональной деятельности. Мы считаем, что личностная составляющая профессиональной компетентности педагога музыки, в рамках которой преимущественно рассматриваются профессионально значимые качества специалиста (С. И. Архангельским, Н. В. Кузьминой, Н. Д. Левитовым, И. Я. Лернером, А. И. Мищенко, М. Н. Скаткиным, В. А. Сластениным и др.), требует расширения своей области качествами личности, необходимыми для достижения надлежащего уровня – авторитета в профессиональной деятельности («компетентный» – знающий, сведущий, авторитетный в какой-нибудь области [2, с. 265]), такими качествами, благодаря которым человек может добиться успеха при выполнении профессиональной деятельности.

Проблема успеха разрабатывается различными научными направлениями, среди которых экономика, социология, журналистика, психология и педагогика. В основе исследований лежат многочисленные наблюдения за деятельностью людей, достигших успеха. Среди качеств успешных личностей ученые (Ю. М. Забродин, В. В. Новиков, М. И. Мелия и др.) выделяют ответственность, креативность, оптимизм, высокую работоспособность, энтузиазм, самосовершенствование, внутреннюю свободу, веру в успех и себя, гибкость и критичность мышления, высокую мотивацию, целеустремленность, лидерство, коммуникабельность, демократичность, уникальность, внимательность, наблюдательность, дисциплинированность, инициативность, стрессоустойчивость.

В рамках личностной составляющей профессиональной компетентности педагога музыки эти качества мы назвали «компетентно значимыми», так как они не являются отражением узкопрофессиональной специфики, а скорее имеют универсально значимый характер для любого специалиста, который стремится достичь определенного компетентного уровня в профессиональной деятельности. В результате личностная составляющая профессиональной компетентно-

сти объединила в себе как традиционно рассматриваемые профессионально значимые качества (для нас – качества педагогов музыки), так и компетентностно значимые, необходимые для любой профессии (рисунок). Выбор профессионально значимых мотивирован исследованием Л. М. Митиной, которая выделила пятьдесят личных качеств, необходимых педагогу, среди них: вежливость, воспитанность, гражданственность, гуманность, доброжелательность, искренность, критичность, отзывчивость, настойчивость, порядочность, патриотизм, принципиальность,

скромность, любовь к детям и т.д. [3, с. 20]. Это те качества, которыми должен обладать человек высокого морального облика, способный стать примером для подражания. Общепедагогические профессионально значимые качества были дополнены специальными, которые исследовал Э. Б. Абдуллин. Среди приоритетных личностных, обеспечивающих эффективность музыкально-педагогической деятельности, он выделяет музыкальность, эмпатийность, профессиональное мышление и самосознание, артистизм, личностную профессиональную позицию [4, с. 180].

Структура личностной составляющей профессиональной компетентности педагогов музыки

Процесс формирования профессионально значимых качеств педагога музыки хорошо изучен и занимает весомое место в учебно-воспитательном процессе музыкально-педагогических факультетов, институтов искусств и других заведений эстетической направленности, поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся на втором блоке качеств – компетентностно значимых, которые до настоящего времени не являлись частью образа специалиста и, следовательно, при организации учебно-воспитательного процесса учебные заведения не учитывали необходимость их формирования.

Анализ перечисленных универсальных качеств показывает, что для их формирования в рамках образовательного пространства необ-

ходимо изменить формы и методы обучения и воспитания, а также характер взаимодействия преподавателя и студента. Для достижения этой цели мы предлагаем обогатить учебный процесс такой формой, как «профессиональный клуб», на наш взгляд, максимально отвечающей перечисленным требованиям к формированию компетентностно значимых качеств. Апробация формы проходила в Институте искусств Саратовского государственного университета в работе со студентами, обучающимися по направлению «педагогическое образование» (профиль «музыка»).

Клуб (от англ. club) переводится как «общественная организация культурно-просветительного, политического, спортивного или иного

характера» [4, с. 256], в нашем случае – профессионального, поэтому форма получила название «профессиональный клуб». Характерная черта профессионального клуба в том, что преподаватели и студенты собираются для проведения совместных мероприятий, способствующих профессиональному росту и удовлетворению своих профессиональных интересов. Главная цель профессионального клуба для преподавателей – формирование у студентов компетентностно значимых качеств. Достижение этой цели осуществлялось с помощью оптимального сочетания форм учебной, научно-исследовательской и внеучебной деятельности, среди которых: организация семинаров, дискуссий, игр, мастер-классов и интересных встреч с заслуженными педагогами и творческими личностями (учебная деятельность); научных конференций и форумов по исследуемым проблемам (научно-исследовательская деятельность); тренингов личностного роста, ораторского мастерства, сценического движения и т.д. (внеучебная деятельность).

Встречи участников клуба проходили еженедельно (2, 3 академических часа). Таким образом, за первый год обучения студентов состоялись 32 встречи (около 96 академических часов). К концу эксперимента (всего четыре учебных года) студенты, обучающиеся по направлению «педагогическое образование» (профиль «музыка») были на 128 встречах профессионального клуба (около 384 академических часов). Деятельность профессионального клуба по формированию компетентностно значимых качеств у студентов являлась частью более крупного эксперимента по становлению профессиональной компетентности будущих педагогов музыки при оптимальном сочетании форм обучения. Эксперимент состоял из четырех этапов (теоретико-адаптационного, практического, исследовательского, компетентностного). Использование определенных форм обучения на каждом этапе, в том числе и в деятельности клуба, было обосновано повышением уровней самостоятельности студентов и профессиональной детерминированности, характером взаимодействия или интерактивности обучения, развитием качеств успешности личности обучающегося.

Для проверки эффективности влияния профессионального клуба на развитие компетентностно значимых качеств мы использовали многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла 16PF (версия С) [5, с. 240–260], который был предложен двум группам студентов: контрольной (36 человек), не занимающейся в клубе, и экспериментальной (37 человек),

студенты которой являются участниками профессионального клуба. В оригинале этот тест-опросник состоит из 105 вопросов, на которые испытуемый дает ответы, выбирая один из вариантов. По окончании тестирования подсчитываются баллы по каждому из 16 личностных факторов. Проанализировав данные факторы применительно к задаче нашего исследования и сопоставив их с описанными выше необходимыми компетентностно значимыми качествами личности, мы отобрали 14 факторов из 16. Они, по нашему мнению, максимально раскрывают данные качества личности: ответственность (фактор G), креативность (I), высокую работоспособность (Q3), внутреннюю свободу (F), веру в успех и себя (O), гибкость и критичность мышления (B, Q1), высокую мотивацию (Q3), целеустремленность (Q3), лидерство (H, E), коммуникабельность (A), уникальность (M), дисциплинированность (G), инициативность (Q2), стрессоустойчивость (H) [5, с. 240–260].

Полученные в результате тестирования «сырые» баллы по каждому из факторов переводились в стены (условные баллы 10-балльной шкалы) и делились на уровни: 1–4 стена – низкий уровень; 5–6 стенов – средний уровень; 7–10 стенов – высокий уровень. Стены являются исходными данными для построения профиля личности, который в оригинале представленной методики является заключительным этапом перед интерпретацией полученных данных. Так как анализ и сравнение данных по каждому из 14 факторов не позволяют получить полное представление об уровне сформированности компетентностно значимых качеств личности в целом, мы предприняли попытку объединить результаты по каждому фактору (всего 14) в единую шкалу через их суммирование. В результате проведенного качественного анализа, учитывая, что в некоторых факторах нас интересовал высокий уровень (7–10 баллов), а в некоторых низкий (от 1 до 4, например, фактор O), мы получили следующие три градации сформированности компетентностно значимых качеств личности (впоследствии получившие название «уровни успешности личности»): 20–58 – низкий уровень; 59–95 – средний уровень; 96–134 – высокий уровень.

Анализ полученных показателей каждого студента, который был использован для проверки эффективности влияния формы, представил следующую картину в начале эксперимента: в экспериментальной группе 27 студентов (72,97%) имеют низкий уровень сформированности компетентностно значимых качеств личности, 10 (27,02%) – средний; соответственно

в контрольной группе 27 (75%) и 9 (25%) студентов. В обеих группах студентов с высоким уровнем сформированности компетентностно значимых качеств личности не оказалось.

Проанализировав результаты уровня успешности каждого студента и сопоставив полученные значения в начале эксперимента и в конце, мы отметили уменьшение численности студентов в экспериментальной группе с низким уровнем сформированности компетентностно значимых качеств личности (0%), увеличение со средним (75,67%) и высоким (24,32%) уровнями. В контрольной группе, несмотря на положительную динамику в целом, студентов с низким уровнем (52,77%) оставалось больше, чем со средним (47,22%) и высоким (0%). Данные диагностики, отражающие в процентном отношении динамику уровней сформированности качеств в начале и в конце эксперимента, подтверждают эффективность предложенной формы для развития компетентностно значимых качеств личности. Достоверность результатов экспериментального исследования была проверена с помощью использования *t*-критерия Стьюдента.

Таким образом, проведенное исследование показало, что компетентностно значимые качества личности должны стать необходимым звеном структуры личностной составляющей профессиональной компетентности будущего педагога музыки, так как способствуют успешному выполнению профессиональной деятельности. Одной из эффективных форм, влияющих на формирование этих качеств личности, является профессиональный клуб: оптимально объединивший формы учебной, внеучебной и научной деятельности студентов, он максимально содействует становлению профессионально компетентного педагога музыки.

Список литературы

1. Варданян Ю. В. Становление и развитие профессиональной компетентности педагога и психолога / под науч. ред. В. А. Сластенина. М., 1998. 180 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филолог. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотип. М., 1978. 846 с.
3. Митина Л. М. Учитель как личность и профессионал. М., 1994. 216 с.

4. Абдуллин Э. Б., Николаева Е. В. Теория музыкального образования : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2004. 336 с.
5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 1998. 672 с.

Personality Factor in Professional Competence of Music Teacher

I. N. Sergienko

The Saratov State University
83, Astrakhanskaya, 410012, Saratov, Russia
E-mail: Siren.com@yandex.ru

The article analyses one of the leading categories of competence approach in education. That is professional competence in the notion of which the author suggests including «competent significant» personal qualities necessary for successful fulfillment of professional activities at the modern stage of social development. In the author's opinion, a professional club as an optimal combination of educational, researching and off-hour activities is an excellent way of developing «competent significant» personal qualities of music teacher. The present work describes the experience of introducing a professional club into educational process in the Institute of Art.

Key words: professional competence, teaching method, professional club, personal qualities, higher musical education system.

References

1. Vardanyan Yu. V. *Stanovlenie i razvitie professionalnoy kompetentnosti pedagoga i psikhologa*. Nauch. red. V. A. Slastenina (Formation and development of the professional competence of the teacher and psychologist. Ed. by V. A. Slastenin). Moscow, 1998. 180 p.
2. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka*. Pod red. d-ra filolog. nauk, prof. N. Yu. Shvedovoy. 12-e izd., stereotip. (Dictionary of Russian language. Ed. by N. Yu. Shvedova. 12th ed., the stereotype). Moscow, 1978. 846 p.
3. Mitina L. M. *Uchitel kak lichnost i professional* (The teacher as a person and a professional). Moscow, 1994. 216 p.
4. Abdullin E. B., Nikolaeva E. V. *Teoriya muzykalnogo obrazovaniya : uchebnik dlya stud. vyssh. ped. zavedeniya* (Theory of music education : a textbook for students of higher educational institutions). Moscow, 2004. 336 p.
5. *Prakticheskaya psikhodiagnostika*. Metodiki i testy: ucheb. posobie. Red.-sost. D. Y. Raygorodskiy (Practical psychodiagnostics. Methods and tests: textbook. Ed. by D. Y. Raygorodskiy). Samara, 1998. 672 p.

УДК 796.058.2

ГИПОКСИЧЕСКИЙ СТИМУЛ В ПОВЫШЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ СПОРТСМЕНОВ

Тимушкин Александр Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: timushkin-box@rambler.ru

Показаны возможности гипоксической тренировки спортсменов в условиях равнины, заключающейся в дыхании газовой смеси с обедненным содержанием кислорода и одновременном выполнении велоэргометрической нагрузки. Доказано повышение физической работоспособности спортсменов в результате шестинедельной тренировки, установлена возможность использования гипоксического стимула в оперативной оценке функционального состояния регуляторных систем организма. Результаты исследования свидетельствуют о возможности выявления нарушений в деятельности сердечно-сосудистой системы и регуляторных систем организма спортсменов в обследовании, сочетающем метод интервалакардиографии с гипоксическим стимулированием.

Ключевые слова: гипоксическая тренировка, газовая смесь, физическая работоспособность, функциональное состояние, регуляторные системы организма.

Среди факторов, способных оказать активное влияние на повышение функциональных резервов организма спортсменов и рост физической работоспособности, важное место занимают тренировки в условиях горной местности. Адаптационная перестройка вегетативных функций организма обусловлена низким атмосферным давлением и связанным с этим уменьшенным парциальным давлением кислорода в атмосферном воздухе, которое снижается по мере повышения высоты местности над уровнем моря. Адаптация к условиям больших высот приводит к существенным функциональным изменениям, которые усиливаются при физических нагрузках. Суммарное воздействие на организм комплекса горных факторов и мышечной деятельности ведет к его приспособительной перестройке, вызывает активизацию систем, ответственных за обеспечение организма кислородом, повышая, в первую очередь, функции дыхания, кровообращения и кроветворения [1]. В процессе адаптации к физическим нагрузкам в горах происходит улучшение утилизации кислорода, и организм спортсмена может максимально повысить его потребление.

В период кратковременной высотной адаптации происходят изменения и в объеме циркулирующей крови: первоначальное увеличение объема

циркулирующей крови при подъеме на высоту происходит благодаря рефлекторному выбросу ее из «депо», а позже – вследствие усиления кроветворения и нарастания массы эритроцитов.

Существенная роль в приспособлении организма к гипоксии принадлежит компенсаторным реакциям системы красной крови, направленным на поддержание гомеостаза и эффективное снабжение тканей кислородом. Гипоксия стимулирует красное кроветворение благодаря усилению синтеза гемоглобина и увеличению числа эритроцитов. Физиологическая целесообразность указанных сдвигов заключается в необходимости усиления кислородо-транспортной функции крови для обеспечения адекватного снабжения тканей кислородом.

Гипоксия стимулирует перестройку тканевых процессов, заключающуюся в повышении утилизации тканями имеющегося в крови кислорода. Сама по себе гипоксия без увеличения кислородного запроса ткани, скорее всего, не приводит к интенсификации утилизации кислорода и субстратов мышц, однако при совместном применении физической нагрузки и гипоксии активность окислительных ферментов увеличивается быстрее, чем при тренировке на уровне моря.

Таким образом, многочисленные факты убеждают в том, что условия горного климата стимулируют активизацию функциональных систем организма человека. Дополнительные возмущения в виде различных режимов двигательной деятельности усиливают влияние гипоксической гипоксии. Следовательно, условия горного климата вызывают в организме человека большие функциональные сдвиги, чем равнинные условия, повышая эффект тренировочных занятий в расширении функциональных возможностей организма. Многочисленные факты спортивных результатов после тренировок в условиях горной местности свидетельствуют об их эффективности. Однако возможность использования тренировок в условиях средне- и высокогорья для спортсменов массовых разрядов весьма

ограничены. Практически недоступны они и для людей, занимающихся оздоровительной физической культурой, ставящих перед собой цель повысить функциональные резервы организма. В связи с этим необходим поиск путей повышения функциональных возможностей организма с помощью гипоксических тренировок без выезда в горную местность.

Среди способов гипоксической стимуляции в условиях равнины обращают на себя внимание тренировки в барокамере [1, 2], дыхание через дополнительное мертвое пространство [3], тренировки с дозированной задержкой дыхания [4], дыхание в процессе тренировки газовыми смесями с низким процентным содержанием кислорода [5] и т.п. Эти модели кислородного голодания могут применяться в условиях равнины и как средство повышения специальной физической работоспособности [6]. По мнению ряда исследователей, интервальная гипоксическая тренировка в условиях равнины способствует расширению функциональных резервов газотранспортных систем, оптимизации психоэмоционального состояния, повышению общей физической работоспособности [7, 8].

Несмотря на то, что указанные способы гипоксической стимуляции предложены спортивными физиологами и известны в теории и методике спортивной тренировки, широкое использование их в тренировочном процессе сдерживается отсутствием разработанной методики применения этих средств в подготовке спортсменов различной квалификации. Отсутствуют исследования определения места гипоксической стимуляции в условиях равнины в целостной системе подготовки спортсмена; не показаны их сравнительная эффективность и целесообразность применения представителями различных видов спорта.

С целью проверки эффективности гипоксической тренировки в условиях равнины нами были организованы и проведены экспериментальные исследования в течение шести недель с группой спортсменов, специализирующихся в триатлоне. Гипоксическая стимуляция спортсменов проводилась газовой смесью с обедненным содержанием кислорода: на первых гипоксических тренировках газовая смесь соответствовала высоте 4000 м над уровнем моря, затем постепенно изменялась, достигая к шестой неделе тренировки состава воздуха, аналогичного высоте 7000 м над уровнем моря. Спортсмены дышали газовой смесью, выполняя велоэргометрическую нагрузку мощностью 120–150 Вт два раза по пять минут через пять минут отдыха. Гипоксическая тренировка выполнялась спортсменами 4–5 раз в неделю

дополнительно к обычному тренировочному процессу, включающему в недельный цикл шесть беговых тренировок, две-три плавательные в бассейне и три велосипедные. Физическая работоспособность определялась по скорости передвижения спортсменов при пульсе 170 уд/мин в соответствии с общепринятой методикой по результатам, показанным в беге, плавании и езде на велосипеде [9].

Анализ результатов тестирования спортсменов на заключительном этапе гипоксической тренировки выявил однонаправленную динамику – улучшение, однако степень выраженности сдвигов в контрольных упражнениях была различной (табл. 1). Наиболее выраженный прирост скорости передвижения спортсменов при пульсе 170 уд/мин был в беге (15,7%, $p < 0,05$); статистически достоверно возросла скорость езды на велосипеде при той же частоте пульса (7,8%, $p < 0,05$); в плавании отмечена лишь тенденция к увеличению скорости при аналогичной частоте пульса (5,7%), не носящая статистически значимого характера.

Таблица 1

Скорость передвижения спортсменов при пульсе 170 уд/мин до (I) и после (II) гипоксической тренировки ($\bar{X} \pm S\bar{X}$)

Этап	Скорость передвижения при пульсе 170 уд/мин (м/с)		
	Плавание	Езда на велосипеде	Бег
I	1,41±0,04	9,77±0,47	4,7 ±0,17
II	1,49±0,06	10,53±0,28	5,44±0,13
Различие, %	5,7	7,8*	15,7*
P ₁₋₂		<0,05	<0,05

Примечание. * – $p \leq 0,05$.

Таким образом, предлагаемая нами модель гипоксической тренировки в условиях равнины является эффективным средством повышения физической работоспособности спортсменов. В то же время перекрестная адаптация организма к гипоксическому стимулу и физической нагрузке является мощным средством воздействия на функциональные системы организма: возникает опасность перенапряжения функциональных систем организма и срыва процесса адаптации. В связи с этим для практики спорта весьма актуален вопрос о перестройках нейрогуморальной регуляции деятельности сердца и других органов при сочетанном влиянии гипоксической стимуляции и мышечных нагрузок.

Исследование влияния кратковременного воздействия гипоксии на состояние регулятор-

ных систем организма спортсменов проводилось нами в лабораторных условиях по результатам гипоксической пробы. Спортсмены в состоянии покоя в течение трех минут дышали газовой смесью, соответствующей высоте 7000 м над уровнем моря. Одновременно проводилась запись электрокардиограмм для последующего расчета показателей вариационной пульсометрии. Анализу подвергались статистические характеристики сердечного ритма, рассчитанные по параметрам последовательного ряда кардиоинтервалов. На основе этих статистических параметров рассчитывался индекс напряжения регуляторных систем организма (ИН), отражающий соотношение нервных и гуморальных факторов регуляции сердечного ритма [10].

Результаты анализа показателей вариационной пульсометрии показали, что даже кратковременная острая гипоксия ведет к повышенному напряжению регуляторных систем организма и служит критерием потенциальных способностей спортсменов противостоять воздействию недостатка кислорода. В процессе всего периода проведения пробы отмечалось постепенное повышение частоты пульса и показателя напряжения регуляторных систем организма: уже в конце первой минуты пробы среднегрупповой показатель ИН поднимался выше нормы (табл. 2).

Таблица 2

Показатели напряжения регуляторных систем организма (ИН) и частоты сердечных сокращений (ЧСС) спортсменов в процессе гипоксической пробы ($\bar{X} \pm S\bar{x}$)

Время пробы	Показатели	
	ЧСС	ИН
0–30 с	65,75±1,26	100,53±26,2
31–60 с	69,28±1,44	119,05±15,23
61–90 с	72,33±1,4	189,09±34,17
91–120 с	74,98±1,43	215,93±32,9
121–150 с	75,88±1,39	257,67±34,99
151–180 с	75,98±1,47	230,64±27,16

Анализ индивидуальных реакций на гипоксическую пробу позволил выделить пять групп спортсменов, различающихся по степени физиологического ответа на гипоксические возмущения:

1) первую группу составили спортсмены (38,6%), у которых исходный уровень напряжения регуляторных систем организма находился в пределах нормы и остался в границах нормы в

момент завершения пробы: реакция расценивалась как хорошая гипоксическая устойчивость;

2) при исходном состоянии регуляторных систем в пределах нормы у спортсменов второй группы отмечалось увеличение ИН выше нормы в конце пробы; данный факт расценивался как удовлетворительная гипоксическая устойчивость и отмечался у 29,8% испытуемых;

3) в третьей группе спортсменов фоновый уровень диагностировался как состояние повышенного тонуса парасимпатического отдела вегетативной нервной системы, ИН был ниже 15; в конце третьей минуты пробы состояние регуляторных систем организма соответствовало физиологической норме: эта реакция определялась как удовлетворительная гипоксическая устойчивость у 5,3% испытуемых;

4) повышенный тонус симпатического отдела вегетативной нервной системы спортсменов четвертой группы сохранялся на этом же уровне в начале пробы или увеличивался в конце; количество таких спортсменов составляло 21% от всех испытуемых, а реакция организма расценивалась как проявление удовлетворительной гипоксической устойчивости на фоне начинающегося переутомления;

5) преобладание вагусного влияния в состоянии регуляторных систем спортсменов пятой группы в исходном состоянии изменялось в процессе выполнения пробы на повышение тонуса симпатического отдела вегетативной нервной системы; такое резкое изменение состояния регуляторных систем организма можно расценить как неудовлетворительную гипоксическую реакцию организма, определяемую у 1,7% испытуемых.

В случаях нарушения работы миокарда гипоксическая проба показывала резкое увеличение напряжения регуляторных систем организма: так, при наличии у одного спортсмена желудочковой экстрасистолии исходный уровень ИН, равный 18, повысился до 568 в конце пробы.

Таким образом, гипоксическая стимуляция вызывает напряжение в деятельности функциональных систем организма и, в сочетании с электрокардиографической оценкой состояния регуляторных систем, может использоваться в качестве критерия отбора спортсменов к участию в соревнованиях в сложных климатических и гипоксических условиях, для выявления предрасположенности к занятиям видами спорта с преимущественным требованием к качеству выносливости, коррекции двигательного режима и выявлению ранних донологических и патологических изменений миокарда.

Список литературы

1. Меерсон Ф. З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981. 278 с.
2. Пенкина Ю. Н., Вишневецкий А. А. Адаптация к физическим нагрузкам и использование барокамерных условий для тренировочных целей // Педагогические и медико-биологические аспекты физвоспитания и спортивной подготовки в Кыргызстане. Бишкек, 1995. С. 63–64.
3. Солопов И. Н. Совершенствование механизмов адаптации у спортсменов при тренировках с дыханием через дополнительное мертвое пространство // Педагогические и медико-биологические аспекты физвоспитания и спортивных тренировок в Киргизии. Фрунзе, 1988. С. 101–102.
4. Кръстев К., Илиев И. Височина, гипоксия и спорт. София, 1970. 133 с.
5. Чижов А. Я., Потиевская В. Н. Нормализующий эффект нормобарической гипоксической гипоксии // Физиология человека. 1997. Т. 23, № 1. С. 108–112.
6. Тимушкин А. В., Тимушкина Н. В. Совершенствование системы тренировки спортсменов в условиях высокогорья // Вопросы укрепления здоровья населения, теории, методики и психофизиологии физического воспитания и спорта : сб. науч. тр. : в 2 т. Чебоксары, 1995. Т. 2. С. 217–221.
7. Антипов И. В. Влияние гипоксических и гипоксически-гиперкапнических газовых смесей на функциональные резервы организма человека : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ульяновск, 2006. 23 с.
8. Махова Н. А. Психофизиологические и функциональные изменения у детей с отклонениями интеллектуального развития при физических и гипоксических тренировках : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ульяновск, 2009. 24 с.
9. Карпман В. Л., Белоцерковский З. Б., Гудков И. А. Тестирование в спортивной медицине. М., 1988. 208 с.
10. Баевский Р. М., Кириллов О. И., Клецкин С. З. Математический анализ изменений сердечного ритма при стрессе. М., 1984. 219 с.

The Role of Hypoxic Stimulus in the Increase of Physical Working Capacity of the Students

A. V. Timushkin

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: timushkin-box@rambler.ru

The paper shows the capacities of a hypoxic training on the plain. The training consists of breathing gas mixture with depleted oxygen content and a simultaneous performance bicycle exercise load. It was proved that exercise performance of the sportsmen increases after six weeks of training. The use of hypoxic stimulus for the operative assessment of the functional state of regulatory systems of the organism is also shown. The results of the research demonstrate the possibility of revealing the regulatory systems disorders in the organisms of sportsmen during the checkup, which combines the method of interval cardiography with hypoxic stimulation.

Key words: hypoxic training, gas mix, exercise performance, functional state, regulatory systems of the organism.

References

1. Meerson F. Z. *Adaptatsiya, stress i profilaktika* (Adaptation, stress and prevention). Moscow, 1981. 278 p.
2. Penkina Yu. N., Vishinevsky A. A. *Adaptatsiy k fizicheskim nagruzkam i ispolzovanie barokamernykh usloviy dlya trenirovochnykh tseley* (Adaptation to physical stress and the use of altitude chamber conditions for training purposes). *Pedagogicheskie i medikobiologicheskie aspekty fizvospitaniy i sportivnoy podgotovky v Kyrgyzstane* (Pedagogical and biomedical aspects of physical education and sports training in Kyrgyzstan). Bishkek, 1995, pp. 63–64.
3. Solopov I. N. *Sovershenstvovanie mehanizmov adaptatsiy u sportsmenov pri trenirovkakh s dyhaniem cherez dopolnitelnoe mertvoe prostranstvo* (Improving adaptation mechanisms of athletes during training with breathing through an additional dead space). *Pedagogicheskie i medikobiologicheskie aspekty fizvospitaniy i sportivnykh trenirovok v Kirgizii* (Pedagogical and biomedical aspects of physical education and sports training in Kyrgyzstan). Frunze, 1988, pp. 101–102.
4. Krstev K., Iliev I. *Visochina, hipoksiy i sport* (Altitude, hypoxia and sports). Sofiya, 1970. 133 p.
5. Chizhov A. Ya., Potievskaya V. N. *Normalizuyuchiy effect normobaricheskoy gipoksicheskoy gipoksiy* (Normalizing effect of normobaric hypoxic hypoxia). *Fiziologiyi cheloveka* (Human Physiology), 1997, vol. 23, no. 1, pp. 108–112.
6. Timushkin A. V., Timushkina N. V. *Sovershenstvovanie sistemy trenirovki sportsmenov v usloviyakh vysokogoriya* (Improvement of the system of training athletes at high altitudes). *Voprosy ukrepleniya zdoroviya naseleniya, teorii, metodiki i psikhofiziologii fizicheskogo vospitaniya i sporta: v 2 t.* (Questions of health promotion, theory, methodology and psychophysiology of physical education and sport: in 2 vol.). Cheboksary, 1995, vol. 2, pp. 217–221.
7. Antipov I. V. *Vliyanie gipoksicheskikh i gipoksicheskigiperkapnicheskikh gazovukh smesey na funktsionalnye rezervy organizma cheloveka: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* (Effect of hypoxia and hypoxic-hypercapnic gas mixtures on the functional reserves of the human body: synopsis of a thesis of candidate of biology). Ulyanovsk, 2006. 23 p.
8. Makhova N. A. *Psikhofiziologicheskie i funktsionalnye izmeneniya u detey s otkloneniyami intellektualnogo razvitiya pri fizicheskikh i gipoksicheskikh trenirovkakh: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* (Physiological and functional changes of children with intellectual development in physical and hypoxic training: synopsis of a thesis of candidate of biology). Ulyanovsk, 2009. 24 p.
9. Karpman V. L., Belotserkovskiy Z. B., Gudkov I. A. *Testirovanie v sportivnoy meditsine* (Tests in sports medicine). Moscow, 1988. 208 p.
10. Baevsky R. M., Kirillov O. I., Kletskin S. Z. *Matematicheskiy analiz izmeneniy serdechnogo ritma pri stresse* (Mathematical analysis of heart rate changes under stress). Moscow, 1984. 219 p.